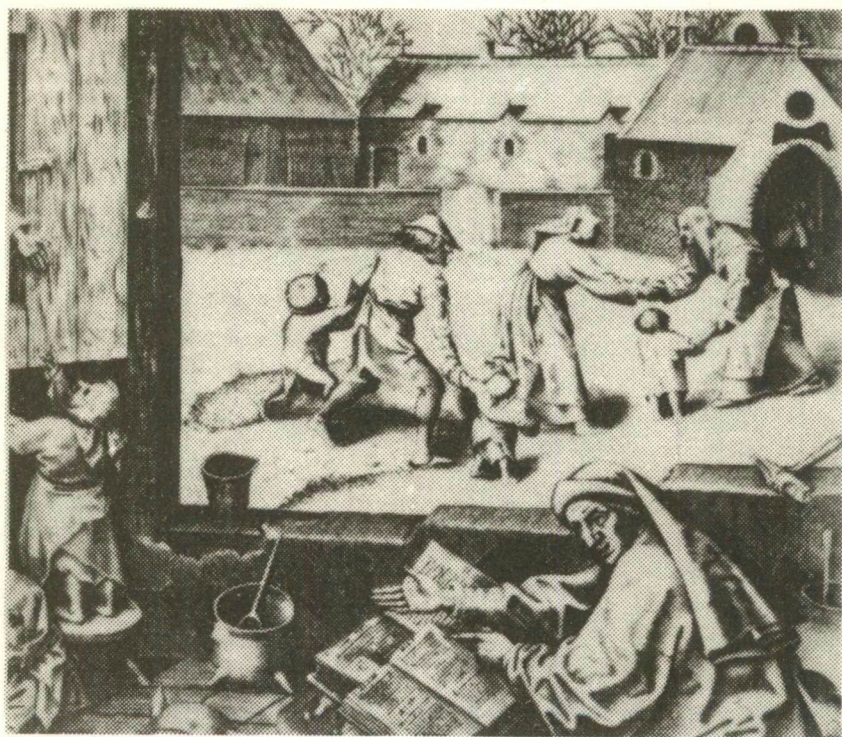

Tartu Riiklik Ülikool

STUDIA IURIDICA:

HISTORIA ET THEORIA

4

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a, VIHK 868 Выходит Основаны в 1893.г.

ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ЭСТОНИИ
В XVII – XIX вв.

STUDIA IURIDICA

IV

TARTU 1989

Редакционная коллегия:

Э. Кергандберг (председатель), В. Кельдер,
М. Куль (секретарь), Р. Марусте, И.-М.
Орго, Э. Плоом, И. Ребане.

Ответственные редакторы: И.Н. Грязин, П.М. Ярвела-
йд

Ученые записки Тартуского университета.

Выпуск 868.

ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭСТОНИИ В XVII - XIX ВВ.

Studia iuridica IV.

Труды по правоведению.

На разных языках.

Тартуский университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.

Ответственные редакторы: И.Н. Грязин, П.М. Ярвелаид

Корректоры Л. Онопренко, А. Кярнер, К.Шмит.

Подписано к печати 13.10.1989.

МВ 01639.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 11,57. Печатных листов 12,25.

Тираж 400.

Заказ № 641.

Цена 2 руб. 30 коп.

Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.

Данный сборник представляет собой некоторое исключение из серии "Studia iuridica", ибо посвящен не исследованию того или иного аспекта исторического и логического в познании права, а затрагивает проблему социального фона взаимодействия этих категорий в правовой науке. Это, как сказал бы Томас Кун, есть исследование не парадигмы, а научного сообщества, ее несущего. Поскольку такая постановка проблемы в социально-философском плане достаточно нова, то, видимо, было бы преждевременно претендовать на ее изложение в более или менее обобщенных социологических категориях. Вместо этого мы попытались по-новому взглянуть хотя бы на одно конкретно-историческое "научное сообщество" в таком виде, каким оно было наиболее знакомо нам, - сообщество юристов нашего же университета XVII-XIX веков.

При этом мы надеемся, что теоретический смысл предлагаемых статей, основанных на этой исторической материи, не останется незамеченным читателем.

Ответственные редакторы

О ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ЧЛЕНОВ ГОРОДСКИХ
МАГИСТРАТОВ ЭСТЛЯНДИИ И ЛИФЛЯНДИИ
В XVII - НАЧАЛЕ XVIII ВВ. (1630-1710)

А. О. Теринг

К настоящему времени проблема образованности членов городских магистратов мало изучена. Данное исследование ставит своей целью частично устранить этот пробел, выяснив удельный вес ученых членов в магистратах городов Эстляндии и Лифляндии и установив, в каких университетах они учились. Определение удельного веса ученых в магистратах и университетах, в которых они обучались, поможет исследователям установить, в какой степени римское право в местных городских судах принималось как субсидарное право.

В качестве основных источников в данной работе использовались матрикульные книги примерно двадцати немецких, шведских, нидерландских и швейцарских университетов.¹

Административная и судебная системы прибалтийских городов сформировались уже в XIV-XV вв., и городской магистрат существовал как закрытая сословная корпорация до буржуазных реформ 80-х годов XIX в. В период шведского господства в Прибалтике было 6 городов с магистратами, имеющими самостоятельную юрисдикцию.² Более или менее одинаковое количество населения имели Рига и Таллинн (10-12 тыс.), значительно меньшее - Тарту (2 тыс.), Пярну (1 тыс.), Курессааре, а со второй половины XVII в. заметно начинает расцветать Нарва (3 тыс.). Хаапсалу в период 1628-91 гг. принадлежал семье Делагарди, а Валмиера и Цесис до дедукции имений 1680-х гг. - семье Оксеншерна.

Городской магистрат являлся как административным, так и судебным учреждением. Его задачей была забота о хозяйстве, строительстве, обороне, благоустройстве города и образовании населения, кроме того, он должен был представлять бюргерство перед государственными властями. В магистратах Риги и Таллинна действовало по 4 бургомистра и 14 ратманов. В магистратах Тарту, Пярну, Нарвы и Курессааре было по 2 бургомистра и 5-9 ратманов. В состав членов магистратов Риги, Таллинна и Нарвы входили и знатоки юриспруденции - синдики (и вице-синдики). Так же, как и в немецких городах, новые члены магистрата не выбирались бюргерством, но кооптировались голосованием в магистрат

те. На пожизненную должность члена магистрата в Риге и Таллинне могли быть избраны только ольдерманы Большой гильдии, т.е. самые влиятельные представители купечества, а также проявившие себя с лучшей стороны секретари магистрата, в некоторых случаях и адвокаты. Секретари, нотариусы и адвокаты не считались членами магистрата.

В компетенцию членов магистрата входили многие должностные обязанности. Так, на бургомистров Риги возлагалось до 10 обязанностей, которые менялись через каждые два года.³ Более значительные судебные дела выносились на заседание Большого (состава) магистрата, в то время как для решения мелких судебных дел имелись низшие суды: фогтейский суд, где решались гражданские и уголовные дела; цеховой суд, решающий торговые вопросы, связанные с оценкой недвижимого имущества и строительных участков; сиротский и земельный суды (ландфогтгерихт) решали судебные вопросы в городских имениях. В нескольких городах (Нарва, Рига, Пярну) шведским королем был назначен бургграф, чьей обязанностью было согласование интересов города с интересами королевской власти и решение спорных вопросов между бюргерами и дворянами.

В Риге ученые в магистрат кооптировались исключительно из лиц местного происхождения, это были преимущественно сыновья купцов и членов магистрата.⁴ После университетской учебы и расширяющих кругозор путешествий они получали места секретарей. Необходимо было пройти все последовательные служебные степени. В начале давалось место так называемого гофсекретаря, которое не оплачивалось,⁵ после чего в соответствии с тем, когда какое-нибудь место ратмана освобождалось и обер-секретарь кооптировался на его место в магистрате, секретарь фогтейского суда получал место обер-секретаря, секретарь сиротского суда — место секретаря фогтейского суда, секретарь земельного суда избирался на место секретаря сиротского суда, а гофсекретарь переводился на место секретаря земельного (ландфогтейского) суда.⁶ В основном почти все секретари позднее становились членами магистрата, только немногие умирали молодыми в должности секретаря. Поэтому непонятно утверждение латышского историка А. Зейды, что в период 1651–1700 гг. из секретарей только 28 % кооптировалось в магистрат.⁷

Ратманами становились в среднем 36-летние,

бугомистрами - 53-летние, т.е. после 20-летней службы ратманом. Сравним: купцы становились ольдерманами Большой гильдии в среднем 40-летними, в свою очередь, ратманами - в среднем 46-летними, таким образом, значительно старше ученых членов магистрата. Нужно подчеркнуть, что ученые члены магистрата Риги после теоретической подготовки в университетах получали солидную практику на местах секретарей, основательно изучая все административные, хозяйственные и судебные дела города.

Во второй половине XVII в. в составе рижского магистрата было примерно 61-72 % ученых членов (из 18 членов 11-13), в то же время в Таллинне их было 22-28% (из 18 членов 4-5). Можно ли считать удельный вес ученых в рижском магистрате достаточно высоким? Если в Прибалтике это количество считалось высоким, то по сравнению с Гданьском оно было довольно скромным. В магистрате Гданьска, где членов магистрата насчитывалось 18, как и в Риге, из купечества были 1-2 члена.⁸ Но нужно учитывать, что в Гданьске, где жителей имелось в 8 раз больше, чем в Риге,⁹ вместе с тем было более сложное судопроизводство и значительно выше потребность в юристах. Такое положение в Гданьске привело к тому, что высокообразованные члены магистрата иногда не могли справиться со сложными задачами городского хозяйства, которые легко решались бы купцами.¹⁰ По-видимому, в Риге соотношение количества ученых членов магистрата и членов из купечества было оптимальным. Это можно заключить и на основании конкретных задач и обязанностей членов магистрата.¹¹ Такой же порядок существовал и в XIX в., т.к. согласно провинциальному остзейскому праву 1845 г. половина членов магистрата должна была избираться из купечества и половина из ученых.¹²

В Риге у власти стояла относительно малочисленная купеческая верхушка. В 1601-1710 гг. в магистрат было кооптировано 123 члена из 68 семей, из которых больше половины семей (37) было представлено одним членом. Семей, которые представляли бы 5 или более членов, имелось четыре: Дрейлинги (9), Ригеманы (7), Витте (8), Циммерманы (5). Связи между семьями купеческой верхушки были очень крепкими на основе родственных отношений, способствующих предоставлению детям возможности получения образования в лучших университетах. В XVII в. из семей Ригемана и Дрейлинга

имелось по пять, из семей Майера и Бенкендорфа по три представителя среди ученых членов магистрата.

В Таллиннском магистрате было ученых членов значительно, в 3-4 раза, меньше по сравнению с рижским.¹³ Но в годы 1629-1642 по меньшей мере один из 4 бургомистров был ученым, в 1661-1676 и 1687-1688 - два, в 1675-1677 даже три. Специалист по юридическим вопросам - синдик - по рангу находился между бургомистром и ратманом. Иногда обязанности синдика выполнял один из бургомистров (1635-1640, 1660-1681 гг.). При решении сложных вопросов к синдикку вызывали лучших юристов, чаще всего это были доктора из Германии, например, в 1631-1640 гг. синдиком был Ф. Виллебрандт из Ростока. В 1681 г. к синдикку вызывался из Стокгольма С. Пуфендорф.¹⁴ Когда он отказался, то обратились с просьбой к синдикку Любека, бывшему профессору Грейфсвальдского университета И. Поммерешену. Последний также отказался,¹⁵ но предложил своего зятя, выдающегося ученого И.Ф. Пеппинга,¹⁶ к тому времени защитившего диссертацию доктора.

До 1657 г. в Таллинне все ратманы происходили из купцов. Кооптированный в этом году в магистрат Х. Штральборн был первым ученым ратманом. В некоторые периоды (1661-1682, 1684-1693, 1704-1708) из 14 ратманов 2 даже были учеными. Но на границе столетия (1696-1703) все ратманы - выходцы из купцов. В магистрате самый большой удельный вес ученых членов наблюдался в 1660-1670 гг. (из 18 членов 4-5). Таллиннский магистрат имел трех секретарей: самого магистрата, нижнего и сиротского судов. В отличие от Риги, где место секретаря было переходной степенью к получению места в магистрате, в Таллинне низкая оплата ратмана не привлекала ученых юристов. Ратманы из купцов имели основной доход от торговли, служба в магистрате была службой чести, своей и родственников. Секретарь магистрата не был заинтересован в кооптировании в магистрат, так как за свою службу он получал, например, в 1670 г. 500 риксталеров, а ратман - только 160 риксталеров.¹⁷ Кроме того, ратман должен был нести большие расходы в связи с проживанием и своим положением в городе. Для ученого, у которого не было дополнительного дохода и который должен был содержать большую семью, выборы в магистрат могли стать катастрофой. В то время выбранный в магистрат не имел права отказаться. По любекскому праву, отка-

завшийся от должности должен был покинуть город. В такое положение в 1679 г. попал секретарь магистрата А. Альберти.¹⁸

Тарту процветал, когда был членом Ганзейского союза. В связи с упадком Ганзы и военными событиями Тарту к началу XVII в. потерял свое торговое значение. В течение XVII в. власти старались поправить дела города (например, в 1646-1647 гг. предполагалось торговый путь Рига-Псков направить через Тарту), но реальных результатов не наблюдалось.¹⁹ В то же время открытие университета в Тарту приносит городу известность. Еще в первой половине 1630-х гг. в магистрате города не было ни одного ученого члена, но в 1638 г. кооптированы сразу трое: бывший университетский профессор, ректор тривиальной школы и писарь гофгерихта.²⁰ На 1640 г. из 2 бургомистров один был ученый, из 7 ратманов - 2 ученых. Положение интеллигенции в руководстве городом во второй половине столетия становится весомым. После Кардисского мира (1661) до 1708 г. один из бургомистров имел высшее образование, а в 1666-1673, 1676-1684 гг. оба были юристами. 1670-е и 1680-е годы считаются годами коррупции в правящей верхушке города.²¹ С 1674 г. бургомистры часто менялись. После смерти шведа А. Фридзберга его место занял бывший адвокат гофгерихта и секретарь верховной консистории Г. Майер. Но после смерти Г. Майера в 1677 г. решили выбрать одного бургомистра из членов магистрата (ратманов), другого - из среды ученых (это место было также вакантным с 1674 г.).²² Первым стал бывший ратман швед И. Брёмс, ученый, вторым - бывший нотариус земского суда М. Ладау. Последний (очевидно, брат профессора Таллиннской гимназии) оказался неуживчивым и корыстолюбивым, поэтому его уже в 1678 г. уволили, и на его место был назначен заседатель гофгерихта Э.Ф. Шмиден. М. Ладау обещали предоставить место бургомистра на следующий год, однако городу это было бы не на пользу. После смерти М. Ладау в 1692 г. на его место претендовали купец-ратман И. Шлютер и ученые - ректор тривиальной школы М. Дау и секретарь магистрата И. Реммин.²³ Последний, став бургомистром, быстро сделал все для расцвета благосостояния города.²⁴ В конце XVII в. удельный вес ученых в магистрате среди ратманов был невелик (2 из 8). Но в целом в XVII в. удельный вес

ученых в магистрате Тарту относительно большой, чему способствовало наличие в городе университета и гофгерихта.

В магистрате Пярну удельный вес ученых членов в XVII в. был скромным, особенно в первой половине века.²⁵ К значительным изменениям в структуре пярнуского магистрата привело распоряжение, изданное Карлом XII в 1701 г.²⁶ На основании этого распоряжения один из бургомистров – бургомистр юстиции – и 2 ратмана должны были иметь юридическое образование. В 1702–1710 гг. из 8 членов магистрата 3 являлись учеными. Достоянейший бургомистр в 1704–1710 гг. – бывший университетский профессор М. Дау. В этот период помимо университетских служащих в городе в связи с событиями Северной войны селились многие ученые люди.²⁷

Нарвский магистрат образовался несколько иначе, чем магистраты других прибалтийских городов. в Нарве с 1585 г. было введено шведское городское право. Необычным нужно считать вмешательство шведских властей в управление городом в 40-е гг. XVII в. В нарушение городских привилегий ученым бургомистром назначается И. Фоугдт, который в 1640–1642 гг., будучи стипендиатом, обучался за границей торговой политике. Управление городом перестраивается по принципу основных городов Швеции: магистрат делится на три коллегии.²⁸ Одна занималась административно-судебными вопросами, вторая – торговлей и ремеслами, третья – строительством и финансовыми вопросами. Для города было важным получение привилегий от королевы Швеции в 1646 г. С одной стороны, удалось добиться воссоединения конкурирующих до этого Ивангорода и Нарвы и, с другой – увеличения состава магистрата: 3 бургомистра вместо 2-х и 10 ратманов вместо 8. После ухода Фоугдта с должности место одного бургомистра заменили местом бургграфа. На это место в 1653 г. назначается Ф. Крузенштерн, который имел юридическое образование и юридическую практику (нужно отметить составленный им сбор законов Эстляндии), а также опыт, накопленный в торговых и дипломатических отношениях с Россией.²⁹ Война Швеции с Россией 1656–1661 гг. и чума 1657 г. и грандиозный пожар в 1659 г. превратили Нарву в руины. Но после Кардисского мира в 1661 г. город начал быстро возрождаться благодаря предпринятым центральными властями мероприятиям.

что способствовало развитию торговли Нарвы.³⁰ Благоприятные торговые условия привлекли в Нарву предприимчивых английских купцов. Оборот транзитной торговли во второй половине XVII в. здесь рос гораздо быстрее, чем в других городах,³¹ — росту этого богатства город обязан общественными зданиями (новая ратуша, здание биржи, и бюргерскими жилыми домами в стиле барокко³².

В городском магистрате во второй половине XVII в. произошли некоторые изменения в направлении увеличения количества ученых.³³ На места бургомистров было выдвинуто несколько ученых местного происхождения. В конце XVII в. оба бургомистра и 2 из 10 ратманов были юристами. На границе столетия произошел поворот в сторону увеличения удельного веса шведов в магистрате. Непосредственно до взятия Нарвы русскими в 1704 г. из 10 ратманов было 4 юриста (3 шведа) и из 2 бургомистров — 1 ученый.³⁴ Видимо, такое соотношение состава магистрата для Нарвы являлось оптимальным.

В Курессааре (Аренсбург) в 1574 г. вводится рижское право. Руководство городом в основном находилось в руках купечества, ученым юристом был только секретарь магистрата.³⁵ В конце XVII в. бургомистром становится юрист Н. Коль, происходивший из известной купеческой верхушки.³⁶

Относительно состава магистратов Хаапсалу, Цесиса и Валмиеры имеются только фрагментарные данные, на основании которых можно заключить, что в состав магистратов этих городов входили и ученые юристы. Так, в Хаапсалу в 1701-1707 гг. бургомистром был И. Ольдекоп, бывший тартуский ратман. Его рекомендовали генерал-губернатор Эстляндии А.Ю. Делагарди и Лифляндский гофгерихт.³⁷ В Цесисе в 1639-1642 гг.³⁸ бургомистром был лицензиат медицины Б. Хирш, а в 1670-х гг. — приехавший из Германии Г. Рувиус, до этого домашний учитель семьи Розенхане в Швеции.³⁹

Какие университеты имели значение в подготовке ученых членов магистратов городов Эстляндии и Лифляндии? Ученые члены магистрата Риги, как правило, учились в нескольких университетах, редко в одном в Германии или Нидерландах. Некоторые из них имели возможность до 10 лет пребывать в Англии, Франции и Италии, совершенствуя свое образование. Это было возможным благодаря матери-

альному достатку родителей и родственников, принадлежащих к верхушке городского управления и благодаря регулярной стипендии из городской казны.

В течение 1630-1710 гг. в подготовке ученых членов магистрата Риги основным являлся **Лейденский университет**. В то время из 54 находящихся на службе ученых членов магистрата 22 (40,7%) обучались в Нидерландах (в Лейдене и Франекере). Если к 30-м годам в составе магистрата имелось только 2 воспитанника Лейденского университета, то с 40-х годов это количество росло, пока не достигло в 70-ые годы кульминации - 7 членов. По состоянию на 1675 г. из 4 бургомистров 3 обучались в Лейдене, из 13 ратманов, среди которых было 6 ученых, пятеро обучались в Нидерландах.⁴⁰ Большинство из них в 1630-1650 гг. посещали Лейденский университет в период его подъема. По всей вероятности, они учились у профессора политики М.Ц. Боксхорна и профессора истории Д. Хейнзии. Достоверно известно, что долговременный служащий магистрата Х. Самсон-Химмельшерна был учеником этих профессоров.⁴¹ К 90-м годам количество членов магистрата, обучавшихся в Лейденском и Франекерском университетах, уменьшилось до двух, позже возросло до максимума - 6. В Нидерландах они обучались в 80-ые годы. Это беспрецедентно для Прибалтики, так как из других судебных учреждений Эстляндии и Лифляндии, в том числе из лифляндского гофсгерихта, в 80-ые годы были последние юристы, обучавшиеся в Лейдене. Благоприятным фоном устойчивости интереса рижан к нидерландским университетам являлись тесные торговые связи: Амстердам был самым большим торговым партнером Риги. Рижские купцы, будучи еще подмастерьями, основательно познакомились с торговыми конторами в Амстердаме, как поступали братья Дунте.⁴² Таким образом расширяли свой кругозор в Нидерландах и купеческие коллеги ученых членов магистрата, обучавшихся в Лейдене.

Если считать критерием значимости отдельных университетов количество обучавшихся в них членов магистрата (см. табл. 1), то следующим университетом нужно назвать **Кенигсбергский** (18), намного позади остаются среднегерманские университеты Йены, Лейпцига, Хельмштедта (10-12), а также Страсбургский в Эльзасе и Ростокский в Мекленбурге (9-10), университеты же Гисена, Франкфурта-на-Одере и Грейфсвальда (3-6) были мало популярны.

Таблица 1

Количество ученых членов магистрата Риги, поступивших в отдельные университеты в период 1591-1700 гг.*

Университеты	1591 1600	1601 1610	1611 1620	1621 1630	1621 1630	1631 1640	1641 1650	1651 1660	1661 1670	1671 1680	1681 1690	1691 1700	Все- го
Тарту							1				1		2
Упсала							1						1
Йена		2	3	2			1	1	1	2			12
Лейпциг		1	2	1			2	1	1	1	1	1	10
Виттенберг			1				1						2
Хельмштедт	1							4	4	2			11
Гисен			1					2	1	1	1		6
Тюбинген								1					1
Альтдорф						1				1			2
Страсбург							3	4	1	1	1		10
Гейдельберг	1								2				3
Галле												2	2
Росток		1	2	2	1	1	1	2					9
Грейфсвальд				1		1	1	1					3
Кенигсберг		1	1	4	3	2	2	1			3	1	18
Киль										1			1
Франкфурт/О.	3										1		4
Лейден		2		2	4	3	3	2	1	5			22
Франкер					2	1	1						4
Гронинген					1								1
Базель					1		2						3

* В число ученых членов магистрата входят бургомистры, ратманы и синдики (а также вице-синдики).

Таблица 2

Количество ученых членов магистрата Риги, обучавшихся
в различных университетах в 1591-1700 гг.

Универ- ситеты	Годы службы в магистрате																
	1 1630	2 1635	3 1640	4 1645	5 1650	6 1655	7 1660	8 1665	9 1670	10 1675	11 1680	12 1685	13 1690	14 1695	15 1700	16 1705	17 1710
Тарту	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Упсала	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Йена	3	4	5	6	5	3	2	1	1	1	2	-	-	1	2	3	3
Лейпциг	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	2	3	4
Виттенберг	1	1	1	1	1	-	1	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Хельмштедт	1	-	-	-	-	-	-	-	1	2	4	6	4	6	2	2	2
Гисен/ Марбург	1	1	1	1	1	1	-	-	-	1	1	2	4	4	3	3	3
Тюбинген	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Альтдорф	-	-	-	1	1	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Гейдельберг	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-
Страсбург	-	-	-	-	1	1	4	4	5	5	5	5	4	3	3	3	2
Галле	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Росток	3	3	4	5	4	3	2	1	2	2	3	3	1	1	1	1	1
Грейсвальд	-	-	-	-	1	2	3	3	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Кенигсберг	2	2	1	2	3	4	4	4	5	5	6	5	5	3	1	3	4
Киль	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Франкфурт	3	3	3	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Лейден	2	2	3	4	5	5	5	5	7	7	6	4	2	3	4	4	4
Франкер	-	-	-	1	3	3	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1
Базель	-	-	-	1	1	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Англия	1	1	1	-	1	1	2	3	5	6	5	5	3	1	-	-	-
Франция	-	-	-	-	-	-	2	2	5	5	5	5	3	3	2	1	-
Италия	-	-	-	1	1	1	4	3	3	4	4	3	2	-	-	-	-

Время службы в магистрате тех или иных ученых дифференцирует периоды влияния отдельных университетов. Влияние Кенигсбергского университета заслуживает особого внимания с 50-х по 90-е годы. По-видимому, этот университет был первым, откуда шли учиться дальше в другие университеты. Большое количество членов магистрата Риги обучалось в Кенигсберге в 20-30-е годы. Количество членов магистрата, обучавшихся в университете Йены, стало значительным с середины 30-х годов до середины 50-х годов (более всего - 6 - их было в середине 40-х годов). Постепенно значение Йенского университета падало, и к 80-м годам уже не было ни одного служащего магистрата, который бы ранее обучался в Йене. Рижские члены магистрата обучались в Йене, к сожалению, до расцвета этого университета. Короткое время, в начале 80-х гг., ратманом был Т. Фридрикс, обучавшийся в Йене 3 года и имевший близкие отношения с известными профессорами Э. Вейгелем и В. Рольфинком.⁴³ Но это было исключением. Лейпцигский университет посещали всего три члена магистрата, но удельный вес - 3 из 18 - оставался постоянным до второй половины 1690-х гг., когда стало 2 члена; так продолжалось до 1704 г.

Влияние Хельмштедского университета началось с 1670-х годов и стало наибольшим с 80-х до середины 90-х годов. Члены магистрата учились в Хельмштедте в основном в 50-60-ые годы, очевидно, у профессора политики Х. Конринга. Под его руководством 2 из них защитили диспутации - И. Дрейлинг и Л. Циммерман.⁴⁴ Из их диспутаций выясняется, что они были в курсе работ основных представителей передовой общественно-политической мысли. Как в работе Дрейлинга "*De bello et pace*", так и в работе Циммермана "*De vectigalibus*" (обе в 1666 г.) имеются ссылки на главную работу Х. Гроция.

Учившиеся в Страсбургском университете появились в составе Рижского магистрата уже начиная со второй половины 1640-х гг., но влияние этого университета началось с 1660-х гг. (4-5 из 18). Роль его упала в 90-е годы. Преобладающее большинство обучалось в Страсбурге в 40-50-ые годы у профессора политики И.Х. Бёклера. Учениками Бёклера были П. Брокхаузен, А. И. Майер-Июлденфельдт, М. Дрейлинг, П. Ригеман и Х. Самсон-Химмельшерна.

Ученые члены Рижского магистрата, обучавшиеся в Ростокском университете в период 20-30-ых

годов, когда там господствовал передовой дух, оставались под влиянием идей этого университета только в течение 40-х годов. Начиная с 60-х годов в Росток, как и в Грейфсвальде, не было имматрикулировано ни одного ученого члена Рижского магистрата. Правящая верхушка Риги не проявляла интереса к Ростокскому университету, что можно частично объяснить тем, что Рига не имела любекского права, как Росток (имела гамбургское городское право).⁴⁵

Во Франкфурте-на-Одере в 1681-1684 гг. обучался только один член Рижского магистрата - Б. Ханенфельдт. Но важно отметить, что он, будучи учеником одного из самых выдающихся правоведов С. Штрика, приобрел основательные знания по юриспруденции. В своей диссертации, где Ханенфельдт сравнивает рижское право с римским, он использовал важнейшие труды самых выдающихся правоведов того времени.⁴⁶

В длительных учебных путешествиях по Западной Европе в 40-50-ые годы ученые члены Рижского магистрата пребывали, когда в прилегающем хинтерланде господствовал уже многолетний мир и доходы от торговли давали купцам возможность направлять своих сыновей на продолжительное обучение. По последним данным, наибольшее количество ученых членов, предпринявших путешествие во Францию и в Англию, наблюдалось в 70-80-ые годы (из 18-и 5-6). Направлялось во Францию было больше всего с середины 60-х до середины 80-х годов (4-5). Из обучавшихся в Италии на службе магистрата в начале 60-х и во второй половине 70-х годов находилось 4 человека. Неожиданно значительным оказывается процент побывавших в Англии ученых членов Рижского магистрата - 18,5 % (10 из 54). Из них в Оксфордском университете побывали, по крайней мере, трое, причем М. Фукс и М. Дуэль (соответственно в 1628 и 1638 гг.) пользовались университетской библиотекой. Количество ученых членов магистрата, предпринявших путешествие в Англию, было наибольшим в середине 1670-х гг. (7 из 18). Из обучавшихся в Италии на службе магистрата в начале 60-х и во второй половине 70-х годов находилось 4 человека.

Нужно подчеркнуть, что правящая ученая верхушка магистрата имела высокое специальное образование и широкий кругозор. Деятельность этих ученых людей как распространителей передовых идей в Прибалтике заслуживает дальнейшего исследования. Важно изучить деятельность ученых относи-

тельно внедрения римского права в Риге, имеющего

DEO DUCE,
COLLATIONEM
JURIS STATU-
TARII RIGENSIS,
CUM
JURE COMMUNI,
Ad Methodum Institut. Imperialium,
CONSENTIENTE
MAGNIFICO JCTORUM ORDINE,
IN ILLUSTRIS HAC VIADRINA,
PRÆSIDE
D. SAMUELE STRYKIO, JC.
COMIT. PALAT. CÆSAR. SERENISS. ET POTENTISS.
ELECT. BRAND. CONSILIAR. FACULT. JUR. ORDI-
NAR. ET DECRETAL. PROFESS. PUBL.
Dno. Promotore ac Præceptore Suo avum devenerando,
Ad diem XXII. Novembr. Anno M. DC. LXXXIV.
IN AUDITORIO JCTORUM,
Placido Eruditorum Examine publicè exhibet
A. & R.
BRUNO Hanenfeld / Rigæ Iivon.

Francofurti ad Viadrum, Prælo Cæpelianno Academico

Титульный лист диссертации рижского ратмана Б. Ханенфельдта, защищенной под руководством проф. С. Штрика в университете Франкфурта-на-Одере в 1684 г.

место уже в XVI в.⁴⁷ Римское право было использо-
вано при составлении проекта городского права
Риги в 1653 г.⁴⁸ Заслуживает внимания вопрос о
влиянии образования ученых членов Рижского ма-
гистрата на отношение к латышскому крестьянину.
Для его решения могут быть использованы материа-

лы ландфогтейского суда города. Именно Рига была крупным землевладельцем: город владел крупными имениями (Саласпилс, Икскиле, Лимбажи, Адажи) с большим количеством крепостных крестьян.⁴⁹

В подготовке ученых кадров Таллиннского магистрата самое большое значение, на первый взгляд, имел Тартуский университет, так как в 1660-м гг. вступившие в должность ученые члены магистрата (4), а также все секретари в 1640-50-е годы были приняты в Тартуский университет как ученики Таллиннской гимназии. В Тартуском университете они знакомились с университетской жизнью, и после прохождения депозиционного ритуала им не нужно было подвергаться затем в немецких университетах унижению как новичкам. После депозиционного ритуала в Тарту они продолжали учебу в Таллиннской гимназии, а затем в европейских университетах.⁵⁰

Представляется, что самыми важными университетами для Таллиннского магистрата должны быть Грейфсвальдский и Ростокский, так как эти университетские города имели ту же юридическую основу, что и Таллинн - исправленное в 1586 г. любекское право.⁵¹ В XVII в. юридический факультет Ростокского университета по меньшей мере дважды являлся коллегией юрисконсультов (Spruchkollegium) для Таллинна: первый раз в 1610 г. и второй - в 1669 г., при ссоре эстляндского рыцарства.⁵² Но значение Ростокского университета для подготовки таллиннских ученых членов магистрата ограничилось 30 годами.

Влияние Грейфсвальдского университета в магистрате было значительнее, здесь обучались в основном в 40-е годы, причем в 1643 г. защитил докторскую диссертацию будущий вице-синдик И. Вестринг. Юридический факультет Грейфсвальдского университета считался знатоком любекского городского права, особенно в 40-е годы, когда там профессором был Д. Мевуис.⁵³ В Грейфсвальдском университете члены Таллиннского магистрата обучались до 80-х годов. Членами Таллиннского магистрата становились до 80-х годов также посещавшие нидерландские университеты. В Лейдене и во Франкере студенты пребывали в рамках академических путешествий, это не считалось основной учебой. Так, Х. Штральборн в конце своего академического путешествия находился в Лейдене с июля по ноябрь 1651 г.⁵⁴

В 60-70-ые годы в Таллиннском магистрате наблюдалось сильное влияние Страсбургского университета. Х. Штральборн слушал там в 1647-1648 гг. лекции И.Х. Бёклера по истории Т. Ливия и К. Тацита.⁵⁵ Для него большое значение имело посещение вместе с И.Х. Бёклером удивительного частного художественного собрания, которое он описывает в своем дневнике.⁵⁶ Примерно в это же время, в 1648-1651 гг., в Страсбурге обучался философии, политике и юриспруденции Г. Витте.⁵⁷

Гисенский университет в то время не был местом обучения юристов, там изучали теологию. Но основательные знания там получил синдик и бургомистр Х. Фонне (Розенкрон). О нем известно, что он учился в Гисене по меньшей мере 7 лет, будучи учеником профессора этики И. Вейсса и профессора метафизики К. Эбела.⁵⁸ В 1670-е годы, когда против Х. Фонне был возбужден иск, противники должны были признать его очень глубокие юридические познания.⁵⁹

С 70-х годов XVII в. большинство как ученых членов, так и секретарей магистрата обучалось в среднегерманских университетах (Йена, Лейпциг, Хельмштедт). Более основательная учеба в Йене известна в двух случаях: в 1663 г. в диспуте о праве завещания участвовал П. Штруерус;⁶⁰ в 1670-е гг. у профессора юриспруденции Г.А. Струве и у профессора истории И.А. Бозе учился синдик И.Ф. Пеппинг. Последний обучался и в Хельмштедте у профессора политики Х. Конринга.⁶¹ Короткое время (1688-1692) на службе магистрата находился знаток шведского права оберсекретарь И.В. Польшау, воспитанник Упсальского университета.⁶²

Некоторых будущих членов магистрата отправляли в академические путешествия:⁶³ во Францию (Х. Штральборн в 1650-1651 гг. в Лион, Орлеан, Париж, Руан, Гавр; Г. Витте в 1651-1652 гг., и И.Ф. Пеппинг в 1661 г. учились один год в Сорбонне и в Орлеанской академии) и в Англию (И.Ф. Пеппинг в 1660 г.).

На образованность членов магистрата в университетском городе Тарту больше, чем в других городах, оказал влияние местный университет. На службе магистрата города находились бывший университетский профессор И. Варнеке, ректор тривиальной школы Я. Балькиус и воспитанники универ-

ситета. В 1661-1662 гг. в магистрат были кооптированы шведы, также воспитанники Тартуского университета И. Бремс и А. Фридзберг.⁶⁴ Последний обучался в Тартуском университете в течение 11 лет. Оба шведа женились на дочерях ратмана Х. Дреффа. Довольно долгое время членом магистрата был С. Акербаум, учившийся в Упсальском университете.⁶⁵

Если во второй половине XVII в. в магистратах Риги и Таллинна влияние Грейфсвальдского университета было незначительным, то в Тарту его значение являлось большим. И. Реммин, будучи бургомистром начиная с 1693 г., а в 80-х годах - адвокатом магистрата, сумел поднять финансовое положение города на должную высоту как раз к началу Северной войны. Как И. Реммин, так и его коллега адвокат В. Штаппенбек вместе были приняты в Грейфсвальдский университет.⁶⁶ Во второй половине XVII в. в Тарту большое значение имели также среднегерманские университеты. Известный нам М. Ладау, оказавшийся интриганом, обучался в Хельмштедском университете, как и служивший с ним в одно время секретарем Ф.Т. Розер.⁶⁷ Последний учился и в Йене. В 1693-1708 гг. секретарем магистрата являлся Ф. Келлнер, воспитанник Лейпцигского университета.⁶⁸ В 1693 г. по рекомендации генерал-губернатора Я.И. Хастфера в магистрат был принят воспитанник Тартуского университета И. Ольдекоп. Но, к сожалению, он не имел ни юридического образования, ни практики. И. Ольдекоп как государственный стипендиат обучался философии и теологии.⁶⁹ Таким прецедентом воспользовался Клоковиус, соученик Ольдекопа; он также просил генерал-губернатора ходатайствовать для него о месте ратмана в магистрате, но получил место нота-риуса.⁷⁰

В Пярнуском магистрате в первой половине XVII в. некоторое время наблюдалось влияние Ростокского университета. В 1629-1637 гг. там был ратманом Ф. Пейтман, обучавшийся в Ростоке. В 60-е и 70-е годы в магистрате Пярну служили воспитанники Тартуского университета: в 1662-1683 гг. после 13-летней службы секретарем стал ратман И.Г. Герлах, обучавшийся в Тартуском университете в 1632-1638 гг. и позднее посещавший нидерландские университеты; в 1674-1677 гг. служил ратманом И. Финцинус.⁷¹ В 1702-1711 гг. секретарем ма-

гистрата был Г. Тиммерман, обучавшийся в Тартуском университете в 1694–1699 гг.,⁷² он был сыном ратмана города Выборга в Карелии. Заслуживают внимания родственные связи ратмана С. Грасса (1702–1710) в Грейфсвальдском университете: в то время его дядя П. Масков и брат М. Грасс были профессорами юридического факультета этого университета.⁷³

Нам известно, что со второй половины XVII в. ученые члены магистрата Нарвы получали юридическое образование в различных университетах. Бургграф Ф. Крузенштерн в 1653–1659 гг. был воспитанником Лейпцигского университета.⁷⁴ Так как город имел шведское право, то интересна роль Упсальского университета в образовании членов магистрата. Кооптированный в магистрат в 60-е годы И.К. Шварц обучался в Упсале в 1652–1653 гг. и был там (а позднее в Гисене) домашним учителем сыновей бывшего эстляндского губернатора Ф. Шейдинга.⁷⁵ В середине 80-х годов в магистрате Нарвы появляется больше знатоков шведского права – ратман Б. Эльвендалъ, обучавшийся в Упсале⁷⁶, и секретарь П. Голстен,⁷⁷ учившийся в Турку (Або). Перед Северной войной в должности ученых членов магистрата Нарвы были юристы, получившие юридическое образование в Упсале и Турку, а также в среднегерманских университетах Йены и Лейпцига.

В заключение нужно отметить, что в магистрате Риги удельный вес ученых был большим по сравнению с другими городами, в том числе и с Таллинном. Но нужно обратить внимание на то, что среди членов магистратов меньших городов (особенно Тарту, Пярну и Нарвы) во второй половине XVII в. выросло значение членов с юридическим образованием, хотя в основном они, как и в Таллинне, были из купечества. Большое значение имели среднегерманские университеты Хельмштедта, Йены, Лейпцига. В Риге основное влияние оказывали нидерландские (особенно Лейденский) университеты. В Тарту, Пярну и меньше в Таллинне сказывалось влияние Тартуского университета, в Нарве – университетов Упсалы и Турку (Або).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. ссылку 4 к статье: A.Tering. Die juristische Ausbildung der Mitglieder des Hofgerichts in Dorpat (Tartu) 1630-1710 в настоящем сборнике.
- 2 Следующие общие исследования по отдельным городам: История Таллина (до 60-х годов XIX века). - Таллин, 1983; Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту. - Таллин, 1980; Feodā-la Rīgā, - Rīgā, 1978; Karling, S. Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. - Stockholm, 1936.
- 3 ЦГИА ЛССР, ф. 749, оп. 6, д. 38, с. 213-218.
- 4 Основой статистики относительно состава Рижского магистрата является: H.J. Böhthführ. Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. - Riga; Moskau; Odessa, 1877.
- 5 ЦГИА ЛССР, ф. 749, оп. 6, Д. 19, с. 451, с. 67.
- 6 См., например: ЦГИА ЛССР, ф. 749, оп. 6, Д. 19, с. 451, д. 25, с. 67.
- 7 См.: A. Zeida. Feodālās Rīgās rāte un tās arhīvs. - Latvijas PSR ZA Vestis, 1975. - Nr. 8. - lpp. 62.
- 8 Цесляк Э. Изменения в общественной структуре магистрата и суда Гданьска в XVIIIв. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. - Тарту, 1972. - С. 96.
- 9 В Гданьске в середине XVII в. насчитывалось 80-100 тыс. населения (Bogucka, M. Das alte Danzig. Alltagsleben vom 15 bis 17. Jahrhundert. - Leipzig, 1980, S.8).
- 10 Цесляк Э. Изменения, с. 88. Торговый оборот хлебом Гданьска на Западно-Европейском рынке был значительно больше, чем всех городов Прибалтики вместе (Soom, A. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert. - Lund, 1961. - S. 15, 17). Это в свою очередь приводило к необходимости наличия знатоков торговых проблем в магистрате, которыми могли бы стать только купцы с большой практикой.
- 11 Обязанности членов магистрата полностью перечислены в протоколах магистрата 1690 г., откуда видно, что ученых членов обязывали по возможности решать судебные дела, а купцов -

хозяйственные. Нужно отметить, что в гражданских судебных делах на первый план выдвигались дела о долгах между купцами.

- 12 Zeida, A. Feodālās Rīgās rāte un tās arhīvs, lpp. 62.
- 13 Основой статистики относительно состава Таллиннского магистрата является: F.G. Bunge. Die Revaler Rathslinie nebst Geschichte der Rathverfassung und einem anhangе über Riga und Dorpat. - Reval, 1874. В 1630-1710 гг. среди 123 членов Рижского магистрата было 54 ученых, в то же время в Таллинне из 124 - 16 ученых.
- 14 Pezold, J.D. Reval 1670-1687: Rat, Gilden und swedische Stadtherrschaft. - Köln; Wien, 1975. - S. 273.
- 15 Но в Прибалтике работал его сын: по меньшей мере в 1684-1703 гг. С. Ф. Поммерэшен работал секретарем эзельского рыцарства.
- 16 Pezold, J.D. Reval 1670-1687. - S. 272-273.
- 17 Там же, с. 160.
- 18 Там же, с. 18, 176.
- 19 Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту - С. 40.
- 20 Основой статистики состава Тартуского магистрата является: R.A. Lemm. Dorpater Ratslinie 1319-1889 und das Dorpater Stadtamt 1878-1918. - Marburg/Lahn, 1960.
- 21 Treiberg, P. Tartu linn Rootsi ajal (aa. 1625-1704). - Tartu. - Tartu, 1927. - Lk. 83-88.
- 22 Gadebusch, F.K. Livlandische Jahrbücher. Bd. 3. Teil 2. - Riga, 1782. - S. 163.
- 23 Там же, с. 592.
- 24 Treiberg, P. Tartu linn Rootsi ajal. - Lk. 88-90.
- 25 Основой статистики состава Пярнуского магистрата является: H. Laakmann. Die Pernauer Ratslinie. - Pernau, 1926.
- 26 Pärnumaa. - Tartu, 1930. - Lk. 729.
- 27 Ученые в Пярну в период Северной войны по состоянию на 1703 г.: G. Sjöberg. Pernavia literata, breviter concinnata et in lucem pub-

- licam anno 1703 emissa. - (Rigae, 1703).
- 28 **Soom, A.** Jacob Fougdt. - In: Svenskt biografiskt lexikon. T. 16. - Stockholm, 1964-1966. - S. 394-395.
 - 29 **См. В. von Krusenstjern.** Philipp Crusius v. Krusenstjern. - Marburg/ Lahn, 1976.
 - 30 **Пийримяэ Х.А.** Русско-шведские экономические отношения и нарвская торговля в 1661-1700 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. - Тарту, 1962. - С. 14.
 - 31 **Пийримяэ Х.А.** Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII в. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1964. - Т. 8. - С.108-113.
 - 32 **См. подробнее S. Karling.** Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. - S. 227-267.
 - 33 **Данные о составе магистрата г. Нарвы:** Erpenbeck, D.-G. Die Bürgermeister Narvas im 17. Jahrhundert. - Ostdeutsche Familienkunde, 1983. - Jg. 31. - S. 33-40, 83-87; D.-G. Erpenbeck. Narvas Rat in schwedischer Zeit (1581-1704). - Ostdeutsche Familienkunde, 1985. - Jg. 33. - S. 313-322, 362-371.
 - 34 **/Geerkens, S.D./** Narva literata, sive catalogus eruditorum Narvensium. - Narvae, 1703.
 - 35 **О составе Курессаареского (Аренбургского магистрата см.: V. Helk.** Arensburger Magistrat in dänischer und schwedischer Zeit (1563-1710). Kopenhagen, 1985 (рукопись в распоряжении автора).
 - 36 **Tering, A.** Album Academicum der Universität Dorpat (Tartu) 1632-1710. - Tartu, 1984. - Nr. 760.
 - 37 Там же, N. 1149.
 - 38 **Lemm, R. A. von.** Ergänzungen zur Genealogie Michael. - Baltische familiengeschichtliche Mitteilungen, 1937. - Jg. 7. - S. 44.
 - 39 **Uppsala universitets matrikel.** B. 1. Uppsala, 1902-1911. - S. 174; Seuberlich, E. Notizen über Wendens Bürger bis zum Jahre 1773. Berlin; Steglitz, 1906. - S. 37; ЦГИА ЛАССР, ф. 7349, оп. 1, д. 225, с. 78.
 - 40 **Состав магистрата в 1675 г.:** ЦГИА ЛАССР, ф. 749, оп. 6, д. 19, л. 416-419.

- 41 Достоверные данные о посещении лекций этих профессоров Х. Самсоном (Witte, H. Programma ad exsequias Herm. Samsonii. Rigae, 1679).
- 42 Richter, A. von. Das Secretbuch des Rigaschen Bürgermeisters Jürgen Dunte und die Handelspolitik Riga's in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. - Das Inland, 1857. - Sp. 20.
- 43 Bio-bibliographisches Verzeichnis von Universitäts- und Hochschuldrucken (Dissertationen) von Anfang des 16. bis Ende des 19. Jahrhunderts. Bd. 1. Hrsg. von H. Mundt. - Leipzig, 1936, Nr. 9624.
- 44 Conringius, H. Opera. T. 4. - Braunschweig, 1730. - S. 939-946, 973-978.
- 45 Kalniņš, V. Latvijas PSR valsts un tiesību vesture. - T. 1. Riga, 1972. - Lpp. 81.
- 46 Hanenfeld, B. Collatio juris statutarii Rigen-sis cum jure communi ad methodum Institut. Imperialium. Francofurti ad Viadriam, 1684; ////////////// этому дана высокая оценка: F.G. Bunge. Einleitung in die liv-, esth- und curlandische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen. Reval, 1849. - S. 239.
- 47 Kalniņš, V. Latvijas PSR valsts un tiesību vēsture. Lpp. 88.
- 48 Там же, с. 174-175.
- 49 Лиепиня Д.Э. Город Рига как коллективный землевладелец в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966. - Таллин, 1971. - С. 97-98.
- 50 Tering, A. Album Academicum 1632-1710, s. 47.
- 51 История Таллина, с. 208-209.
- 52 Seeberg-Elverfeldt, R. Revaler Regesten: Beziehungen der Stadte Deutschlands zu Reval in den Jahren 1500-1800. - Göttingen, 1966, - S. 285, 324.
- 53 Modeer, K. A. Gerichtsbarkeiten der swedischen Krone im deutschen Reichsterritorium. - Lund, 1975. - Bd. 1. - S. 441.
- 54 Об учебе бургомистра Х. Штральборна дает богатое представление его дневник (Государственный исторический музей (ГИМ) Эст. ССР, ф. 237, оп. 1, д. 140). Об учебе в Лейдене см. там же, с. 110-112.

- 55 Там же, с. 29.
- 56 Там же, с. 28.
- 57 Stecher, G. Cippus pii magistratus, in funere Georgii Witte, consulis Revaliensis. - Revaliae, 1677. - P. 62.
- 58 X. Фонне был принят в Гисенский университет в 1653 г., составил диспутации в 1655 г. под руководством проф. И. Вейсса и в 1660 г. - под руководством проф. К. Эбеля (Suchbuch für die Giessener Universitäts-Matrikel von 1649 bis 1707. - Darmstadt, 1937. - S. 40; Schuling, H. Johann Weiss (1620-1693): Prof. der Ethik und Politik an der Universität Giessen. - Giessen, 1977. - S. 11; Schuling, H. Caspar Ebel (1595-1664) ein Philosoph der lutherischen Spätscholastik an der Universitäten Marburg und Giessen. Giessen, 1971. - S. 65).
- 59 Pezold, J.D. Reval 1670-1687. - S. 294-295.
- 60 Bio-bibliographisches Verzeichnis von Universitäts- und Hochschuldrucken (Dissertationen) von Anfang des 16. bis Ende des 19. Jahrhunderts. Bd. 3. Hrsg. von K. Wickert. - München, 1977. - Nr. 3914.
- 61 Saleman, J. Divinum diploma ... Revaliae, 1684. - P. 53.
- 62 Callmer, C. Svenska studenter i Tübingen under tre århundraden. - Lychnos, 1963-64. - Stockholm, Uppsala, 1965. - S. 115.
- 63 ГИМ Эст. ССР, ф. 2376 оп. 1, д. 140, с. 61-82; Stecher, G. Cippius pii magistratus, p. 63; Saleman, J. Divinum diploma, p. 53.
- 64 Tering, A. Album Academicum 1632-17110. Nr. 472, 757a; Lemm, R.A. von. Dorpater Ratslinie, s. 51, 66.
- 65 С. Акербаум из Эльбслонта был принят в Упсальский университет в 1627 г., рекомендован риксканцлером А. Оксеншерном (Upsala universitets matrikel, s. 45; ЦГИА ЭССР, ф. 278, оп. 1, д. XVIII-17а, л. 103).
- 66 Оба были приняты в Грейфсвальдский университет 11.V. 1671 г. (Aeltere Universitäts-Matrikeln II. Universität Greifswald. Bd. 2. - Leipzig, 1894. - S. 128.
- 67 М. Ладау был принят в Хельмштетский универси-

- ter в 1645 и 1653 гг., а Ф. Т. Розер в 1666 г. (Die Matrikel der Universität Helmstedt 1636-1685. bearb. von W. Hillebrand. - Hildesheim, 1981. - S. 42, 45, 175).
- 68 Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. Hrsg. v. Erler. Bd. 2. - Leipzig, 1909. - S. 214.
- 69 Tering, A. Album Academicum 1632-1710, Nr. 1149.
- 70 Там же, N. 1252.
- 71 Там же, N. 78, 652.
- 72 Там же, N. 1342.
- 73 Aeltere Universitaets-Matrikeln. II Universität Greifswald. Bd. 2. S. 137, 167; Köcher, C.G. Allgemeines Gelehrtenlexikon. - Leipzig, 1750. - Bd. 2. - Sp. 1133.
- 74 Krusenstjern, B. von. Philip Crusius von Krusenstiern, s. 5-6.
- 75 Erpenbeck, G.-D. Die Bürgermeister Narvas im 17. Jahrhundert, s. 39.
- 76 Там же, с. 85; Uppsala universitets matrikel, s. 144.
- 77 Lagus, V. Åbo akademis studentmatrikel. 1640-1740. Helsingfors, 1891. - T. 1. S. 189.

**Eesti- ja Liivimaa linnamagistraatide
liikmete juriidilisest haridusest
XVII saj. - XVIII saj. algul (1630-1710)**

Arvo Tering

R e s ü m e e

Kuues vaadeldavas Baltimaade linnas Riias, Tallinnas (Reval), Tartus (Dorpat), Pärnus (Per-nau), Narvas ja Kuressaares (Arensburg) oli haritlaste osakaal magistraadiliikmete hulgas erinev. Suurim oli see Riias, kus ligi pooled raeliikmed olid juriidilise haridusega, kusjuures bürgermeistrid olid peaaegu kõik haritlased. Tallinnas seevastu oli vaid kümnendik raeliikmetest haritlased, ülejäänud olid kaupmeeste hulgast. Riias olid haritlasraeliikmed peaaegu eranditult

kohaliku baltisaksa päritoluga, mille järjekestvuse tagas ametitehierarhia, kus bürgermeistriks saamiseks tuli läbi käia sekretäriastmed ning raehärrateenistus. See tagas kohaliku päritoluga, suurepärase ülikoolihariduse ja küllaldase tööpraktikaga asjatundjate olemasolu. Seevastu Tallinn pidi leppima parimate juuraasjatundjate kutsumisega Lüübeki raekorruga saksa linnadest. Tartu magistraadis ilmnis haritlaste ulatuslikum mõju alates 1630. aastate lõpust, Pärnus 18. sajandi algul ning Narvas 17. sajandi teisest poolest. Kuressaares ja väikelinnades, nagu Haapsalu (Hapsal), Cesis (Wenden) ja Valmieras (Wolmar) olid raeliikmete hulgas vaid üksikud haritlased.

Riia haritlasraeliikmete koolitamisel oli kõige olulisemaks ülikooliks Leiden. Perioodil 1601-1710 magistraati koopteeritud raeliikmetest olid seal õppinud vähemalt 40,7 %, kellest põhiosa viibis seal 1640-1650. aastatel, kui poliitikaprofessoriks oli M.Z. Boxhornius ja ajaloo-professoriks D. Heinsius. 17. sajandi teisel poolel kerkis kõige tähtsama ülikoolina esile Helmstedt - sinna tõmbas mitte niivõrd õigusteaduskond kui poliitikaprofessori H. Conringi isiksuse mõju. Olulisemate ülikoolidena võib esile tuua Königsbergi, Strassburgi (poliitikaprofessori J. H. Bökleri mõju), Jena ja Frankfurti/O. (S. Stryk). Kuid oodatust väiksem oli hansalinnades Rostockis ja Greifswaldis asuvate ülikoolide mõju. Küllaltki kaalukas osa Riia raeliikmetest olid saanud hea silmaringi õppereisidel Inglismaale, Prantsusmaale, Šveitsi, Itaaliasse.

Tallinnas, kus haritlaste mõju magistraadis oli suurem alates 1660. aastatest, oli neist enamik immatrikuleeritud esmalt Tartu ülikooli, kuid põhiõpingud möödusid saksa ülikoolides (Strassburgis, Giessenis, Jenas) ning mitme õpingud viisid ka Prantsusmaale, Inglismaale ja Šveitsi. Tartu linna magistraadiliikmete hulgas oli nii kohalikus ülikoolis õppinud või sellega seotud isikuid, kui ka kesk-saksa ülikoolides õppinud raeliikmeid. Narvas andsid tooni Uppsala ja Turu, kuid ka kesk-saksa ülikoolid.

ÜBER DIE JURISTENAUSBILDUNG DER MITGLIEDER DES HOFGERICHTS IN DORPAT (TARTU) 1630-1710

Arvo Tering

In den 20er und 30er Jahren des 17. Jahrhunderts fand eine umfangreiche Zentralisierung der schwedischen Staatsanstalten statt. Sie ist durch König Gustav II. Adolfs weitläufigen Umgestaltungen im Verwaltungs- und Gerichtsapparat gekennzeichnet. Gerade in diese Zeit, die durch die außenpolitische Aktivität Schwedens charakterisiert ist, fällt auch Livlands Trennung von Polen und ihr Geraten unter die Macht Schwedens. Das wurde mit den Waffenstillständen zu Altmark (1629) und Stumsdorf (1635) fixiert. Generalgouverneur J. Skytte setzte neben anderen umfangreichen Umgestaltungen in der neuen schwedischen Provinz auch eine Gerichtsreform durch, deren Ziel es war die ständischen Gerichte der Zentralmacht zu unterordnen. Als höchstes Gerichtsorgan wurde in Dorpat nach dem Vorbild der schon früher in Schweden gegründeten (Svea Hofgericht in Stockholm 1614 und Åbo Hofgericht 1623) ein Hofgericht geschaffen. Dieses musste den niedrigen Gerichten, besonders den Landgerichten als Appellationsinstanz und erste Instanz größerer Kriminal- und Zivilverfahren dienen.

Bis zur gegenwärtigen Zeit sind viele verwaltungsgeschichtliche Aspekte über das Hofgericht von der schwedischen Historikerin A.C. Meurling durchforscht.¹ Leider blieben die Fragen der Gerichtsbarkeit von Rechtshistorikern bisher unbeachtet und ihre rechtshistorische Forschung bleibt noch zu erwarten. Vermutlich ist die Entwicklung der Rechtsnormen in engem Zusammenhang mit der juristischen Qualifikation der Mitglieder des Hofgerichts. Das Niveau der wissenschaftlichen Leistungen und Lehrtätigkeit der Jura- und Politikprofessoren der verschiedenen Universitäten war differenziert. Im 17. Jh. traten unter den Professoren die besten Rechtssachkundigen hervor, die die Jurisprudenz zur Wissenschaft entwickelt hatten. Das Ziel des vorliegenden Beitrages ist festzustellen, welche Universitäten die bedeutendsten für die Juristenausbildung der Mitglieder des Hofgerichts waren und wie groß war darunter der Anteil der bei besten Sachkundigen ihres Faches

Studierten. Die Resultate mögen als Hilfsmittel für Rechtshistoriker zur Forschung der Entwicklung der Rechtsnormen, darunter des Zusammenhanges der juristischen Ausbildung mit Rezeption des gemeinen und schwedischen Rechts in der Gerichtspraxis des Hofgerichts als Subsidiarrecht, dienen.

Zur Ermittlung des Personalbestandes des Hofgerichts haben als Hauptquellen die Hauptbücher des livländischen Generalgouvernements aus den Jahren 1632-1696, die sich im Staatlichen Historischen Zentralarchiv der Estnischen SSR befinden, gedient.² Die vorhandenen Lücken sind durch andere Quellen und Angaben der durchforschten Literatur ergänzt worden.³ Zur Erforschung der Einflusses der Universitäten sind die Matrikelbücher der Universitäten Dorpat, Uppsala, Åbo (Turku), Lund, Kopenhagen, Leiden, Groningen, Franeker, Harderwijk, Utrecht, Siena, Basel, Jena, Leipzig, Helmstedt, Wittenberg, Giessen, Marburg, Königsberg, Frankfurt an der Oder, Rostock, Greifswald, Kiel, Strassburg, Altdorf, Heidelberg, Tübingen und Halle durchgesehen worden.⁴ Die vom dänischen Historiker V. Helk durch jahrelange Arbeit gesammelten Kopien über die Eintragungen in die Stammbücher und Alben baltischer Besitzer haben zum Gelingen der Arbeit viel beigetragen. Für die freundliche Vermittlung dieser Materialien möchte ich hier meinen grössten Dank aussprechen.

Der Arbeit ist das Namensverzeichnis der Mitglieder des Hofgerichts beigefügt mit Angaben über ihre Herkunft, Grenzdaten der Lebensjahre, Angaben über die Länge des Hofgerichtsdienstes, Studiumsorte und Daten über die Immatrikulation oder über die erste Erwähnung an der Universität sowie auch über die Teilnahme am Unterricht.

Das Hofgericht bestand aus dem Präsidenten, dem Vizepräsidenten und zwölf Assessoren (meistens 10-11), von denen die Hälfte gelehrte Juristen, die andere Hälfte Adlige waren. Die letzteren hatten nach Rangordnung das Vorrecht und erhielten um 16% höheren Lohn.⁵ Dem Hofgericht gehörte auch das Kanzleipersonal. Im Kanzleidienst waren ein Sekretär (meistens Obernotar), Notäre und Kanzlisten. Zum Hofgericht gehörte noch der vom König eingesetzte (ebenfalls wie der Präsident) Advokatfiskal (advocatus fisci) der die Arbeit der Mitglieder des Gerichtes und der Gerichtsverhandlung kontrollierte. Die Präsidenten (von denen manche gar nicht an Gerichtssessionen teilnahmen) entstammten meistens dem schwedischen Hochadel. Das

wirkliche Gerichtsverfahren wurde von den Vizepräsidenten geführt. Gewöhnlich waren es Livländer, mit der Ausnahme von G. Stiernhielm und J. Stiernstråle, die Schweden waren. Von 13 amtierenden Vizepräsidenten waren 6 früher Assessoren gewesen. In den Jahren 1630-1710 war eine Hälfte der Assessoren - 50,7% (37 von 73) aus Est- und Livland gebürtig. Fast eine Hälfte von ihnen gehörte dem livländischen Adel an - 43,2% (16). Der grösste Teil der Adligen besass keine juristische Ausbildung und sie waren als Landräte tätig (12). Von den wenigen gebildeten Adligen (4) gehörten 2 dem schwedischen Adel an. Ungefähr ein Viertel (27,4%) der Assessoren stammte aus Schweden. Den deutschen Gebieten entstammte ungefähr ein Fünftel (21,9%, darunter auch ein Kurländer). Für die Schweden war der Dienst als Assessor zum Sprungbrett in die Gerichte Schwedens, den Deutschen erschien aber der Hofgerichtsdienst wohl als Gipfel der Karriere. Darum waren die Schweden eine verhältnismässig kurze Zeit im Amt. Wenn bis 1694 von den 11 vorgesehenen Assessorenposten 5 mit Adligen besetzt waren, so heisst das nicht, daß alle juristisch ungebildete Landräte waren. Ihre Zahl betrug in Wirklichkeit nur 2-4, die übrigen 1-3 Posten waren mit Vertretern der livländischen Adels oder mit Gebildeten besetzt, die in den Adelstand geholen waren. Als 1694 das Landratenkollegium als Institution abgeschafft wurde, wurden auch die nach Übereinkunft zwischen dem König und der Ritterschaft vorhandenen 3 Assessorenposten der Landräte ausnahmslos mit gebildeten Juristen besetzt.⁶ Damit bestand die Assessorenschaft des Hofgerichts Ende des 17. und Anfang des 18. Jahrhunderts nur aus gebildeten Juristen.

Von den 61 Assessoren mit juristischer Ausbildung (darunter auch einige Adlige) ist ihr vorangegangener Dienstgang in 36 Fällen bekannt. Ein Drittel (12) waren als Assessoren bei verschiedenen Gerichten (Landgerichte, Burggericht in Riga, Oberkonsistorium, Militärgerichte) tätig gewesen. 13 hatten als Sekretäre oder Notäre gearbeitet, darunter 4 am Hofgericht, 2 hatten früher als Professoren an den Universitäten gewirkt. 1695 erhielt den Assessorenposten der ehemalige Professor der Dorpater Universität C. Lund, der dem Amt des Pädagogen anscheinend nicht gewachsen war.⁷ 1706 betrat den Assessorenposten der bedeutende Professor der Mathematik, einer der frühesten Vertreter der Lehre Newtons - S. Dimberg, der nach

seiner mißlungenen Bewerbung um den Posten eines Professors an der Universität Uppsala nach Livland zurückkehrte.⁸

In der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts hatten die gelehrten Assessoren außer dem Gerichtsposten oft einen Nebendienst. Drei Assessoren waren Professoren: J. Flügel am Rigaer Gymnasium, H. Hein und J. Stiernstråle an der Dorpater Universität. Hier erwächst das Problem, ob die Lehrtätigkeit dem Ausüben des Gerichtsdienstes im Wege stand. Einerseits waren bei der Verbindung beider Posten Theorie und Praxis vereinigt - der Professor konnte dem Studenten Beispiele aus der Gerichtspraxis bringen. Andererseits aber, obwohl die Gerichtssitzungen nur während zwei festgestellten Sessionen im Jahr stattfanden, dauerten sie immer vier Monate - vom 1. März bis zum 30. April und vom 1. September bis zum 1. Oktober⁹, d.h. zur Zeit, des Lehrbetriebes an, den Hochschule stattfinden mußte. Die Assessoren mußten während der ganzen Session mindestens von 8-11 Uhr morgens zur Stelle sein, sonst wurden sie bestraft.¹⁰ Professor H. Hein hielt seine Vorlesungen dem Lehrplan nach ab neun Uhr Morgens.¹¹ Man kann annehmen, daß er sehr wenig Dispute hielt. Im Druck erschienen nur insgesamt vier Disputationen unter seinen Präsidiat.¹² Der Kollege von H. Hein J. Stierstråle war als Astronomie- und Physikprofessor ein fleißiger Präses. Doch als er als Jura-Professor und zugleich auch als Assessor am Hofgericht diente, hielt er insgesamt nur 5 Dispute, von denen 3 auf die Zeit der Session der Hofgerichtetes fielen.¹³ Einige gelehrte Assessoren wirkten gleichzeitig weiter als Bürgermeister: A. Stampehl in Reval (Tallinn) und E. Schmieden in Dorpat (die gelehrten Assessoren des livländischen Oberkonsistoriums: G. Stiernhielm, H. Potthorst, P. Helmes, H. Dinggraven. Seltsam daß einige Assessoren auch als Landrichter wirkten (G. Stiernhielm in Dorpat, H. Birkholtz und C. Ceumern in Pernau), obwohl das Hofgericht den Landgerichten zur Appelationsinstanz war. Im Jahre 1667 verbat die vormundschaftliche Reichsverwaltung des schwedischen Königs den Assessoren Nebendienste auszuüben, damit sie ihre Arbeit nicht vernachlässigen.¹⁴

Meistens war der Posten des Assessors beim Hofgericht sowohl ansehbar als auch Gipfel der Karriere. Gewöhnlich wurden die gelehrten Assessoren in den Adelstand erhoben, obwohl das nicht immer beim Antreten des Postens geschah. Die Assessoren W. Ulrich, G. Stiernhielm, J. Sierenstråle und C.

Stegeling wurden Vizepräsidenten des Hofgerichts. Ein Teil von ihnen erhielt anderswo Gerichtsposten: P. Anthoni als Assessor beim Tribunal in Wismar, I. Enander als Assessor beim Svea Hofgericht. Als Ratsmitglieder setzten T. Mylonius in Stockholm und J. Flügel in Riga ihre Tätigkeit fort. Ende des 17. Jahrhunderts nahmen einige Assessoren Posten der Landrichter an, wobei ihr Lohn dem der Hofgerichtsassessoren gleichgestellt wurde. Früher war der Lohn der Landrichter fast zweifach niedriger als der Hofgerichtsassessoren gewesen.¹⁵

Die Mitglieder des Dorpater Hofgerichts haben an mindestens 20 deutschen, schwedischen, niederländischen, englischen und italienischen Universitäten studiert. Quantitativ haben 10 Universitäten den größten Einfluß ausgeübt: Uppsala - 24 (20 Präsidenten, Vizepräsidenten und Assessoren), Leiden - 18 (15), Königsberg - 16 (10), Jena - 12 (10), Rostock - 12 (9), Helmstedt - 11 (10), Dorpat - 11 (7), Frankfurt/O. - 9 (6), Leipzig - 7 (5), Greifswald - 7 (5).

Der qualitative Einfluß der Universitäten deckt sich nicht ganz mit dem quantitativen. Ihr Umfang wird einerseits von der Länge der Studienzzeit und Teilnahme am Studium bedingt. Als Kennzeichen kann man die Anzahl der am Hofgericht tätig gewesen ehemaligen Studenten verschiedener Universitäten ansehen. 2/3 der gelehrten Hofgerichtsmitglieder haben an mehr als einer Universität studiert. Eine Reihe von Vizepräsidenten und Assessoren haben dem Grundstudium noch eine akademische Studienreise nach England, Frankreich, Italien gemacht. Dadurch ist die Bildung des Gesichtskreises jedes einzelnen Juristen sowie die Quelle seiner beruflichen Qualifikation als das Zusammenwirken verschiedener Universitäten anzusehen.

Das Hofgericht sollte sich offensichtlich zum Vorkämpfer des schwedischen Rechts in Livland gestalten, d. h. nicht mehr als Subsidiarrecht, wie es in den Landgerichten üblich war, sondern gleichberechtigt mit den örtlichen Rechtsnormen. In Wirklichkeit gelang es das schwedische Recht nur in einigen, obwohl wichtigen Gebieten durchzusetzen. So war z. B. in der zweiten Hälfte der 80er Jahre das schwedische Erbrecht bei der Durchführung der Güterreduktion für die zentralen Machtbehörden günstiger als das livländische Erbrecht.¹⁶ Es bleibt die Frage, wieviel es unter den am Hofgericht

dienenden beamteten überhaupt Juristen gab, die an den Universitäten von Uppsala, Dorpat und Åbo studiert hatten.

Von der Mitte des 17. Jahrhunderts (den 1647) wurden die am Hofgericht als Präsidenten wirkenden Personen alle in Uppsala immatrikuliert. Eine andere Frage ist die, in welchem Maße sie dort wirklich studierten oder an den Gerichtssitzungen teilnahmen. So war der in den Jahren 1662-1665 als Präsident wirkende G. Rosenhane, später einer der prominentesten Juristen Schwedens, niemals in Dorpat anwesend.¹⁷ Vier Vizepräsidenten die in den Jahren 1648-1652 und 1666-1675 im Amt waren hatten früher in Uppsala studiert. Von ihnen studierte A. Rosen in Uppsala eine sehr lange Zeit (1635-1646), wobei er als Kostgänger bei dem Kanzler der Universität J. Skytte, dem Freunde seines Vaters (Bogislaus Rosen), wohnte.¹⁸ In Uppsala studierte Assessoren gab es am Hofgericht weniger als vermutet obwohl während der ganzen Periode (mit Ausnahme der zweiten Hälfte der 50er Jahre) wenigstens einer im Amt war. Bei der Gründung des Hofgerichts und der Auswahl des Kadern gab J. Skytte darauf acht, daß ihre Tätigkeit nach schwedischem Gesetz geschehe. Tatsächlich kam im Jahre 1633 eine Hälfte der Assessoren aus Schweden, doch nur zwei von ihnen (G. Stiernelm und der Livländer W. Ulrich) hatten in Uppsala studiert. Der Schwede J. Tranaeus verbrachte die Jahre seines Grundstudiums in Deutschland. Der aus Rostock gebürtige ehemalige Hauslehrer der Familie Skytte W. Simonius war ebenfalls mit der Universität Uppsala verbunden. Er war fast ein fester Kandidat auf den Posten des Professors der Jurisprudenz an der Universität Uppsala,¹⁹ doch kam er zusammen mit J. Skytte nach Livland. Die Universität Uppsala besaß Ende der 30er und Anfang der 40er Jahre auf das dorpaten Hofgericht bemerkbaren Einfluß. In den Jahren 1639-1642 waren vier ungefähr zur gleicher Zeit (1624-1625) in Uppsala immatrikulierte Assessoren im Amt: der Livländer W. Ulrich, die Schweden D. Kempe und T. Mylonius. Der Letztere war ein Bruder von M. Björnclou, des Lehrers des schwedischen Staatmannes und Diplomaten M. G. De la Gardie. Dazu gehörte auch G. Stiernhielm, der aber 1642 schon an der Tätigkeit des Hofgerichts nicht mehr aktiv teilnehmen konnte.²⁰ Man könnte annehmen, daß nach der Einführung der Politik des Absolutismus von Karl XI in Livland, auch die Anzahl der ehemaligen Studenten der Universität Uppsala sich am Personal bestand des Hofgerichts

Tabelle 1.

Die Universitätsstudien der Mitglieder des Hofgerichts in Dorpat 1630-1710*

Immat- riku- liert**	1591 1600	1601 1610	1611 1620	1621 1630	1631 1640	1641 1650	1651 1660	1661 1670	1671 1680	1681 1690	1691 1700	Ins- gesamt
Dorpat					7(3)	2(2)	1(1)			1(1)		11(7)
Uppsala				9(7)	4(4)	2(1)	3(3)	1	5(5)	1(1)		25(21)
Åbo					1(1)	1(1)	1(1)		1(1)			4(4)
Jena		1(1)	2(2)	1(1)			1(1)	1(1)	5(3)	1(1)		12(10)
Leipzig	1(1)					1		2(1)	1(1)	1(1)	1(1)	7(5)
Witten- berg			1(1)	1(1)					1(1)			3(2)
Helm- stedt	1(1)		1(1)		1(1)	1(1)	2(2)	2(2)	2(2)	1		11(10)
Halle											1(1)	1(1)
Frank./ O.	1(1)		1(1)	3(2)					3(1)	1(1)		9(6)
Königs- berg			2(1)	4(2)		2(2)	1(1)	1	5(3)		1(1)	16(10)
Rostock		2(2)		4(3)	3(1)	1(1)			1(1)	1(1)		12(9)
Greifs- wald			1(1)	4(3)					2(1)			7(5)
Giessen			2(2)				1	1(1)				4(3)
Altdorf	1(1)	1(1)			1(1)			1(1)		2(2)		6(6)
Strass- burg				2(1)	1(1)					1(1)		4(3)
Heidel- berg	1(1)		2(2)				1(1)					4(4)
Leiden	1(1)			6(6)	3(3)	4(3)	1(1)	1(1)				16(15)
Basel					1(1)	1						2(1)
Oxford							1(1)			1(1)		2(2)
Siena				1(1)			1(1)			1(1)		3(3)

* Die vor den Klammern stehenden Zahlen zeigen die Studien aller Mitglieder des Hofgerichts, inkl. die Kanzleibeamten; die in den Klammern stehenden Zahlen zeigen die Richter (Präsidenten, Vizepräsidenten, Assessoren).

** Einbegriffen sind auch unimmatrikulierte Hofgerichtsmglieder, über dessen Studien nachweisbare Angaben vorhanden sind.

vergrößerte. In den 70er Jahren war sie aber auf einen einzigen - G. A. Strömfelt verringert. So ist es kein Wunder, daß dem Hofgericht in Dorpat im Jahre 1684 das Appellationsrecht über die Gerichte Ingermanlands (wo das schwedische Recht herrschte) entzogen und dem Hofgericht in Åbo zuerkannt wurde.²¹ Ende der 80er und Anfang 90er Jahre waren wohl einige in Uppsala studierte Schweden im Hofgerichtsamt, doch ihre Assessorentätigkeit war episodisch (E. Dijkman-Mannerburg, G. Fleming, G. Carlholm).²² Die Lage veränderte sich wesentlich in der Mitte der 90er Jahre. Im Jahre 1695 erhielt der durchgefallene Professor der Jurisprudenz C. Lund Assessorposten. Die eigentliche Wende erfolgte jedoch mit der Amtsberufung der Brüder Jean und Isaak Enander von denen der Erstere in den Jahren des Nordischen Krieges als Anführer der Svezisierung des Gerichtsverfahrens gilt. Jean Enander, der nach seinem Studium in Uppsala eine gute Advokatenpraxis in Stockholm erhielt (1683-1689), war in den Jahren 1705-1706 einer der fleißigsten Übersetzer des schwedischen Rechts ins Deutsche.²³

Unter den an der Universität Åbo (Turku) studierten Assessoren ist B. Queckfelt hervorzuheben. (Sein Bruder war Assessor am Göta Hofgericht). Er war Schüler von M. Gyldenstolpe-Wexionius, dem Professor der Universität Åbo,²⁴ einem der größten Kenner des schwedischen und römischen Rechts. Er amtierte als Assessor des Hofgerichts in den Jahren 1662-1675, ungefähr gleichzeitig mit dem Zögling der Universität Uppsala und von 1663-1670 im Amt gewesenen hervorragenden Juristen A. Stiernhöök.²⁵ Nach seiner Studium und der Karriere als Hauslehrer in Dorpat studierte N. Dunkan in Åbo, wo er einige Zeit auch als Advokat des dortigen Hofgerichts wirkte. Erst als betagter Mann wurde er am Hofgericht von Dorpat als Assessor eingesetzt.²⁶ Er diente in diesem Amt in den Jahren 1695-1705 nach dem er viele Jahre als Verwalter auf dem Gut Lais (Laiuse) tätig gewesen war. In Åbo hatte auch der ehemalige Mathematikprofessor S. Dimberg studiert.

Obwohl der Einfluß der Dorpater Universität auf das Hofgericht groß war, da zwei Professoren zugleich auch als Assessoren amtierten, war die Zahl der ehemaligen Studenten der Universität unter den Juristen des Hofgerichts kleiner als erwartet. Außer dem Professor und ehemaligen Studenten der Dorpater Universität J. Erci Stiernstråle dienten hier als Assessoren G. von Mengden und H. Albedyl, die dem hiesigen livländischen Adel angehörten und an der

Dorpatener Universität immatrikuliert waren. Auch J. C. Kirstein aus Schlesien gehört in diese Reihe. Der Vizepräsident C. von Wangersheim war ebenfalls in Dorpat immatrikuliert, doch anscheinend hielt er sich hier nur während der Eröffnungsfeierlichkeiten auf, bei denen sein Vater als Vertreter der Stadt Reval anwesend war. O.R. Strömfelt, der 1705-1710 als Assessor diente, hatte eine gründliche juristische Ausbildung unter O. Hermelin genossen.²⁷ Zöglinge der Academia Gustaviana gab es mehr unter den Kanzleibeamten des Hofgerichts.

An der Universität Leiden haben 17,2% der Präsidenten, Vizepräsidenten und Assessoren des Hofgerichts studiert.²⁸ Die überwiegende Mehrheit der in Leiden studierten Mitglieder des Hofgerichts (72,2%) wurden dort in der Periode von 1621-1650, d.h. in der Blütezeit der Universität immatrikuliert. Die Zöglinge der Leidener Universität standen im Dienst des Hofgerichts in den Jahren 1630-1686. Einige Anfang der 30er Jahre in den Dienst getretene Assessoren (P. Anthoni, W. Simonius) waren früher Begleiter der Söhne des Generalgouverneurs J. Skytte auf ihrer Studienreise in die Niederlande gewesen.²⁹ Zu gleicher Zeit amtierten ungefähr 2-5 "Niederländer". Die maximale Zahl wurde im Jahre 1650 erreicht. Dann dienten am Hofgericht folgende Zöglinge der Leidener Universität: Präsident Bielke, Vizepräsident Ulrich, die Assessoren Stampehl, Moduler, Öddla und der Sekretär Helms. In welchem Grade die juristische Fakultät der Universität Leiden³⁰ den livländischen Gerichtsbeamten nützlichere praktische Kenntnisse im Vergleich mit anderen Universitäten bieten konnte, bedarf zukünftig einer gründlicheren erforschung. Der Unterricht in der Politik an der Universität Leiden wurde bis Mitte des 17. Jahrhunderts zum Vorbild in ganz Europa.³¹ Eine Grundlage schuf dafür Justus Lipsius (Professor 1578-1591), der auf Grund der antiken Autoren, besonders aber Tacitus die Theorie der Errichtung einer gemäßigten Monarchie verteidigte. Seine Nachfolger brachten dieses Fach auf die philologisch-historische Ebene. Einer der populärsten Professoren der Politik war 1648-1653 M. Z. Boxhorn, der seit 1633 Professor für Rhetorik gewesen war. Kennzeichnend für alle Politikprofessoren der Leidener Universität war die Rechtfertigung einer starken Königsmacht. Solches Wissen war aber für die schwedischen Beamten von großem Nutzen. In der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts erlitt die

späthumanistische politische Schule Hollands aber eine Krise und mußte ihre Position in der naturrechtlichen Richtung einräumen.

Die Bedeutung der Universität Jena war bei der Vorbereitung der Kader für das Dorpater Hofgericht bemerkenswert. Ein besonderes Interesse bieten jedoch die Schüler des Professors G. A. Struve (1647-1667, 1674-1680, 1701-1702). Struve war einer der deutschen Juristen, der die deutschen Rechtsquellen durchforschte und die deutsche Jurisprudenz auf die wissenschaftliche Ebene. Er war auch einer der ersten Juristen, der die Theorie der Naturrechts von Grotius unterstützte. Während seiner Professur hatte in Jena C. Stegeling studiert, anfangs Notar, danach Assessor und schließlich Vizepräsident am Hofgericht war. Zu derselben Zeit studierten dort ebenfalls die Assessoren J. Bröms und J. Hagemeister, der Fiskal E. Eichler und der Obernotar O. G. Postler.

Die Universität Helmstedt war in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts unter den deutschen Rechtsstudenten eine der populärsten Universitäten. Doch zum Anziehungspunkt für die zukünftigen Staatsbeamten vom ganzen deutschen Sprachgebiet (darunter auch dem Ostbaltikum) war nicht die juristische Fakultät. Ihre Professoren waren wohl anerkannte Spezialisten auf dem Gebiet des römischen Rechts, doch keine epochemachenden Gelehrten.³² Anziehungspunkt war die Persönlichkeit von Hermann Conring. Der in den Jahren 1650-1681 als Professor der Politik amtierende Polyhistor (Professor für Jurisprudenz ist er nie gewesen) war Richtungsweiser auf dem Gebiete des Staatsrechts, der Politik und der wissenschaftlichen Statistik.³³ Seine Vorlesungen über die Regierungssysteme in Europa und Asien mit Berücksichtigung ihrer Geschichte, Geographie und sozialen Psychologie waren während mehrerer Duzend Jahre anscheinend die besten in Deutschland. Der in Leiden studierte H. Conring ging vom späthumanistischen Peripatetismus aus und paßte die Politiklehre von Aristoteles den zeitgenössischen Zuständen an. Unter den Assessoren waren ehemalige Studenten der Helmstedter Universität seit dem Jahre 1679, vertreten als der ehemalige Notar H. Dinggraven Assessor wurde. C. J. Kniffius und H. G. Trautwetter waren selbst aus Helmstedt gebürtig. Auch die während des Nordischen Krieges amtierenden Vizepräsidenten Palmenberg und Witte-Schwanenberg haben in Helmstedt studiert. Von 1688 bis 1693 waren im Dienst des Hofgerichts vier Zöglinge der Universität Helmstedt: die Assessoren

Elwichhausen, Graman, Trautwetter und der Sekretär Kniffius. 1699-1701 gab es ihrer sogar fünf. Trautwetter war persönlich mit Conring verbunden. Er disputierte 1666 in Altdorf, dedizierte seine Disputation H. Conring und der Sohn von Conring beglückwünschte den Respondenten.³⁴ Im Jahre 1669 disputierte Trautwetter in Helmstedt unter dem Präsidiat des Jura-Professors J. Eichel.³⁵ Zu H. Conrings Schüler kann auch der aus Stockholm gebürtige Assessor J. H. Elwichhausen gezählt werden. Er disputierte nach dem fünfjährigen Studium im Jahre 1677 unter dem Präsidiat des H. Conrings.³⁶

Die Universität Heidelberg hatte für Livland keine größere Bedeutung, nur drei Mitglieder des Hofgerichts waren dort immatrikuliert. Beachtenswert ist aber das Studium von H. Hein an dieser Universität. Er war zweimal in Heidelberg immatrikuliert. Es kann sein, daß beim zweiten Mal das Ziel die Erlangung des akademischen Grades war. 1660 promovierte in Heidelberg der spätere Vizepräsident C. Stegeling. Es sei vermerkt, daß S. Pufendorf seine naturrechtlichen Vorlesungen dort erst im Jahr d. 1661 Jahr begann.

Die Universität Altdorf erhielt ihre gesetzlichen Privilegien erst im Jahre 1623. Als akademisches Gymnasium besaß diese Lehranstalt aber ein hohes Prestige. In erster Linie ist hier die juristische Fakultät zu nennen. Die Kommentare über das römische Recht der Juristen der französischen Schule, der Professoren H. Donellus (1588-1591), S. Gentilis (1590-1616) und C. Rittershusius (1591-1613) waren später maßgebend für die juristischen Vorlesungen an vielen Universitäten.³⁷ In der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts zählte Altdorf zu den fortschrittlichsten Universitäten. Hier erfuhren die Studenten über die neusten naturwissenschaftlichen Entdeckungen. Physikprofessor C. Sturm hielt seit 1672 physikalische Kollegien, in denen er die neuesten naturwissenschaftliche Entdeckungen behandelte.³⁸ Wichtig waren auch die Kollegien der Professoren über die Medizin und Philosophie. Der Professor für Rhetorik M.D. Omeis (1674-1708) forschte die Lehre der Neuplatonismus und Stoa. Der Einfluß der Universität Altdorf auf das Dorpater Hofgericht trat besonders in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts hervor, als P. Scheiding als Präsident und H. Hein als Assessor wirkten. Der Gouverneur von Estland und Präsident des Hofgerichts in Dorpat (1634-1646) P. Scheiding hat im Jahre 1598 unter dem Präsidiat des berühmten Scipio Gentilis

disputiert.³⁹ Assessor H. Hein war in Altdorf immatrikuliert, als dort sowohl Gentilis als auch Rittershusius wirkten. Ebenfalls bemerkenswert ist die Zeit von der zweiten Hälfte der 80er Jahre des 17. Jahrhunderts bis 1710. H. G. Trautwetter disputierte 1666 unter dem Präsidat von P. Felwinger,⁴⁰ Assessor J. Schultz 1683 über das Strandrecht.⁴¹ H. Brevern, der während der Periode des Nordischen Krieges als Assessor diente, hat drei Jahre in Altdorf studiert. Er muß dort einen weiten Geschichtskreis erworben haben. Bemerkenswert ist seine Teilnahme an den physikalischen Experimentendemonstrationen des Professors C. Sturm.⁴² Zweimal disputierte er auch unter dem Präsidat von M. D. Omeis.⁴³

Die Bedeutung der Universität Königsberg ist bei der Schulung des Kader fürs Hofgericht während der ganzen Periode bemerkenswert gewesen. Es amtierten gleichzeitig 1-3 in Königsberg studierte Assessoren und periodisch auch dort studierte Fiskale und Notäre. Während des Nordischen Krieges wurde der Einfluß dadurch erhöht, daß der Obernotar Postler und Oberfiskal Landenberg selbst aus Königsberg gebürtig waren. Die qualitative Bedeutung der Königsberger Universität fürs Hofgericht in Dorpat bedarf aber einer weiteren Erforschung.

In Frankfurt an der Oder befand sich im 17. Jahrhundert einer der fortschrittlichsten Universitäten. Es müssen hier aber konfessionale (Kalvinismus) und politisch-ideologische Umstände der brandenburgischen Landesuniversität in Betracht gezogen werden. Der Krieg zwischen Schweden und Brandenburg (1674-1679) vergrößerte in den schwedischen Provinzen das pejorative Verhalten gegen alles Brandenburgische. Darum muß man die Möglichkeiten der Zöglinge dieser Universität in Schweden und seinen Provinzen nicht überschätzen. Die Jura-Professoren J. Brunnemann (im Amt 1645-1672) und sein Schüler S. Stryk (im Amt 1665-1690) waren geschätzte und befähigte Juristen.⁴⁴ Auf hohem Niveau waren die Fächer Geschichte und Politik. Der namhafte J.C. Becman war in den Jahren 1678-1717 Professor für Geschichte und 1687-1717 Professor für Politik.⁴⁵ Seine Kollegien haben auf die Zeitgenossen einen großen Einfluß ausgeübt. Der Einfluß der Frankfurter Universität auf das Hofgericht in Dorpat fällt in zwei Perioden. Die erste Periode war in den 30en Jahren. Ende des 16. Jahrhunderts hat dort der aus Brandenburg

gebürtige Vizepräsident U. Ulrich gelernt, der dort offensichtlich auch zum Doktor promovierte. Obwohl es widersprüchlich scheint war die zweite Einflußperiode in der 90er Jahren und zur Zeit des Nordischen Krieges, als das Verhältnis zwischen Schweden und Brandenburg sehr kühl war. Die Assessoren J. Schultz und P. Rigeman, sowie die Obernotäre O. C. Postler und J. Fauljoch haben anscheinend bei S. Stryk Jura studiert.

Der Einfluß der **Rostocker** Universität war in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts bedeutend. Im Jahre 1640 dienten am Hofgericht in Dorpat fünf Zöglinge der Rostocker Universität. Auf J. Skyttes Anlaß wurden die beiden Rostocker H. Hein und W. Simonius nach Dorpat als Assessoren berufen. In der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts war ihre Bedeutung geringer. In den 90er Jahren des 17. Jahrhunderts und Anfang des 18. Jahrhunderts waren keine Rostocker am Hofgericht angestellt.

Die Universität **Greifswald** war in den 30er Jahren durch G. Stiernhielm vertreten. Er hat dort in den Jahren 1615 und 1624-1625 studiert, nabei er Vorlesungen der Geschichte und Politik bei J. Trygophorus anhörte. Doch kann sein Lehrer auch Mathematik-Proffessor L. Ludenius (später Professor in Dorpat) gewesen sein. In den Jahren 1690 bis 1710 standen zwei aus Pommern gebürtige Juristen im Hofgerichtsdienst: Assessor J. Hagemeister und Sekretär C. Spalckhaber. Sie haben ihr Studium gleichzeitig (1674/75) in Greifswald begonnen und nach mehreren Auslandsreisen auch gleichzeitig um 1680 beendet. J. Hagemeister promovierte 1681 in Greifswald zum Juradoktor.

Nach den jetzigen Angaben ist es nicht möglich festzustellen, wieviel Mitglieder des Hofgerichts ihr Grundstudium durch akademische Bildungsreisen nach England, Frankreich und Italien vervollständigen konnten. Es ist uns gelungen etwa zehn solche Mitglieder festzustellen. Darunter sind Präsidenten und Vizepräsidenten hervorzuheben. Präsident G. Bielke hat eine Studienreise nach Frankreich und Italien gemacht, ebenso die Vizepräsidenten J. C. Scheiding, C. Wangerscheim und A. Rosen. Der letztere hielt sich 1647-1649 in Paris auf, wo er Fremdsprachen, Mathematik und adlige Exerzitien studierte. Danach reiste er nach Südfrankreich und Italien.⁴⁶ J. C. Scheiding, sowie auch Sekretär P. Helms (Helmersen) waren an der Universität von Siena immatrikuliert. C. von Wangersheim hielt sich 1643 in Rom und Padua auf, war

Legationssekretär bei M.G. De la Gardie in Paris, und 1648 ist er wieder in Rom zu finden.⁴⁷ Die Studienreisen der Hofgerichtsassessoren erstreckten sich auch bis England. Assessor B. Queckfelt studierte 1655-1656 in Oxford zusammen mit seinem Bruder Gustav Jura.⁴⁸ Beide Brüder wurden dort 1656 zu Juradoktoren promoviert. Eine Auslandsreise haben die Assessoren D. Bewaert,⁴⁹ H. Brevern und S. Dimberg gemacht. Die Studienreisen der Hofgerichtsmitglieder bedürfen künftig einer gründlicheren Untersuchung.

Da die Mitglieder des Hofgerichts in Dorpat meistens eine hervorragende Bildung hatten, ist es anzunehmen, daß sie auch andere intellektuelle Interessen außer der Jurisprudenz besaßen. Dank der Forschungen von Professor J. Kvacala sind H. Heins Verbindungen mit den Kreisen J.A. Komenskys bekannt.⁵⁰ In der Kulturgeschichte Schwedens ist G. Stiernhielm als vielseitiger Wissenschaftler bekannt.⁵¹ Der in der schwedischen Kulturgeschichte als Schriftsteller bekannte Gustav Rosenhane war 1661-1664 nur nominal Präsident des Hofgerichts. In Amtssachen hat er sich nie in Dorpat aufgehalten.⁵² Zu den Jugendbeschäftigungen von Nicodemus Richter gehörte das Übersetzen der geistlicher Literatur aus dem Englischen ins Deutsche.⁵³ Einer der gebildetsten Assessoren war der frühere Professor der Dorpater Universität S. Dimberg, einer der ersten Verbreiter der Lehre Newtons.⁵⁴

Zusammenfassend sei betont, daß das Personal des Hofgerichts in Dorpat zu den gebildetsten Intelligenzgruppen des schwedischen Baltikums gehörte. Da sie an den besten zeitgenössischen Universitäten studierten, mußten sie hervorragende Kenner des römischen Rechts sein. Dazu waren sie wohl auch mit den fortschrittlichsten Ideen ihrer Zeit bekannt. Der Zusammenhang ihrer juristischen Ausbildung mit Rezeption des römischen sowie schwedischen Rechts in der Gerichtspraxis des Hofgerichts bedarf einer weiteren Forschung. Reichliches Quellenmaterial bieten dazu vor allem die Bestände des Staatlichen Historischen Zentralarchivs der Lettischen SSR in Riga, des Reichsarchivs (Riksarkivet) in Stockholm sowie der Universitätsarchive und -Bibliotheken in Leiden, Helmstedt, Jena, Uppsala.

(Übersetzt von Kyra Schmidt)

Beilage: Mitglieder des Hofgerichts in Dorpat
1630-1710

I Präsidenten, Vizepräsidenten, Assessoren

1. **Albedyl, Heinr.**, Nob. Liv., +1677; Ass. 1673-77; imm. Univ. Dorpat 9.6.1632, Auslandsreise 1633-1638.
2. **Albinus, Chr.** (1657-1711), Halle (Sa.); Ass. 1695-1711; imm. S 1669 Leipzig, Königsberg 25.5.1678.
Alebeck, Peder Larsson siehe Örneklou
3. **Ållongren, Joh. Månsson**, Finnl., +1651; Ass. 1634-1648.
4. **Anthoni, Peter**, Stettin (Pomm.), 1600-1675, Ass. 1636-1642; nob. 1642 Lofelt; imm. Frankfurt/O. 1618, 8.9. 1624 Greifswald, Leiden 14.10.1629 (als Hofmeister von Bengt Skytte).
5. **Bewart, David**, Mitau (Kurl.); Ass. 1704-1705; imm. Gymn. Bremen 4.4.1687, Stud. Univ. Leipzig (imm. 1689, 4 Jahre), Auslandsreise nach Holland, England, Frankreich, Italien, Ungarn, Böhmen (bis 1698).
5. **Bielke, Gustav**, Frh., 1618-1662; Präs. 1647-1651; Imm. 11. 1632 Uppsala, Auslandsreise nach Holland (imm. 10.6.1639 Leiden), Paris, Florenz, Venedig 1642, Paris 1643.
7. **Birckholtz, Hieronymos**, Schw., 1595-1639, Ass. 1630-1635.
8. **Bonde, Carl**, Nob. Suecus, 1648-1699; Präs. 1695-1699; imm. Uppsala 11. 1660, Auslandsreise 1665-1668.
9. **Brevern, Hermann**, Riga, 1663-1721; Ass. 1704-1711; Stud. Gymn. Riga (Disp. 1683 u. J. Caspari), Univ. Altdorf (imm. 24.8. 1683; Hatte an den physikalischen Experimentdemonstrationen des Professors C. Sturm teilgenommen 1684; Disp. 27.10.1683, 1686 u. M.D. Omeis: De Q. Curtii Rufi Historici aetate, 1683; Exercitatio academica de symbolo heroico, italis impresa, gallis devise dicto, 1686), Jena (imm. 1686), Reise nach Osterreich, Ungarn, Italien, Frankreich, Holland bis 1691.

10. **Brömsen, Joh. von, Dorpat, 1654-1719; nob. 1678; Obernotar 1681-1690; Ass. 1690-1694; Imm. 27.10. 1672 Königsberg, 1673 Jena.**
11. **Budberg, Gotthard Wilh., Nob. Liv., 1605-1682, Landrat; Ass. 1664-1682.**
12. **Budberg, Leonhard Gustav, Nob. Liv., 1640-1708, Frh. 1693, Landrat; Ass. 1690-1694.**
13. **Ceumern, Caspar, Langensaltza (Thür.), 1613-1692; nob. 1652; Ass. 1662-1686; Stud. Univ. Königsberg ca 1642-1654, erw. in Riga als LL. studiosus 1638.**
14. **Cunitzius, David, Reval, 1652-1689; nob. 1687; Ass. 1687-89; imm. Rostock 8. 1672.**
15. **Diepenbrock, Mich., Riga, 1676-1710; Ass. 1706.; imm. Königsberg 10.6 1694, Leipzig 1695.**
Dijkman, Engelbrecht siehe **Mannerburg**
16. **Dimberg, Sven, Västergötl. (Schw.), 1661-1731; Ass. 1706-1709; imm. Åbo 1677, Uppsala 17.1.1681, Auslandsreise nach Frankreich und England nach 1685, imm. Kiel 19.8.1687.**
17. **Dinggraven, Henrich, Wismar (Meckl.), +1686; Notar 1664-1679, Ass. 1679-1686; stud. Pädagogium in Stettin (erw. 1654), imm. Univ. Rostock 5.1646, Helmstedt 2.4.1656.**
Ehrenpreis siehe **Hendesius**
18. **Duncan, Nils, Estonus, +1701. Ass. 1695-1701; imm. Dorpat 29.7.1652, Åbo 25.5.1657.**
19. **Elswich(schausen), Joh. Heinrich, Stockholm, +um 1693; Ass. 1688-1693; stud. Helmstedt (imm. 17.6.1672, Diss. pol. de dominio eminente summae potestatis civilis 26.5.1677 u. H. Conring).**
20. **Enander Jean, Östergötland (Schw.), 1660-1732; nob. 1698 Enanderhjälms; Ass. 1696-1709; imm. Uppsala 4.7.1678.**
21. **Enander, Isaak, Östergötland (Schw.), 1665-1716; nob. 1698 Silfverstråle, Ass. 1696-1704; imm. Uppsala 23.10.1680.**
22. **Fleming, Göran, schw. Frh., 1664-1710; ass. 1687-1695; imm. Uppsala 29.4.1672.**
23. **Fleming, Lars, schw. Frh., 1621-1699; riksråd 1668; Präs. 1665-1695; imm. Uppsala 26.5.1637.**

24. **Flügel, Joh.**, Riga, 1603-1663; Ass. 1639-1643; imm. Königsberg 19.7.1623, Rostock 11.1624, jena 1627, Leiden 9.3.1630, Altdorf 5.1633, erw. in Basel 11.9.1633.
25. **Frost, Valentin**, Ass. 1631-1634..
26. **Graman, Sebald Constans von**, Moskau, 1651-1717; nob. 1687; Ass. 1686-1710; imm. Helmstedt 22.6.1671.
27. **Hagemeister, Joachim**, Stralsund (Pomm.), 1655-1714; nob. 1692; Ass. 1693-1709; stud. Greifswald (imm. 3.6.1675, 6.9. 1680, prom. D. J. U. 6.7. 1681 als advocatus et procurator ordinarius iudicii provincialis), imm. Königsberg 7.7. 1675, Leipzig S. 1678, Jena 18.6.1679.
28. **Hastfer, Claus Wilhelm**, Nob. Liv., Landrat; Ass. 1683-1684.
29. **Hein, Heinrich**, Rostock, +1666; Ass. 1631-56; imm. Rostock 12.1603, Heidelberg 6.10.1611, 21.5.1618, Jena 1607, Giessen 5.8.1611, Stud. Gymn. Altdorf (imm.31.5.1609, Diss. de in integrum restitutione minorum 25. annis u. C.Rittershusius).
30. **Helmes, Paul**, Riga, 1603-1657; nob. 1643 von **Helmersen**; Sekr. 1632-1642, Ass. 1642-1644; imm. Uppsala 1622, Frankfurt/O. 1625, Strassburg 8.8.1627 (phil.), Leiden 7.3.1630 (Jura), Siena 18.7.1630.
31. **Hendesius (Hendelius), Mårten**, Kolberg (Pomm.), nob. **Ehrenpreis** 1652; Ass. 1653-1656; imm. Gymn. Elbing 21.11.1623.
32. **Kempe, Daniel**, Södermanland (Schw.); Ass. 1639-1642; Imm. Uppsala 6.1625.
Kippen, Joachim siehe **Löwenfelt**
33. **Kirstein, Joh. Christoph**, Schweidnitz (Schl.) +um 1659; nob. 1653; Ass. 1653..; imm. Königsberg 10. 6. 1641, stud. Dorpat (imm. 1.4.1643, erw. 1644).
34. **Kniffius, Caspar Johann**, Helmstedt; Sekr. 1673-1698, Ass. 1699-1701..; stud Helmstedt (imm. 13.6.1650, 17.1.1654).
35. **Kock, Joh.** Riga, 1596-1656; nob. 1643 von **Gründblatt**; Ass. 1644-1656; Stud. Giessen (erw. 8.9. 1617), Jena (imm. 1617, erw. 15.11.1618).

36. Lohde, Gerhard, Nob. Liv. aus Kuckers (Kukruse, Estl.); +um 1711; . Vizepräs. 1675-1684.
37. Lund, Carl, Stockholm; ass. 1695-1701..; Imm. Uppsala 19.10.1672, Jena 7.6.1680.
38. Mannerburg, Engelbrecht, Hedemora (Schw.), 1649-1719; nob. 1687; Ass. 1689-1691..; Imm. Uppsala 22.10.1673.
39. Mengden, Engelbrecht, Nob. Liv., 1587-1648; Vizepräs. 1643-1648.
40. Mengden, Gustav, Nob. Liv., 1625-1688, Frh. 1653, Landrat; Ass. 1666..; Imm. Dorpat 21.1.1643, Leiden 5. 1646.
41. Mengden, Otto Wilh., Nob. Liv., Landrat; Ass. 1649-1666.
42. Modular, Lars Larsson, Suecus, +1667; nob. 1650 Lilliefelt; Ass. 1644-1667; Imm. Leiden 8.1.1641 (Pol.).
43. Mörner, Carl, Nob. Svecus, 1605-1665; Frh. 1652; Präs. 1651-1665; Imm. Uppsala 6.1622, Leiden 30.11.1623 (Pol.).
44. Mylonius, Thomas, Arboga (Schw.); Ass. 1639-1642; imm. Uppsala 1625, Helmstedt 1633, Strassburg 3.6.1634 (Phil.).
45. Nieroth, Magnus, Nob. Liv., +1641; Ass. 1631-1636..
46. Öddla, Uddo, svecus, 1617-1668; Ass. 1648-1652; imm. Uppsala 10.1633, Leiden 2.12.1638.
47. Örnekrou, Peder Larsson, Suecus; Ass. 1636-1639.
48. Palmenberg (Bisemwinkel), Justus, Riga, 1650-1714; nob. 1687; Vizepräs. 1698-1701..; Imm. Helmstedt 21.09.1661, Giessen 7.6.1665.
49. Patkul, Friedrich Wilhelm, Nob. Liv., Landrat; Ass. 1648-1661..
50. Patkul, Heinrich, Nob. Liv., Landrat, Ass. 1650-1673.
51. Pegau, Caspar Johann, Dorpat, 1602-1680; nob. 1651 Pegauberg; Ass. 1642-1675...; Imm. Königsberg 6.4.1623.
52. Plater, Fabian, Nob. Liv., +1656, Landrat; Ass. 1631-56.

53. **Potthorst, Hermann**, Livland, ca 1607 - ca 1684; nob. 1648; Ass. 1653-1682; imm Greifswald 21.6.1627, 18.7.1629 Wittenberg, 1.1634 Rostock, 20.9.1634 Leiden (Jura).
54. **Quickfeldt (Queckfeldt), Bengt**, Södermanland (Schw.); Ass. .. 1662-1673; stud. Åbo (imm. 1650, disp. de jure connubiorum 22.2.1651 u. M. Vexionius-Gyldenstolpe, de justitia et jure 21.6.1651 u. M. Vexionius-Gyldenstolpe, de tutoribus et curatoribus 27.3.1652 u. M. Vexionius-Gyldenstolpe), Oxford (imm. 27.7.1655, diss. de obligationibus ex contractibus, qui re, verbis, literis et consensu perficiuntur 12.1655, prom. D.J.U. 2.1656).
55. **Ramm, Thomas**, Riga, +1631; nob. 1624; Vizepräs. 1630; imm. Helmstedt 27.8.1585, Heidelberg 1591.
56. **Reichau, Ernst Friedrich von**, Nob. Liv., +1692, Landrat; Ass. 1684-1692.
57. **Richter, Nicodemus**, Stralsund (Pomm.), 1648-1687; nob. 1685 **Richterfeld**; Ass. .. 1682-1687; imm. Jena 17.4.1669 Jena.
58. **Rigeman, Johann**, Riga, +1698; nob.; ass. 1666-1698; imm. Königsberg 1.8.1652.
59. **Rigemann, Paul**, Riga, 1666-1710; Ass. 1693-1707.; imm. Rostock 4. 1687, Frankfurt/O. 2.9.1687.
60. **Rönning, Jacob**, Dorpat, +1673, nob. 1651; Ass. 1660..
61. **Rosen, Axel**, Nob. Livl, 1624-1679; Vizepräs. 1668-1675; stud. Uppsala (imm. 1635, erw. noch 22.4.1646), Auslandsreise nach Frankreich, Italien, Holland (Univ. Leiden 1647) 1647-1649.
62. **Rosenhane, Gustav**, Svecus, 1619-1684; Präs. 1661-1664 ohne wirklichen Dienst; imm. Uppsala 1628-1636.
63. **Scheidung, Joh. Christoph**, Reval/Nob. svecus, 1634-1685; Frh. 1653; Vizepräs. 1666-1668; imm. Uppsala 12.1654, Giessen 23.11.1657, Siena 1658.
64. **Scheidung, Philipp**, Nob. Svecus, 1579-1646; Präs. 1634-1646; stud. Leipzig (imm. W 1596), Altdorf (imm. 31.7.1598, disp. de lege Porcia, de supliciis sive de libertate Romanae 1598 u. Scipio Gentilis).

65. **Schmieden, Erasmus von**, +1691; nob. 1687; Ass. 1668-1691; Studien (Ders.?: Erasmus Schmidt, Sohn d. Prof. in Wittenberg, imm. Leipzig 1625, Frankfurt/O/ 1628, Königsberg 1630).
66. **Schultz, Joachim**, Reval, 1657-1710 (?); nob. 1693; Ass. 1693-1707..; stud. Gymn. Hamburg (imm.17.12. 1677), Univ. Frankfurt/O. (imm. 21.10.1678), Altdorf (imm. 21.5.1681, diss. 15.2.1683 de jurisdictione litorali), erw. in Paris 29.6.1683.
Silverstråle, Isaak siehe Enander
67. **Simonis, Wilhelm**, Rostock; Ass. 1631-33; imm. Königsberg S 1617, Uppsala 3.1627, Kand. an Professur, Hofmeister d. Söhne v. J. Skytte in Amsterdam, stud. wohl in Franeker (nicht imm.).
68. **Sparre, Per**, nob. Suecus, 1592-1647; Präs. 1631-1634; Auslandsreise.
69. **Stackelberg, Otto**, Nob. Liv., +1689, Landrat; Ass. 1674-1689.
70. **Stampehl, Andr.**, Reval, um 1588-1653; Ass. 1631-50..; Imm. Rostock 7. 1609, Leiden 27.10. 1610 (Jura).
71. **Stegeling, Christoffer**, Riga/Oesel, +1699; nob. 1687; Notar 1669-1673, ass. 1669-1687, Vizepräs. 1687-1697; imm. Jena 5.5.1656, stud. Heidelberg (imm. 12.7. 1659. diss. juris u. H.D. Chunonius, prom. D.J.U. 1660).
72. **Stiernhielm (Lilia), Georg**, Suecus, 1598-1672; nob. 1631; Ass. 1630-1642, vizepräs. 1648-1649; Imm. Wittenberg 9.11.1614, Helmstedt 2.1.1616, Uppsala 2.1624, stud. Greifswald (imm. 17.9. 1615, disp. de coeli partibus astris u. A.Christiani, Diss. 28.6.1625 de ornatu reipublicae u. J. Trygophorus).
73. **Stiernhöök, Andr.**, Dalarna (Schw.), 1634-1686; Ass. 1663-1670; imm. Uppsala 2.1650, Leiden 7.8.1656 (Jura).
74. **Stiernstråle, Joh.**, Strängnäs (Schw.), 1607-1686; Ass. 1651-1684, Vizepräs. 1684-1686; imm. Uppsala 26.5.1636, stud. Dorpat (imm. 24.8.1636, stud. bis 1641).
75. **Strassburg, Hans**, Reval; nob. 1650; ass. 1635-1650; Ders.?.; imm. Rostock 6.1602.

76. **Strömfeld, Gustav Adolf**, Nob. Suecus, 1640-1717; Ass. 1677-1684; imm. Uppsala 24.2.1660, Leiden 30.10.1668 (Eloquenz und Polit.).
77. **Strömfeld, Otto Reinhold**, Nob. Svecus, 1679-1744; Ass. 1705.; Stud. Dorpat (imm. 8.1690, erw. 1696), imm. Halle 9.6.1699.
78. **Taube, Otto Wilhelm**, Nob. Liv.; Ass. 1631-1635.
79. **Tranaeus, Jonas**; Södermanland (Schw.); ass. 1631-34; Stud. Jena (imm. 1615, erw. 1616).
80. **Trautwetter, Hermann Georg**, Helmstedt, +1710; nob. 1684; Ass. 1684-1701; stud. Helmstedt (imm. 13.7.1655, 9.4. 1664, diss. 10.4.1669 de unione proelium u. J. Eichel), Altdorf (imm. 18.5.1665, diss. de societate paterna, ejusque jure 3.1666 u. J.P. Felwinger).
81. **Ulrich, Johann**, Brandenburg, 1573-1654; nob. 1624; Vizepräs. 1631-1642; imm. Frankfurt/O. 1592, Dr. J.U.
82. **Ulrich, Johann Wilhelm**, Nob. Liv.; +nach 1709; Ass. 1684-1697. Stud. Gymn. Reval 1676.
83. **Ulrich, Wilhelm**, Riga, ca 1604-1661; Ass. 1634-1649, Vizepräs. 1649-1652; imm. Uppsala 16.8.1625, Rostock 6. 1626, Leiden 28. 10. 1630 (Jura).
84. **Vietinghoff, Otto Friedrich**, Nob. Liv., 1640-1709; Landrat; Ass. 1682-1694.
85. **Wangersen, Conrad**, Reval, 1618-1668; nob. von **Wangersheim**; Vizepräs. 1652-1666; imm. Dorpat 20.10.1632, Leiden 16.9.1638 (Jura), Studienreise in Italien (erw. in Rom 1643, 1648, in Padua als Conciliarius), begleitete M.G. De la Gardie auf seiner Gesandtschaftsreise nach Frankreich).
86. **Wijk, David**, Riga, um 1605-1656; nob. 1648; Ass. 1653-1656; imm. Rostock 4. 1625, Greifswald 27.9.1625, Leiden 3.11.1627 (Jura), Frankfurt/O. 1626.
87. **Witte, von Schwanenburg, Heinrich**, Riga, +1710; Vizepräs. 1707-1710; imm. Helmstedt 7.3.1668.

II. Hofgerichtsfiskale und Kanzleibediente

- Ackerbaum, Samuel**, Elbing/Graudenz (Westpreußen), +vor 1675; Schreiber 1630-1635; imm. Gymn. Elbing 28.7.1616, Univ. Königsberg 28.6.1622, Uppsala 1627.
- Adler, Johannes**; Schreiber 1635-1640; Ders.?.; imm. Königsberg 5.9.1617.
- Brömsen, Joh**; Obernotar 1681-1690; Siehe I.
- Buschhoff, Gotthard**; Aktuar ..1664-82.
- Dinggraven, Heinrich**; Obernotar 1663-1678. Siehe I.
- Draeander (Dryander), Martin**; schw. Notar 1666-1669.
- Eberhard, Johan**, Dorpat; Aktuar 1682-1701..; imm. Uppsala 15.8.1666.
- Eichler, Immanuel**, Geissing (Sa.); Fiskal 1687-1701..; imm. Leipzig S 1667, S 1677, Jena W 1678.
- Faerber von Hohenstern**. Siehe Tinctorius.
- Fauljoch, Johann**, Königsberg (Pr.; Obernotar ..1700-1709..; imm. Königsberg 12.11.1669, Frankfurt/O. 14.10. 1676.
- Göde, Joachim**; deutscher Notar 1631-1633; Ders.?.; Rostock 1598 aus Salzwedel (Brand.).
- Grelle, Lorenz**, Pernaue; nob. 1650 Rutensköld; Sekr. 1642-1649; imm. Rostock 5.1627, Königsberg 30.4.1630.
- Helms, Johann**, Riga, 1622 - ca 1673; nob. 1651 Helmersen; Sekr. 1649-1651; Stud. Leiden (imm. 25.11.1644, Jura, Diss. 1646), imm. Uppsala 5.8.1646, Leipzig 1647, Basel 1648.
- Helms, Paul**. Siehe I.
- Hertel, Martin**, Dresden (Sa.); Aktuar 1664-1701..
- Hornung, Michael**; Fiskal 1633-1639;
- Hunerjeger, Johann**, Reval, um 1616-1658; Aktuar 1631-1635; imm. Greifswald 28.8.1630, Dorpat 30.11. 1633, Leiden 4.3. 1636 (Jura).
- Karstens-Kluver, Johann**, Libau (Kurl.); Schreiber 1640-1655, Sekr. 1663-1683; imm. Rostock 8.1635, Dorpat 22.6.1636.
- Kniffius, Caspar Johann**; Sekr. 1673-1698 siehe I

- Kniffius, Nicolaus Friedrich, Dorpat, +1708;**
Obernotar 1699-1701..; imm. Helmstedt 13.3.1685.
- Landenberg, Erasmus, Königsberg, +1720; Oberfiskal**
1702-1707..; imm. Königsberg 20.7.1672.
- Mahlstedt, Arnold, Livl.; Schreiber 1655-56..; stud.**
Dorpat (imm. 12.9.1640, verreist 6.5.1654).
- Palmbaum, Michael; Stockholm; schwed. Notar**
1631-1666; imm. Gymn. Elbing 8.5.1600.
- Pluntzki, Michael, Riga; Aktuar 1642-1661..; stud**
Dorpat (imm. 2.6.1632, Disp. 6.5.1633 u. G.
Mancelius, 19.7.1633 u. A. Virginus, 27.7. 1633
u. G. Mancelius).
- Postler, Otto Christian, Krossen (Schl.) +1697;**
Obernotar 1691-1697; imm. Frankfurt/O. 1671,
Jena S 1675, Königsberg 15.8.1678.
- Spalckhaber, Christian, Wittau (Pomm.); Sekr.**
1699-1710; imm. Greifswald 1674, 12.10.1680,
Wittenberg 4.5.1680.
- Spankau (Spandko), Paul, Wollin (Pomm.); +1636;**
Sokr. 1631-32. Imm. Königsberg 19.4.1589, Rostock
1592, Greifswald 1592.
- Stegeling, Christophor; Notar 1669-1673. Siehe I**
- Tintorius, Philipp, Ostpreußen; nob. 1652 Faerber**
von Hohenstern; Oberfiskal 1639-1656; imm.
Königsberg 8.6.1622, 8.7.1632.
- Transaeus, Valerius, Kurl.; nob. 1663 von Transehe;**
Oberfiskal 1631-1633; imm. Königsberg 10.3.1617.
- Ulrich, Wilhelm; Obernotar 1635-1642..**
- Wagner, Christoph, +1687; Oberfiskal ..1682-1687.**
- Wallander, Johann, Libau (Kurl.); Aktuar 1635-42;**
stud. Dorpat (imm. 8.1.1633, verreist 8.5.1636).
- Witting, Georg, /Goldingen?;/Oberfiskal 1656-1677;**
Ders.?.; stud. Dorpat (imm. 17.10.1640, disp. 4.
1650, 1651 u. A. Virginus, Oration 11.1.1651).

Abkürzungen

Ass. = Assessor	Pr. = Preußen
D.J.U. = Doctor juris	Präs. = Präsident
utriusque	prom. = promoviert
erw. = erwähnt	Sa. = Sachsen
Frh. = Freiherr	Schl. = Schlesien
Gymn. = Gymnasium	Schw. = Schweden
imm. = immatrikuliert	Sekr. = Sekretär
Kurl. = Kurland	stud. = studiert
nob. = geadelt	Thür. = Thüringen
Nob. Liv = Nobilis Livonius	Univ. = Universität
Phil. = Philosophie	u. = unter
Pol. = Politik	Vizepräs. = Vizepräsident
Pomm. = Pommern	

Fußnoten

- 1 Meurling, A.C. Svensk domstolsförvaltning i Livland 1634-1700. - Lund, 1977.
- 2 Staatliches Historisches Zentralarchiv der Estnischen SSR (SHZE), F.278, Reg. 1, Nr. XXII-1 - XXII-60.
- 3 Zum Beispiel: A. C. Meurling. Svensk domstolsförvaltning, s. 276-278; R. Liljedahl. Svensk förvaltning i Livland 1617-1634. Uppsala, 1933; L. Lēsments. Par Vidzemes hoftiesas sastavu Zviedru laiku beigās. In: Tautas vēsture. Rīga, 1938, lpp. 255-229.
- 4 Tering, A. Album Academicum der Universität Dorpat (Tartu) 1632-1710. - Tallinn, 1984; Uppsala universitets matrikel. T. 1. 1595-1700. - Uppsala, 1900-1911; Brenner, S. Otto, Gösta Thimon. Uppsala universitets matrikel 1595-1817. Register. - Uppsala, 1971; Lagus, V. Album studiosorum Academiae Aboensis MDCXL-MDCCCXXVII, T. 1. 1640-1740. Helsingfors, 1891; Lunds universitets matrikel. T. 1-2. Kjøbenhavn, 1889; Album studiosorum Academiae Lugduno-Batavae MDLXXV-MDCCCLXXV. - Hagae, 1875; Album studiosorum Academiae Groninganae (1605-1914). - Groningen, 1915; Album studiosorum Academiae Franekerensis (1585-1811, 1816-1844). T. 1. Naamlijst der Studenten. - Franeker, 1968; Album studiosorum Academiae Gelro-Zutphanicae MDCXLVIII-MDCCCXVIII's - Gravenhage, 1904; Album studiosorum Academiae Rheno-Traiectinae MDCXXXVI

MDCCLXXXVI. Accedunt nomina curatorum et professorum per eadem secula. - Ultraiecti, 1886; Weigle, F. Die Matrikel der deutschen Nation in Siena (1573-1738), Bd. 1. - Tübingen, 1962; Die Matrikel der Universität Basel, Bd. 3-4. - Basel, 1962-1975; Die Matrikel der Universität Jena. Bd. 1. 1548 bis 1652. - Jena, 1944; Die matrikel der Universität Jena. Bd. 2. 1652-1723. - Weimar, 1961-77; Die jüngere matrikel der Universität Leipzig. Bd. 1-3. - Leipzig, 1909; Album Academiae Helmstadiensis. Bd. 1. - Hannover, 1926; Die Matrikel der Universität Helmstedt 1636-1685. - Hildesheim, 1981; Die Matrikel der Universität Helmstedt 1685- 1810. - Hildesheim, 1979; Album Academiae Vitebergensis. Jüngere Reihe. Bd. 1. 1602-1660. - Magdeburg, 1934; Album Academiae Vitebergensis. Jüngere Reihe. Bd. 2. 1660-1710. - Halle, 1952; Die Matrikel der Universität Gießen 1608-1807. - Gießen, 1898; Suchbuch für die Gießener Universitäts-Matrikel 1649 bis 1707. - Darmstadt, 1937; Suchbuch für die Marburger Universitäts-Matrikel 1653-1830. - Darmstadt, 1927; Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. 1544-1829. Bd. 1-3. - Leipzig, 1910-1917; Aeltere Universitäts-Matrikeln. I. Universität Frankfurt a. O. Bd. 1-3. - Leipzig, 1887-91; Die Matrikel der Universität Rostock. Bd. 3-4. - Rostock, 1893-1904; Aeltere Universitäts-Matrikeln I. Universität Greifswald. Bd. 1-2. - Leipzig, 1893-94; Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel 1665-1865. - Kiel, 1915; Die alten Matrikeln der Universität Strassburg 1621-1793. Bd. 1-3. - Strassburg, 1897-1902; Die Matrikel der Universität Heidelberg. Bd. 2-4. - Heidelberg, 1886-1903; Die Matrikeln der Universität Tübingen. Bd. 2. 1600-1710. - Tübingen, 1953; Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Bd. 1. 1690-1730. - Halle, 1960.

- 5 Siehe die Tabelle der Löhne: A. C. Meurling. Svensk domstolsförvaltning, s. 150.
- 6 Meurling, A. C. Svensk domstolsförvaltning, s. 222-224.
- 7 Rauch, G. Die Universität Dorpat und das Eindringen der frühen Aufklärung in Livland. - Essen, 1943, S. 268-269.

- 8 Лумисте Ю., Пийримяэ Х. Шведский ученый Свен Димберг - ранний пропагандист учения Ньютона в Тартуском университете // Скандинавский сборник. - Таллин, 1982. - Т. 27. - С. 174.
- 9 Meurling, A.C. Svensk domstoesförvaltning, s. 48, 58-59.
- 10 Sammlung der Gesetze, welche das heutige livländische Landrecht enthalten. Bearb. von G.F. von Buddenbrock. Bd. 2. - Riga, 1821, S. 29-30.
- 11 Vasar J. Quellen zur Geschichte der Universität Tartu (Dorpat). 1. Academia Gustaviana a) Urkunden und Dokumente. - Tartu, 1932, S. 63, 181, 183.
- 12 Sainio M. A. Dissertationen und Orationen der Universität Dorpat 1632-1656. - Stockholm, 1978, S. 23.
- 13 Siehe ebenda, S. 48-60.
- 14 Sammlung der Gesetze, welche das heutige livländische Landrecht enthalten. Bd. 2. S. 380-381.
- 15 Bis 1688 war der Gehalt der Landrichter gering - 189 Silbertaler. Seitdem wurde es aber auf 500 Silbertaler erhoben (Meurling, A.C. Svensk domstolsförvaltning, s. 149, 189).
- 16 Meurling, A.C. Svensk domstolsförvaltning, s. 245-251.
- 17 Meyer, E. Gustaf Rosenhane. Hans lif och verksamhet. - Upsala, 1888.
- 18 Rosen, E. Bogislaus Rosen aus Pommern 1572-1658. - Tallinn, 1938, S. 374-375, 492.
- 19 Malmström, A. Juridiska fakulteten i Uppsala. Studier till fakultetens historia II: Den juridiska fakulteten under 1600-talet och början av 1700-talet. Uppsala, 1985, s. 50-51
- 20 Wieselgren, P. Georg Stiernhelm. - Stockholm, 1948, s. 24 jj.
- 21 Meurling, A.C. Svensk domstolsförvaltning, s. 211-213.
- 22 Ebenda, s. 215-216.
- 23 Hildebrand, B. Enanderhielm. - Svenskt biografiskt lexikon. T. 13. - Stockholm, 1950, s. 471.

- 24 1651-1652 disputierte er wiederholt unter dem Präsidiat von M. Vexionius- Gyldenstolpe (Val-linkoski, J. Turun akatemian väitöskirjat. - Helsinki, 1966, s. 566-567).
- 25 Über A. Stiernhök siehe H. Hofberg. Svensk biografiskt handlexikon. T. 2. - Stockholm, 1906, s. 531.
- 26 Siehe A. Tering. Album Academicum 1632-1710, Nr. 908.
- 27 Ebenda, Nr. 1137.
- 28 Von den gelehrten Assessoren des Hofgerichts hatte in Leiden ungefähr ein Viertel (23,5%) studiert (siehe A. Tering. Leideni ülikooli osa haritlaskonna kujunemisel Eesti- ja Liivimaal XVII sajandil. - In: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Kd. 16 - Tartu, 1985, lk. 14).
- 29 Wrangel, E. Sveriges litterära förbindelser med Holland särdeles under 1600-talet. - Lund. 1897, s. 65; Album studiosorum Academiae Batavae, Sp.221.
- 30 Über den Jura-Unterricht an der Universität Leiden siehe: R. Feenstra, C.J.D. Waal. Seventeenth-century Leyden law professors and their influence on the development of the civil law: A study of Bronchorst, Vinnius and Voet. - Amsterdam; Oxford, 1975; H. Schneppen. Niederländische Universitäten und deutsches Geistesleben von der Gründung der Universität Leiden bis ins Späte 18. Jahrhundert. Münster, 1960.
- 31 Über den Unterricht der Politik an der Universität Leiden siehe: H. Wansink. Politieke wetenschappen aan de Leidische universiteit 1575- + 1650. - Utrecht, 1981.
- 32 Stintzing, R. Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. Bd. 2. - München; Leipzig, 1884, S. 230-232.
- 33 H. Conrings Lebenswerk ist vielfach erforscht worden. Die letzten Resultate sind im Sammelwerk: Hermann Conrig (1606-1681). Beiträge zu Leben und Werk. Hrsg. v. Michael Stolleis. - Berlin/West, 1983, gebracht.

- 34 Bio-bibliographisches Verzeichnis von Universitäts- und Hochschuldrucken (Dissertationen) von Anfang des 16. bis Ende des 19. Jahrhunderts. Bd. 3. Hrsg. v. K. Wickert. - München, 1977, S. 362.
- 35 Ebenda.
- 36 Bio-bibliographisches Verzeichnis von Universitäts- und Hochschuldrucken (Dissertationen) von Anfang des 16. bis Ende des 19. Jahrhunderts. Bd. 1. Hrsg. v. H. Mundt. - Leipzig, 1936, S. 270 (Nr. 7779).
- 37 Darüber siehe: R. Stintzing. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft. Bd. 1. - München; Leipzig, 1880, S. 377-381, 392-395, 414-419.
- 38 Die von C. Sturm in den Jahren 1675, 1679, 1681, 1683, 1684 gehaltene Demonstrationskollegien sind in der Ausgabe: J. C. Sturm. Collegium experimentale. Pars. 2. - Norimbergae, 1685, beschrieben. Von den im Vorwort erwähnten an den Kollegien teilgenommenen 94 Studenten sind 3 mit Livland verbunden.
- 39 Bio-bibliographisches Verzeichnis. Bd. 3, S. 73 (Nr. 30150).
- 40 Ebenda, S. 362.
- 41 Recke, J.F., Napiersky, K.E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-lexicon. Bd. 4. - Mitau, 1832, S. 141.
- 42 J. C. Sturm. Collegium experimentale, Pars 2. - Norimbergae. 1685, p. /XVII/.
- 43 Recke, J.F., Napiersky, K.E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten- Lexicon, Bd. 4, S. 256.
- 44 Landeberg, E. Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. Bd. 3. - München; Leipzig, 1898, S. 64-70. 45 Scherer, E.C. Geschichte und Kirchengeschichte an den deutschen Universitäten. - Freiburg in Breisgau, 1927, S. 174.
- 46 Rosen, E. Bogislaus Rosen aus Pommern 1572-1658, S. 492-493, 513.
- 47 Ebenda, S. 562; Die Angaben über den Aufenthalt von C. Wangenheim in Rom in 1643-1648 sind von Dr. V. Helk (Kopenhagen) erhalten.

- 48 Jakobowsky, C.V. Svenska studenter i Oxford ca. 1620-1740. - Personhistorisk Tidskrift, 1927, t. 28. - Stockholm, 1928, s. 108, 115.
- 49 Schlegel, B., Klingspor, C.A. Den med sköldebrev förlänade men ej a riddarhuset introducerade svenska adels ättartaflor. - Stockholm, 1875, s. 19.
- 50 Kvacala, J. Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII, Jahrhunderts. Bd. 1. - Berlin, 1903, S. 54-56, 172-173; 181; Bd. 2. Berlin, 1904, S. 16-17, 64, 114.
- 51 Nordström, J. Georg Stiernhielms filosofiska fragment. T. 1-2. - Stockholm, 1924; Swartling, B. Georg Stiernhielm. Hans lif och verksamhet. - Upsala, 1909.
- 52 Meyer, J. Gustaf Rosenhane. Hans lif och verksamhet. - Upsala, 1888.
- 53 N. Richter übersetzte aus dem Englischen ins Deutsche ein Buch von der Heiligung des Sabbaths (Jöcher, C.G. Allgemeines Gelehrten-Lexikon, Bd.3. - Leipzig, 1751, Sp. 2088).
- 54 Über S. Dimbergs Studienreise nach England siehe: Лумисте Ю., Пийримяэ Х. Свен Димберг, с. 167.

О ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ЧЛЕНОВ ТАРТУСКОГО ГОФГЕРИХТА В 1630-1710 ГОДАХ

Р е з ю м е

Членов Лифляндского гофгерихта (с 1630 г. в Тарту, с 1702 г. в Риге) характеризует наиболее высокий уровень образования в сравнении с судьями других судов. Из судей гофгерихта только около 15% были дворянами-ландратами без высшего образования. Для наглядности указан ряд университетов с наибольшим числом студентов-юристов: Упсала, Лейден, Хельмштедт, Кенигсберг, Росток, Тарту, Альтдорф, Франкфурт-на-Одере, Лейпциг и Грейфсвальд. Будущие члены гофгерихта совершали учебные путешествия в Англию и в Италию.

**ОСОБЕННОСТИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ И ОСОБЕННО
ТАРТУСКОГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

И. Н. Грязин, Х. Л. Танклер

В данной статье предпринята попытка представить обзор юридической регуляции университетской жизни за более или менее продолжительный период и в масштабе целого государства. Такого типа исследования до сих пор практически не проводились. Будучи первой такого рода попыткой, наша статья неизбежно обречена на определенную фрагментарность и поверхностность. Тем не менее, мы надеемся, она может послужить началу восполнения этого пробела в общеисторической и историко-правовой науке.

Самой близкой к нашему исследованию является статья Б. В. Глинского, опубликованная в 1900 г. [5], которая, реферируя и комментируя отдельные статьи университетских уставов, останавливается, главным образом, лишь на вопросах автономии университетов, определенной уставом 1804 г. и ликвидированной в 1835 г. Первой половине XIX в. автор посвящает значительную часть работы и на уставы Тартуского университета не обращает внимания. Ряд интересных замечаний содержится в работе В. А. Воробьева 1905 г. [4], хотя она и не претендовала на глубокое освещение данной темы. Примечательно, что более поздние периоды в истории университетов России явились объектом более пристальных исследований, так, например, уставу 1863 г. посвящены специальные труды Р. Г. Эймонтовой [15], а уставу 1884 г. — Г. И. Щетиной [14].

Цель работы — сравнение всех университетских уставов первой половины XIX в. и обзор постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения. В хронологической последовательности характеризуются все основные юридические документы Тартуского университета до утверждения устава в 1803 г. Тема раскрывается в двух аспектах — в историческом и юридическом.

* *

*

Уставы играют в истории университетов и юридической регламентации их деятельности особую роль - недаром именно с их изучения начинаются почти все исторические обзоры деятельности университетов. Уставы служат также основой для периодизации истории университетов. Уже во время их составления им уделялось совершенно особое внимание: для их создания составлялись специальные комиссии; изучалась более ранняя практика западно-европейских, особенно германских университетов; к работе привлекались специальные консультанты; для обсуждения проектов уставов организовывались специальные заседания совета и т.д. С другой стороны, существует опасность переоценить значение этих документов, вычлнить уставы из конкретной истории университета: ведь уставы Московского, Казанского и Харьковского университетов повторяли друг друга почти дословно, но претворялись в жизнь они по-разному. О разрыве писаного и действительного права свидетельствует разгром М.Л. Магницким и Д.П. Руничем Казанского и Петербургского университетов в период действия устава 1804 года, предоставляющего этим университетам автономию.

Вступление России на капиталический путь развития ставило перед законодательством довольно серьезные задачи: необходимо было продумать организационно и обеспечить юридически всю деятельность государства. С созданием Министерства народного просвещения возник государственный институт, который стал руководить просвещением во всем государстве, в том числе и в чисто юридическом плане. В первой половине XIX в. в России начался процесс создания целого ряда университетов, что повлекло за собой возникновение соответствующей отрасли законодательства.

Во введении к данной теме необходимо обратить внимание на общеюридический фон указанного процесса. Характерной чертой времени являлось обстоятельство, что закон, регулирующий наиболее важные вопросы государственной жизни, является, как правило, волей монарха или близких ему лиц. Ни один из них не получил систематического юридического образования. Полномочия иных законодательных инстанций - Государственного совета и Комитета министров - оказывались нередко формальными, и очень часто их вообще обходили. Весь государственный аппарат был в начале рассматриваемого нами периода еще в стадии становления -

функции отдельных ведомств не были конкретизированы и т. д. От требований времени отставала законодательная техника: законодательные акты были еще не кодифицированными. Полное собрание законов и Свод законов были изданы только к 1832 году, постановления и распоряжения Министерства народного просвещения стали публиковаться в 1864 г. [10, 11]. Это все повлияло и на юридическую регуляцию университетской жизни.

Первой основой деятельности планируемого Тартуского университета стал так называемый "план" - устав, состоящий из 108 параграфов, утвержденный Павлом I 4 мая 1799 г. После смерти императра и перевода Тартуского университета в Митаву (ныне Елгава) была выработана вторая редакция "плана" с небольшими изменениями, утвержденная Александром I 5 января 1802 г. Некоторые дополнения к "плану" внес "Регламент академической полиции в Дерпте" (1802), касающийся вопросов студенчества и студенческой дисциплины. Он был предназначен для внутреннего пользования, но не был утвержден в высших инстанциях. Похожий статус имел также документ, составленный в начале 1802 г. уполномоченными местных рыцарств (Эстляндии, Лифляндии и Курляндии) - коллегией кураторов - и носивший название "Статуты императорского университета в Дерпте". В работе над документом составители постарались соединить "план" 1799 г. с указом 5 января 1802 г., дополнив их некоторыми новыми параграфами. Начиная с 6 марта 1802 г. составители этого проекта устава попытались его утвердить в Сенате, но этому воспротивился совет университета. Профессура, которая состояла в основном из представителей мещанского сословия, желала действовать независимо от местных привилегированных сословий. Сначала профессуре удалось добиться совместного обсуждения проекта с коллегией кураторов, затем проект пошел на представление в Сенат. Обе стороны - совет университета и коллегия кураторов - выдвинули ряд основательных замечаний к проекту [8, с. 134-136]. Существенным сдвигом было утверждение царем "Акта постановления для императорского Дерптского университета" 12 декабря 1802 г., который тесным образом подключал университет к государственной системе образования и делал его во многом независимым от коллегии кураторов.

Отметим, что на юридическое положение Тартуского университета распространились и некоторые

общегосударственные документы - манифест 8 сентября 1802 г. о создании Министерства народного просвещения и схожее постановление 9 декабря 1802 г. 24 января 1803 г. были утверждены "Предварительные правила народного просвещения", которые дали направление политике народного просвещения" Российской империи в целом.

Сразу после объявления "Акта постановления ..." в совете университета ректор Г.Ф. Паррот предложил коллегии кураторов согласовать проект устава с этим документом. Для этого 29 декабря 1802 г. была создана комиссия в составе представителей всех факультетов, которая стала выработать, в сущности, новый вариант устава [8, с. 136]. Вскоре после этого университет получил из Петербурга еще одну инструкцию "Временные правила для Дерптского университета", которая определяла отношения университета с попечителями учебного округа.

Избранная советом комиссия по разработке нового устава завершила работу к марту 1803 г., и в том же месяце проект устава был несколько раз обсужден в совете университета [1]. К 1 апреля была готова окончательная редакция, сформулированная профессором К. Моргенштерном. Несмотря на сильное противодействие коллегии кураторов, через попечителя учебного округа Ф.М. Клингера удалось представить проект 25 апреля 1803 г. министру народного просвещения. После обсуждения проекта в Главном правлении училищ, где интересы университета защищались профессорами Г.Ф. Парротом и Г.А. Глинкой [8, с. 137-138], он был утвержден императором 12 сентября 1803 г. Ранее, 23 августа 1803 г., Александр I подписал еще один важный документ - "4 правила для учащихся в Дерптском университете", - чем устарел регламент академической полиции.

Уставом и студенческими правилами была создана твердая основа для деятельности университета, эти документы юридически подтвердили автономию университета (т.е., в первую очередь, независимость от местных рыцарств и полицейских властей), материальное положение и дальнейшую линию деятельности. Совет университета мог сравнительно независимо поступать при организации своей внутренней жизни. Эта автономия использовалась в первые годы с большой активностью.

Содержание Устава Тартуского университета рассматривается во всех более подробных историче-

ских обзорах университета, и мы на этой теме специально не останавливаемся.

Работа над уставными документами проводилась приблизительно в одно и то же время во всех российских университетах. Правильно отмечают все авторы, что наибольшее влияние на них имели план 24 февраля 1787 г., составленный комиссией об учреждении училищ, опыт деятельности западноевропейских университетов и некоторые конкретные уставные документы, действовавшие в них [2, с. 351; 4, с. 4; 9, с. 51, 56; 12, с. 54 и др.]. Первостепенную роль играла, без сомнения, одновременно работа над уставами. Многие параграфы повторялись в них почти дословно.

Первым был утвержден устав Вильнюсского университета - 18 мая 1803 г. (положение от 4 апреля 1803 г.). От уставов других университетов он отличался тем, что был представлен наиболее компактно и лаконично. При сравнении уставов Тартуского и Вильнюсского университетов выясняется, что цель основания Вильнюсского университета была сформулирована более основательно. Различными были структура и названия факультетов. Вильнюсские факультеты зависели от совета в большей степени, чем в Тарту. Больше внимание обращали уставы Вильнюсского, а также других российских университетов на научную деятельность (специальные академические собрания, конкурсные работы, усовершенствование за границей, требование распространять новейшие достижения науки). По сравнению с Тартуским университетом отчетность в других университетах была организована несколько иначе. В Вильнюсе создавались специальные комиссии для обсуждения сложных вопросов, заседания должны были проводиться во внеурочное время. В порядке исключения в Вильнюсе можно было повысить оклады преподавателей, которые были здесь ниже, чем в других университетах России, не запрещалось преподавать одновременно на разных факультетах (как в Тарту). Ректор и деканы в Вильнюсе избирались на три года (в Тарту в первое время - на год), там полагался один цензор, в Тарту право цензурировать имели все преподаватели.

Менее подробно уставы Вильнюсского, а также Московского, Казанского и Харьковского университетов касались вопросов университетского суда, учительского института, некоторых вспомогательных учебных заведений, финансовых и бухгалтерских вопросов, комплектации книг, назначения стипен-

дий, функций некоторых университетских чиновников. В них, в отличие от Тарту, не была строго фиксирована региональность распределения специалистов, длительность учебной работы, не говорилось об освобождении профессоров от обязанности военного постоя и платежа квартирных денег, о назначении пенсий, о соответствии преподавательских должностей и чинов, об особых правах иностранцев-преподавателей, о мундирах, о заграничных корреспондентах; в них не отражалось право аттестовать представителей "низших" ступеней интеллигенции (домашние учителя, различные категории медиков).

Работа над выработкой устава Московского университета началась 18 марта 1802 г., когда была создана соответствующая комиссия из трех членов. 18 октября 1802 г. проект устава обсуждался в Комиссии об училищах и 7 февраля 1803 г. был представлен для обсуждения членам Главного управления училищ Н.И. Фусу, Н.Я. Озерецковскому, Ф.И. Янкович де Мириево и Ф.М. Клингеру для составления впоследствии единого устава всех российских университетов [13, с. 316; 9, с. 56]. 5 ноября 1804 г. были утверждены уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (в тот же день подписано нечто вроде положения - "грамоты" - об этих университетах).

Так как разница между уставами этих университетов была несущественной, то они были опубликованы как один документ со ссылками (замечаниями) на различия в том или другом университете.

Устав Тартуского университета 1803 г. был более схож с уставами российских университетов 1804 г., чем устав Вильнюсского университета 1803 г. По сравнению с Тартуским, уставы российских университетов имели ряд дополнительных параграфов, касающихся университетского совета: решения совета считались недействительными при отсутствии ректора, отсутствующие преподаватели могли представить свои мнения в письменном виде; как в Вильнюсе, так и в других университетах решения факультетских советов утверждались университетским советом. Некоторые отличия касались преподавателей: при необходимости можно было создавать дополнительные места, существовало требование, что природные россияне ... должны быть предпочтены чужестранцам. Уставы других российских университетов предусматривали ряд специальных "функционалов" и служащих, таких, как инспектор казен-

ных студентов, избираемый из среды обычных профессоров, его помощники – из магистров и кандидатов, секретарь совета и неперменный заседатель – из обычных профессоров, секретарь факультета и помощник библиотекаря – из адъюнктов. В отношении учебной работы отметим, что в вышеупомянутых университетах совет должен был разрабатывать учебные планы и утверждать учебники, там можно было повторять курс, и преподавателям рекомендовалось проводить индивидуальные беседы со студентами. В Тарту студенты писали конкурсные работы в течение года, в других университетах – в течение двух лет. Занятия в учительском институте продолжались три, а в Тарту два года. В Тартуском университете существовал богословский факультет. При Московском университете работали Академическая гимназия и благородный пансион (до 1812 и 1830 годов), ряд ученых обществ (в прибалтийских губерниях они были, но не подчинялись университету). В уставах 1804 г. более подробно говорится о почетных членах университета. Несколько различий было в статьях, связанных с цензурой. В Тарту запрещенной литературой могли пользоваться только профессора, в других университетах – профессора и адъюнкты.

По сравнению с уставами других российских университетов Тарту имел ряд дополнительных статей: все обычные профессора должны были иметь уже с 1803 г. докторскую степень (в других – с 1835 г.), за слушание лекций более обеспеченные студенты платили гонорар, в Тарту можно было получить право чтения лекций (по существу должность приват-доцента) после защиты специальной диссертации "*venia legendi*". Судя по уставу, только при Тартуском университете существовали "книжная лавка", "технологическое собрание моделей", "собрание военно-учебных моделей".

4 июня 1820 г. был утвержден новый устав Тартуского университета. Как уже было отмечено, он существенно отличался от устава 1803 г. [7, с. 79; 8, с. 363–367], но в некоторых параграфах они дословно совпадают. Здесь чувствуется роль попечителя Тартуского учебного округа К. Ливена, подерживавшего уставы 1803–1804 гг. [8, с. 169–170]. Изменения были сделаны быстро и почти без вмешательства совета, они вводились Ливеном в министерстве при содействии профессора юриспруденции И.Г.И. Неймана. При окончательной редакции устава присутствовал и член совета комиссии сос-

тавления законов А.И. Тургенев [8, с. 360].

Новые статьи касаются в основном руководства университетом, его финансирования, отдельных профессур и должностей, деятельности педагогико-филологического семинара, сформировавшегося из учительского института. Число параграфов устава 1820 г. несколько уменьшилось, так как из него был изъят параграф о порядке присуждения ученых степеней, установленный специальным указом 20 января 1819 г.

В конце царствования Александра I попечитель Дерптского округа К. Ливен получил циркуляр министра народного просвещения от 13 июня 1825 г. с указанием выработать в совете необходимые изменения в уставе и в штатах. Предложения Тартуского университета касались в основном экономического положения университета и были переданы в Комитет устройства учебных заведений, созданный 14 мая 1826 г. В обсуждении дополнений в 1826-1832 гг. принимали участие академики Г.Ф. Паррот и А. Шторх, а также М.А. Балучьянский, граф С.Г. Строганов, А.И. Крузенштерн, К. Ливен. 16 марта 1833 г. предложения были представлены императору для утверждения, но новый министр народного просвещения С.С. Уваров приостановил введение дополнительных статей Тартуского университета, считая более важным утверждение новых уставов Московского и Петербургского университетов, [8, с. 369-370]. Отметим, что последний действовал с 1824 г. на основе устава Московского университета, т.к. его собственный устав, над которым начали работать с 1819 г., не был утвержден. 26 июня 1835 г. Николаем I был утвержден новый устав российских университетов, но на Тартуский университет он не распространялся. В Тарту работа над уставом продолжалась уже в новом направлении: совет разработал дополнительные статьи на основе устава 1835 года. Однако 9 апреля 1837 г. был объявлен приказ продолжать работу на основе устава 1820 г. [8, с. 369-371]. Публикуемые время от времени постановления и распоряжения министерства с изменениями некоторых параграфов устава Тартуского университета 1820 г. постепенно сближали деятельность университета с общероссийским уставом 1835 г. Новые штаты Тартуский университет получил в 1842 г., а устав только в 1865 г. Чтобы понять, чего лишился Тартуский университет в связи с уставом 1835 г., необходимо коротко остановиться на последнем. Впервые в истории универси-

тетов России утверждению устава предшествовала основательная работа: в ходе ее сравнивались разные уставы, их проекты и варианты, использовались и другие документы, предпринимались крутые повороты, “экспериментально” был утвержден устав Киевского университета. Работа над уставом продолжалась почти 10 лет [9, с. 144-145, 178-180, 182, 185, 189, 192, 241 и др.]. По сравнению с более ранними документами устав 1835 г. был существенным шагом вперед как с юридической стороны, так и в смысле организационной продуманности – это был ясный, хорошо систематизированный и компактный документ. Он должен рассматриваться как совершенно новый устав, хотя он содержал также ряд старых статей. По сравнению со старым порядком он вводил несколько существенных изменений: университеты перестали быть центром учебных округов, продолжительность учебной работы возросла до четырех, а на медицинском факультете до пяти лет, усовершенствовалась структура специальностей (профессур), без отечественного докторского диплома не утверждались профессора, а без магистерской степени – адъюнкты; от кандидатов на преподавательские посты можно было требовать прочтения пробных лекций, заслуженные профессора могли продолжать работу после достижения 25-летнего стажа, с переизбранием через каждые 5 лет, в порядке исключения они могли занимать два преподавательских поста (за 1,5 оклада).

Отметим, что многие из этих статей распространились позднее и на Тартуский университет. Были упразднены некоторые статьи, связанные с поощрением научной работы, так как последняя стала естественным явлением для университетов; на торжественных заседаниях могли выступать не только ректоры, но и другие профессора. Ректоры и деканы избирались на 4 года. В устав 1835 г. были включены также некоторые статьи, которые встречались уже в уставе Тартуского университета 1803 г., касающиеся иностранных преподавателей, классных чинов, освобождения от расквартировки военных. Существенно улучшилось материальное положение университетов, они стали несколько более свободно распоряжаться деньгами. Были урегулированы некоторые вопросы, связанные с приемом и переходом студентов, реорганизована работа учительского института, отменена обязанность учеников поступать на работу только в своем учебном округе, юридически оформлена деятельность медицинских

институтов, созданных в 1819 году, разрешено открывать при университетах аптеки. Устав 1835 г. существенно сократил автономию университета [3, с. 20; 9, с. 45]. Отныне попечитель должен был жить в университетском городе, а не в Петербурге, профессора и некоторые "функционеры" (синдик, студенческие инспекторы) утверждались в должности министром, который при необходимости мог назначать и преподавателей без участия совета. Более строгим стал контроль министерства, снова требовалось предъявление годовых отчетов, "забытых" на время, а также представление в министерство выписок из протоколов. Даже четверть века спустя после опубликования этого устава его все же считали шагом вперед [6, с. 223-224]. Эта точка зрения справедлива прежде всего в плане расширения материальных возможностей университетов. Тартуский университет должен был существовать до 1842 г., т.е. до утверждения новых штатов, в более скромном положении.

В первой половине XIX в. наряду с уставами Министерством народного просвещения было разработано около 1000 постановлений и распоряжений касательно университетов (30% всех материалов, касающихся образования). Они рассылались университетам в рукописном виде, публиковались в журнале Министерства народного просвещения, а более важные в Полном собрании законов и в Своде законов, в Сенатских ведомостях, выходили отдельными публикациями губернских управлений. Наиболее часто используемые юридические документы по инициативе университетов выходили даже самостоятельными изданиями. В 1845 г. в Петербурге был издан Свод постановлений о воспитании детей обоего пола в учебных заведениях Российской империи, где содержались и некоторые юридические документы, касающиеся университетов. Только с 1864 г. большинство юридических актов, относящихся к образованию, стали публиковаться как единое целое. "Сборник постановлений по Министерству народного просвещения" объединял наиболее важные документы, многие из которых были утверждены царем. "Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения" содержал распоряжения министра, изданные по представлениям попечителей учебных округов. Распоряжений было несколько меньше (1469), чем постановлений (1778). Строгой границы между постановлениями и распоряжениями Министерства провести невозможно, так как вследствие характерной для

того времени бессистемности можно обнаружить однородные юридические акты как среди постановлений, так и среди распоряжений. Со временем содержание, тематика, характер выражения, объем и форма выражения статей изменились и уточнились. Среди постановлений и распоряжений можно найти документы, которые прямо не отвечают этим формам: инструкции, объяснения, сообщения, циркуляры, акты, которые подчеркивают или обращают внимание на какую-то более раннюю статью, выступления министров и их предложения, разрешения на покупки. Встречаются документы, касающиеся и очень узких вопросов (редких случаев, отдельных лиц). В некоторых случаях одни и те же постановления повторялись или являлись напоминанием (некоторые сословные вопросы, повышение знания русского языка в Прибалтийских губерниях и в Польше, порядок поднесения царю своих трудов, своевременное представление списков личного состава, доставка трупов для анатомических театров и др.). Отметим, что постановления и распоряжения министерства часто исходили из какого-то конкретного прецедента, представленного министру для решения. В некоторых случаях акт состоял из двух частей — объяснения инцидента и решения министра.

Из 1000 постановлений и распоряжений 560 непосредственно касались и Тартуского университета, 160 — только его. Среди них есть документы не менее важные, чем уставы: инструкции для студентов, а также студенческих инспекторов (1803, 1806, 1815, 1834, 1835, 1836, 1838), воспитанников медицинского института (1838) и практикующих в больницах (1806), порядок приема студентов (1834), присвоения ученых степеней (1810, 1819, 1837, 1838, 1844, 1845), должностей и классов чинов (1807, 1810, 1811, 1812, 1832, 1834, 1846). Большое значение имели также документы, связанные с деятельностью Профессорского института при Тартуском университете (1828, 1833, 1835), уставы Фармацевтического института Тартуского университета (1844, 1847), многие акты, связанные с сословными проблемами.

Классифицируя тематически постановления и распоряжения, можно заметить, что большинство актов относилось к руководству учебным округом, финансированию и материальному положению университета, изменениям в структуре университета. Не были редкими и документы, относящиеся к организации учебной работы, приему студентов, вопро-

сам дисциплины, стипендиям и учебной плате, личному составу, подготовке специалистов и проверке их знаний.

При более близком ознакомлении с постановлениями и распоряжениями можно установить некоторые характерные черты одного или другого университета, круг вопросов, с которыми могли, хотели или надо было обратиться в министерство. Они же дают представление о компетентности и автономии университетского совета. Например, очень редки акты, связанные с общей организацией деятельности Тартуского университета, его финансированием, постройкой зданий. Для Тарту было характерно решать эти вопросы в совете. С другой стороны, имеется ряд актов, которые характерны для Тартуского университета (студенческие правила, вопросы студенческой дисциплины и своеобразных поединков между студентами, улучшение знания русского языка, подготовка священников, запрещение театра, появление учебных планов в "Сборнике распоряжений ..."). Имелись случаи, когда тартуские происшествия, прецеденты или даже юридическая практика становились основой для разработки законов для всех российских университетов (например, дополнительная зарплата - квартирные деньги - были установлены в Тарту в 1805 г., в Харьковском университете на основе информации об этом - в 1806 г., в Казани - в 1810 г. и т.д.). С другой стороны, нередки случаи, когда жизнь Тартуского университета шла совершенно иным путем. Например, в Прибалтийских губерниях научные и культурные общества действовали независимо от университетов, поэтому в сборниках постановлений и распоряжений можно обнаружить множество уставов и финансовых документов этих обществ. Так как Тартуский университет действовал на основе собственных уставов, министерство должно было дублировать для него специально некоторые указания, особенно после утверждения устава 1835 г.

Постановления и распоряжения министерства народного просвещения дают сравнительно хорошее представление о деятельности этого учреждения и о круге вопросов, им решаемых. Исходя из истории университетов, можно обнаружить области жизни, в которые министерство старалось особенно активно вмешиваться (в частности, проблемы политические и сословные, а также связанные с дисциплиной), и, с другой стороны, случаи, когда вмешательства министерства пытались избежать.

Переходя далее к содержательному анализу правовой регуляции деятельности университетов, остановимся на одном из таких актов – уставе Дерптского университета 1803 года (как уже сказано, устав 1820 года от него заметно не отличался).

В задачу данной статьи не входит проведение сравнительно-правового анализа различных уставных документов Дерптского университета. Тем не менее следует обратить внимание на то обстоятельство, что они содержат в себе некоторые нетрадиционные юридические конструкции, проливающие свет на политико-правовой фон высшего образования России XIX века, заключенные в нем политические цели, а также на политико-правовое сознание интеллигенции того времени. Последнее представляет тем более значительный интерес, что область университетского законодательства как относительно “периферийная” с точки зрения сферы непосредственно государственной (“высокой”) политики допускала включение в нее элементов, немислимых в более существенных законодательных актах царской империи и выражающих отдельные юридические чаяния определенной части интеллигенции рассматриваемого периода.

Специфические моменты внутреннего правового режима Дерптского университета проистекают, на наш взгляд, из фундаментального положения, выраженного во “Введении” к упомянутым выше “Правилам”. В нем, в частности, говорится: “Каждый университет может быть рассматриваемым с двух сторон: как *Ученое Заведение* и как *Расправа* подчиненных”. Далее в изложении первого аспекта в “Правилах” дается общая характеристика основных структурных подразделений университета (отделений, т.е. факультетов), вспомогательных учреждений с указанием их самых общих задач. Относительно же аспекта “Расправы” указано, что университет обладает над своими членами определенной юридической властью, осуществляемой посредством своих уполномоченных органов. Ст. 6 “Устава” указывает, что “университет имеет исключительно полную местную расправу, суд и начальство над всеми членами своими, подчиненными и их семействами, при университете пребывающими”. В качестве судебных инстанций выступают ректор, университетский суд и в качестве высшей инстанции – университетский совет. Наряду с ними действует “Академическая цензура” – “судилище разума, так

как три вышесказанные есть судилища благонравия и прав". Отмечается, что осуществление правосудия этими лицами - учеными и преподавателями - представляет собой уже само по себе благо. Законодатель не мог удержаться здесь от весьма неюридического восклицания: "Какая выгода для учащегося быть судимому такими людьми, кои все по собственному опыту основательно знают настоящие его отношения и, следовательно, тем справедливее могут делать свои приговоры!".

Из сказанного, как и из ряда других мест, вытекает, что университет представлялся неким корпоративным объединением двух различных в своих правах сословий - профессуры и студенчества. Свое юридическое выражение это положение нашло в проведении различия между понятиями университета в широком и узком смысле этого слова. I отдел II главы Устава определяет: " 20. Университет, в пространном смысле, состоит из Профессоров ординарных и экстраординарных, из Учителей, чиновников и служителей, также и из учащихся. 21. В ограниченном смысле Университет составляется из всех его ординарных Профессоров, которые образуют верхнюю его инстанцию, называемую собственно Университетским Советом ... ". При этом, однако, особо важно подчеркнуть, что высшая часть университета как корпорации не обладала властью произвола, а могла действовать, в т.ч. и отправлять правосудие, лишь на основе признанных и утвержденных правовых норм. Поясняя понятие "расправы", во введении к "Правилам" указано: "Университет как *Расправа подчиненных* своих предполагает существование предначертанных ему законов". Это означало, что и студенческая "половина" университетского сообщества обладала своими защищенными правами - в первую очередь, быть судимым лишь на основе университетского права (т.е. не на основе простого усмотрения), обжаловать вынесенные решения, требовать надлежащей правовой процедуры ("обрядов делопроизводства") и т.п. (ст. ст. 60 и 61 Устава). Уже сам этот факт говорит о преодолении бесправного и лишь подчиненного положения студенчества в университете.

Сохранение же определенного неравноправия обосновывается в уставных документах специальным образом несколькими декларативными суждениями педагогического характера. Ст. 8 "Правил" говорит: "Главная цель студента состоит в приобретении высших познаний для будущего своего назначения, в

образовании себя в нравственности и знании людей ...". Далее здесь же указывается, что целью университета является воспитание в человеке умения "управления" своей свободой. Именно этим целям и служат многочисленные правила поведения студентов, зафиксированные в этих документах, а также их юридическое подчинение своим наставникам. Вполне уместной представляется в этом смысле ст. 22 "Правил": "Обиды, причиненные Профессору или Учителю, принадлежат к важнейшим преступлениям и, смотря по обстоятельствам, наказываются заключением под стражу и *consilio abeundi*". Следование высшим просветительским целям служит в конечном счете условием пребывания в университете. Ст. 9 "Правил" завершается предостережением: "Тот не должен пользоваться правами студента, кто время пребывания своего в Университете проводит в праздности".

Представляется, что эти общепросветительские идеи нашли свое вполне четкое выражение и в тех положениях уставных документов, которые фиксировали собственно юридическую доктрину правовой жизни университета. Иными словами, нам представляется, что просветительская идеология воплотилась не только в постановке педагогических целей университета, но и в создании в нем своего рода прообраза юридического корпуса, соответствующего ее принципам. Ч. II ст. 8 "Правил" представляет собой некое философско-правовое рассуждение, в котором, в частности, сказано: "Повиновение законам и начальству полагает свободе преграду, уважаемую всеми здравомыслящими людьми ... Иметь добровольное почитание к законам и благонравию есть истинная свобода, прямое управление самим собою". Далее, ст. 45 подчеркивает, что законы, которые требуется соблюдать в Университете, должны быть разумными, служить его высшим целям и требуется "показать студентам, что ни самопроизвольное ниже другие причины побудили к их начертанию". Принцип, согласно которому любой закон должен соблюдаться в силу его действительной разумности, его соответствию целям общества, управляемого этим законом, в полной мере находит свое выражение в ст. 46 "Правил", формулирующей основы проводимой в университете карательной политики. Приведем ее, в силу ее значительности, здесь полностью: "Главная цель всех наказаний состоит в отвращении преступлений, почему и должны оны иметь соразмерную степень строгости, они

должны отвлекать от злоупотребления свободой и самоуправлением, располагая к надлежащему управлению оных: потому то злоупотребление свободой наказуется отнятием оной и законы по большей части осуждают на заключение под стражу. (Это уже явно нефеодалная карательная политика! - Прим. авт.). Но как долговременное заключение было бы противно другой главной цели пребывания в Университете, т.е. приобретению полезных знаний, то в нужных случаях строгость сия никогда не будет такова, чтобы нанести вред здоровью".

Следует подчеркнуть, что отправление правосудия, согласно концепции, заключенной в данном документе, не может служить средством обогащения ни судей, ни общества в целом. "Университет ни в каком случае не будет налагать денежной пени, исключая, за всякий позыв к суду студент обязан платить Педелю 25 копеек; законное и нужное вознаграждение убытков не есть наказание, но только удовлетворение" (ст. 47 "Правил"). Этот принцип представляется чрезвычайно значительным, ибо исключает корыстное привлечение к суду, а следовательно, и злоупотребление судебной властью в целях получения личной выгоды или личного обогащения.

Здесь нет особой необходимости останавливаться подробнее на проблеме университетской автономии. До некоторой степени она уже изучена и не требует в данном случае специального обсуждения. Но при сопоставлении факта правовой автономии университета (разумеется, ограниченной, но, несомненно, все же автономности*) с приведенными выше фактами возникает новая теоретическая проблема: проблема оценки университетского статуса в общем процессе социально-политического развития России и Прибалтики в первой половине XIX века. Наряду с признанием университета в качестве автономной, относительно замкнутой единицы, речь идет о некой самоуправляемой профессиональной корпорации, которая может быть признана рудиментом

* Автономность университета, заключающаяся в определенной независимости от власти "вовне" превращается в своего рода суверенитет "внутри" него - ст. 17 "Правил" специально запрещает формирование неких возможных параллельных структур власти - "орденских обществ", "братств" и проч.

классического средневекового явления в Европе — цеха. Если это на самом деле так, то уставные документы Дерптского университета, выражающие его автономию, включали в себя архаичный правовой элемент, объективно тормозящий развитие свободных, несловных, т.е. буржуазных отношений в области науки и высшего образования. Такой вывод, хотя на первый взгляд и вполне самоочевидный, наталкивается на некоторые препятствия. Укажем на четыре основных момента.

Во-первых. Консервативная “цеховая идеология” находится в явном противоречии с просветительскими идеями, открыто и явно выраженными в статьях о целях университета, о гражданском долге, о добродетелях человека, о пользе просвещения и т.д.

Во-вторых. “Правила” и “Устав” вполне однозначно определяют свое резко отрицательное отношение к явлениям, входящим в норму феодального образа жизни. Так, например, ст. 20 “Правил”, конкретизируя Манифест 1787 года, запрещающий поединки, содержит целый ряд уточнений и конкретных предписаний, как уклоняться от дуэлей, если существует опасность их возникновения; вводит дополнительные наказания за несообщение о них, подготовке к ним и т.д. В ст. 13 “Правил” подтверждается полный запрет всех азартных игр. Согласно ст. 38 признаются нецелесообразными ранние браки, а полный текст ст. 39 гласит: “Если кто из учащихся обличен будет в обольщении невинности, то в наказание исключается из списка студентов: ибо таковой развратитель делается недостойным быть в кругу благонравных юношей. А сверх того необузданные страсти сего рода препятствуют прилежанию в науках и, следовательно, главнейшей цели пребывания в Университете”.

“Правила” провозглашают высшими нравственными ценностями нечто противоположное феодальному образу мышления: “благоразумную бережливость и любовь к порядку” (ст. 10), что явно является ценностями буржуазными.

В-третьих. “Устав” Университета содержит ряд норм, ограничивающих возможность имперского провозглашения и вторжения в область прав университетского содружества. Особо рельефно это выражается в системе так называемой духовной самозащиты университета. Согласно ст. 216 “Устава” университет имел “свою Цензуру для всех издаваемых оным и членами его сочинений, так же и для книг, выпи-

сываемых им из чужих земель". Несмотря на некоторые вполне понятные оговорки*, университет был, по существу, юридически свободен в вопросах, касающихся содержания и публикации научных исследований, что на практике означало ослабление оказываемого на него правительственного давления. Этому служило и правило, запрещавшее таможенным властям вскрывать посылки, направляемые в адрес университета (ст. 8 "Устава")**. Вскрытию вне университета не подлежали и "кипы книг" (ст. 224 "Устава"), присылаемые в университет.

"Устав" предусматривал также меры, обеспечивающие профессорам материальную независимость от местных феодалов и изменчивой имперской политики. Была введена четкая система окладов и социального страхования. Например, согласно ст. 136 "Устава" предусматривалось, что "каждому Профессору, отправляющему свою должность ревностно и прилежно в течении двадцати пяти лет, если он не пожелает остаться долее при Университете, обращается полное его жалованье в пожизненный пенсион". Все эти, а также другие нормы (например, формирующие собственные полицейские власти университета, управление финансами и т.д.) со всей очевидностью направлены на то, чтобы обеспечить независимость университета при осуществлении всей его уставной деятельности на началах, явно не являющихся феодальными, что и составляет четвертое возражение.

Структура университета, ее формирование, заполнение вакантных должностей, юрисдикция строились, как это следует из уставных документов, на принципах академического равенства. Ст. 49 "Правил" зафиксировала этот принцип в явной форме: "При отпращивании должностей своих Университетское

* Ст. 225 "Устава": "К сочинениям, кои преимущественно препоручаются вниманию Цензуры, особенно принадлежат касающиеся вообще или частично до Российского Государства".

** Здесь есть оговорка: "Впрочем, Университет имеет наистрожайше наблюдать, чтобы на имя его не были привозимы какие-либо другие вещи, кроме действительно им выписанных для употребления по учебным и художественным предметам".

начальство не будет взирать на состояние, имя или другие отношения”^{*}.

Все сказанное, принимая во внимание сделанное выше замечание о гарантированности основных прав студентов, ведет нас к логическому заключению, что университетская автономия не представляла собой отголоска феодального прошлого, а в данном конкретном случае олицетворяла определенные прогрессивные буржуазные принципы. Нетрудно увидеть, что уставные документы Дерптского университета декларировали (упомянутые ст. ст. 8, 45, 46 “Правил”) в нормативной форме политико-юридическую идею, известную ныне как концепция “правового государства”, свойственную либерализму. Даже более, в этих документах данная идея была доведена до практических нормативных положений, явившихся ее развитием и воплощением. Этот вывод становится тем более убедительным, что первый в XIX в. ректор Тартуского университета Паррот, а также приглашенные им западно-европейские ученые, несомненно, стояли на более прогрессивных, чем принятые в Российской империи позициях. К тому же восстановление университета совпало по времени с “либеральным” периодом царствования Александра I.

И в указанном смысле Дерптский университет представлял собой достаточно обширный и сильный “республиканский остров будущего” в безбрежном океане российского самодержавия XIX века.

^{*} Ст. 15 “Правил” устанавливает, в частности: “Под опасением строжайшего выговора от Ректора, публично прошения о прощении и даже заключения под стражу, запрещается насмеяться над другими ...”

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

1. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Ф. 402, оп, 12, д. 7, л. 73, 78, 84, 88, 89.

Литература

2. Бороздин И.Н. Университеты в России в первой половине XIX века // История России с XIX века. - Т. 2. - Б.м., б.г., с. 349-379.
3. Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. - М., 1957.
4. Воробьев В.А. К истории университетских уставов // Русская мысль. - 1905. - Дек., отд. 2. - С. 1-10.
5. Глинский Б.Б. Университетские уставы // Исторический вестник. - 1900. - Янв. - С. 324-351; Февр. - 718-742.
6. Игнатович В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни // Журнал Министерства народного просвещения. - 1862. - Ч. 115, отд. 1. - С. 222-253.
7. История Тартуского университета: 1632-1982 / Под. ред. К. Сийливаска. - Таллин, 1982.
8. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802-1902): Т. 1: Первый и второй период (1802-1865). - Юрьев, 1902.
9. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802-1902. - Спб., 1902.
10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - Т. 1-2. - Спб. 1864, 1876.
11. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. - Т. 1-3. - Спб., 1866-1867.
12. Сухомлинов М. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. - 1865. - Ч. 128 - С. 9-172.

13. Шевырев С. История императорского Московского университета ... М., 1855.
14. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. - М., 1976.
15. Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. - 1961. - Т. 70. - С. 163-196.

К ВОПРОСУ О "ЮРИДИЧЕСКОМ ИСТОРИЗМЕ" В РУССКОЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

И. А. Емельянова

В дореволюционной историографии высказано мнение о том, что история русского права зарождалась в лоне исторической науки, что начало ей было положено историками, в частности, Г. Эверсом [1, с. 15], что в I-ой пол. XIX в. разработка истории права либо непосредственно соединялась с русской историей и даже с этнографией, либо обособлялась, превращаясь в формальную внешнюю историю законодательства [2, с. 363]. Иначе высказываются по этому поводу советские правоведы. Так, В.В. Виленский считает, что, пока история права не стала самостоятельной отраслью знания, русская историческая наука включала в себя в качестве компонента историю государства и права; однако, по его мнению, уже I-я пол. XIX в. стала качественно новым периодом в становлении научной истории русского права, а во 2-ой половине столетия она "превратилась едва ли не в центральную часть гражданской истории" [3, с. 216; 4, с. 14-15; 5, с. 60; 6, с. 13]. В настоящее время в советской историографии утвердилось мнение о том, что история права как наука получает самостоятельное значение уже во 2-й четверти XIX столетия [7, с. 109].

Эти положения нуждаются в уточнении и дополнении. Прежде всего следует сказать, что ученый Дерптского университета Г. Эверс, от которого не только дореволюционные, но и советские историографы ведут отсчет научной истории русского права, был не гражданским историком, а историком права и государства, занимаясь исследованиями истории права и государства не попутно, а специально. *

Во-вторых, нуждается в уточнении тот период, который в литературе известен как "первая

* Качалов Н.В. без всяких оговорок считал его первым правоведом, обратившимся к научной истории русского права; М.В. Нечкина характеризует Г. Эверса как ученого широкого профиля, получившего первоначально богословское образование, но очень скоро обратившегося к государственным наукам [8, с. 23, 29].

половина XIX в."; для правоведения вообще и его историко-правовой части это имеет принципиальное значение. В этом смысле мы прежде всего не можем согласиться с периодизацией историко-правовой науки, предложенной П.Г. Галанзой и В.Е. Чиркиным (применительно к истории юридического факультета Московского университета); для досоветского времени они называют следующие периоды: 1) с 1755 г. до 1812 г.; 2) 1812 г. - 1861 г.; 3) 1861 г. - конец XIX в.; 4) эпоха империализма. Как считают сами авторы, эта периодизация отражает "развитие взглядов представителей различных классов и социальных групп, а также ... узловые пункты в развитии самой науки" [9, с. 203, 208]. Первая часть этого утверждения действительности соответствует, вторая - нет, ибо "узловые пункты" в развитии историко-правовой науки, по нашему мнению, лежат совсем в иной периодизации, более правильно отражающей конкретные эпохи внутри самого XIX в., а именно: 1) Два первых десятилетия XIX в., когда правоведение, входя в круг наук нравственно-политических и занимая примерно 1/3 часть их объема, не имело еще ни учебного предмета, ни науки истории русского права; что касается всеобщей истории права, то она была представлена предметом "Права знатнейших древних и нынешних народов".

Тем не менее вопросы истории русского права, а точнее - законодательства, приобрели злободневный интерес уже тогда, и связано это было с первым этапом кодификационной деятельности М.М. Сперанского. Политически заостренным стал вопрос о том, каким путем направить эту деятельность - кодификационным или инкорпорационным. Второй из этих путей, по мнению А.И. Тургенева, образованнейшего правоведа и ближайшего сотрудника М.М. Сперанского, хотя и "успокаивает совесть трудностью совершенного подвига", но "отдаляет нас от цели, т.е. от улучшений, и сближает со старым, заставляет любить старое, - не одно хорошее, но и несовершенное, но и пагубное..." Кодификация же, по его мнению, в отличие от инкорпорации, "возрождает вопрос о главных началах законодательства" [10, с. 296]. Александр I, убоявшись именно этого преобразующего начала, заложенного в самой идее кодификации, прекратил деятельность М.М. Сперанского в самом ее начале.

2) 20-е - нач. 30-х гг. - время, связанное с распространением основных идей "теории официальной народности", с перестройкой нравственно-политического образования в собственно правоведческое, юридическое, с изгнанием из учебных планов

формирующихся юридических факультетов "нерусских" предметов: естественного права, прав знатнейших народов, статистики европейских государств, даже римского права. . . Это десятилетие характеризуется как время разгула во всем мире феодальной реакции, с одной стороны, и не утихающих революционных движений - с другой, что и способствовало формированию реакционных политико-правовых взглядов и теорий, направленных против "всей безбожной идеологии XVIII в." [11, с. 197-198]. В России эта политика отозвалась, прежде всего, на научном правоведении и вылилась в преимущественный интерес к отечественной истории, русским законам, привела к началу разработки их истории, начатой правоведами-отраслевиками, подготовку которых правительство возложило на Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, осуществлявшее кодификацию (инкорпорацию) русского законодательства [3, с. 216]. Активные розыски текстов законодательных актов привели к обнаружению 53 239 актов.* Это была гигантская работа, создавшая необходимую источниковую базу для научной истории русского права. Формирование научных кадров осуществлялось через Дерптский и Берлинский университеты, куда направлялись для завершения подготовки к профессорскому званию лица, успешно закончившие курс обучения в русских университетах. В Берлине они занимались под руководством Савиньи, одного из основных представителей немецкой исторической школы права, что способствовало привитию будущим русским правоведам историко-правовых взглядов; в Дерптском университете проводниками их были Эверс, Рейц и другие историки русского права.

Третий период, начавшийся принятием нового, Общего устава Российских университетов 1835 г. (введение его затянулось на несколько лет), завершил собою первую половину XIX в. применительно к развитию историко-правовой науки. Это время вызвало к жизни и науку, и учебный предмет "История русского права", хотя официально они были закреплены лишь в следующем уставе 1863 г. Лишив научное правоведение его прежнего нравственно-политического характера и придав ему спе-

* Свой вклад в это огромное дело внесла и "Археологическая экспедиция", из собрания которой не менее 3000 актов имели историко-правовое значение [12, с. 29].

циальное, сугубо прикладное направление, Устав 1835 г. хотя и не ввел специальной историко-правовой кафедры, но рекомендовал преподавать отрасли отечественного законодательства вместе с их историей; о том же говорили последующие указания министра народного просвещения С.С. Уварова, даваемые в духе "официальной народности". Тем не менее это была реальная возможность разорвать пути правовой догматики, в которую пытались заковать научное правоведение реакционеры от науки.

Первое официальное поручение - разработать и прочесть курс истории русского законодательства в 1834/35 ак. году - было дано профессору Московского университета Ф.Л. Морошкину. Это было нелегким делом, ибо, по признанию ученого, "из господствующих доселе учений об образовании Российского государства никакой истории законодательства вывести нельзя" [13, с. 33]; русская историко-юридическая литература давала для этого не более средств, поскольку, по оценке Морошкина, содержала эту историю "во множестве, в частях, в разбросанных отрывках, словом - в возможности" [14, с. 151]. Помимо разработанной к этому времени источниковой базы (15 томов Собрания Законов Российской империи, начиная с Соборного уложения 1649 г.) и более ранних законодательных памятников, уже находящихся в научном обороте, Ф.И. Морошкину помогли труды по истории русского права ученых Дерптского университета - И. Неймана, Г. Эверса, Н. Рейца... Он признавал их приоритет в том, что они "всех более уяснили и выполнили историческую методу преподавания Российского законодательства"*.

Ф.Л. Морошкин в период 30-40-х гг. XIX в. стал одним из первых проводников методологии рождающегося буржуазного историзма в отечественном правоведении, перейдя от истории законодательств-

* Заслуга Г. Эверса в научной пропаганде новых и прогрессивных для того времени, "органических" взглядов на русскую историю вообще, историю права и государства в частности, признается и советской наукой, чем опровергается мнение буржуазных ученых XIX в., признававших приоритет в этом за С.М. Соловьевым (К.Д. Кавелин, Ф. Леонтович и др.). К тому же между Г. Эверсом и С.М. Соловьевым стоит еще Н.А. Полевой с его "органическим" пониманием истории народа, общества, государства [15].

ва к истории права [9, с. 204]. Завершив в середине 30-х гг. две больших работы - лекционный курс по истории русского законодательства и перевод книги А. Рейда, Ф. Л. Морошкин углубился в древнюю русскую историю с целью отыскать истоки русского права.

Вхождение его в эту проблематику отвечало уровню и задачам русской историографии 30-40-х гг., в которой шла борьба 2-х школ: "Норманской" и "Славянской"; первая отстаивала определяющую роль варягов в происхождении не только русского государства права, но и русского народа. Ф. Л. Морошкин решительно встал под знамена второй - "Славянской" школы и обратился к древнему догосударственному периоду славяно-русской истории, чтобы найти в ней внутренние естественно-исторические истоки русского права и государственности.

Таковыми видятся нам: а) отдельные этапы I-й пол. XIX в. применительно к развитию историко-правовой науки; б) состояние ее в описываемый период и вклад в ее развитие историков права Дерптского университета; в) роль Ф. Л. Морошкина как одного из первых русских историков отечественного права. Однако это было только началом научной истории русского права, и даже в 40-х гг. нарекания самих правоведов на отсутствие этой истории как науки были постоянными.

Активизация историко-правовых исследований в 40-50-х гг. XIX в. стала возможной благодаря методологии буржуазного историзма, начавшей проникать в русские науки уже в 30-х гг. *

Советскими учеными буржуазный позитивистский историзм рассматривается как метод и методология, включающие в себя не только само значение, но и его логику [19, с. 3, 51]; теорию предмета и

* Термин "историзм" был впервые употреблен в науке только в 1879 г., а наиболее широкое его применение относится к XX в. Однако как научное явление историзм намного старше: каждая философская школа выступала со своим пониманием историзма [16, с. 69]. "Историзм начинается, - указывает Г. П. Макогоненко, - с преодоления (в той или иной степени) метафизического подхода к истории" [17, с. 6]. Историзм как качественно новый принцип исторического мышления стал определяющим уже в творчестве Н. М. Карамзина, преломившись в его "Истории государства Российского" [18, с. 158-159]

теорию его познания [20, с. 34]. И хотя в области философии истории у буржуазного позитивизма не было принципиальной новизны марксизма, ибо он сложился на прежней идеалистической основе [19, с. 3, 5] в странах, еще не переживших буржуазных революций, это научное течение могло оказаться довольно острым оружием в борьбе против открыто мракобеснической идеологии [21, с. 27].

Так произошло в России, где буржуазный историзм уже во 2-й четверти XIX в. помог принципу "народности истории" вычленился из реакционной уваровско-погодинской "теории" и обрести в трудах либеральных, а тем более прогрессивных писателей и ученых качество гносеологического принципа, способствовавшего всплеску исторической и историко-правовой наук в середине XIX в. На основной вопрос отечественной истории, вставший после восстания декабристов: "что же такое русский народ, Россия, Русское государство?" [22, с. 93], — ответы формулировались преимущественно в трех направлениях: 1) о месте народных масс в истории России, 2) о крепостном состоянии крестьянства, 3) об отношении к народу [23, с. 11]. Историки права, благодаря своему видению истории, подходили к их освещению через историю права и отдельных отраслей законодательства, историю государственности и общественности. Явления и процессы раннесредневековой русской истории они интерпретировали в юридических категориях и понятиях, в широкой гамме правовых отношений (частно-правовых, земельных, семейных), в правовых и политических институтах и учреждениях.

"Юридический историзм" не просто наложился на буржуазный историзм, а имел относительно самостоятельное происхождение, содержание, значение. В его формировании немалую роль сыграли философия права Гегеля и Германская историческая школа права, а также зарождающееся юридическое мировоззрение русской буржуазии периода восхождения общества к капитализму. В сочетании с такой формой общественного сознания, как политико-правовая идеология, "юридический историзм" приобрел на некоторое время (40-60-е годы) значение историко-правовой методологии.

Д. П. Луковская отмечает, что буржуазное юридическое мировоззрение с его сквозной идеей о примате права в жизни общества — "почти забытое в нашей литературе понятие" [24, с. 131]. Но не так было в России середины XIX в., в условиях все более явного кризиса феодально-крепостнической системы. Идеи права и законности, должност-

вующие определять поведение не только человека как члена общества, но и самого правительства, идеи свободной общественной самостоятельности становились центральными в общественном сознании эпохи. Однако в условиях николаевского режима эти правовые идеи, буржуазные по своей сущности, находили свое внешнее выражение путем обращения к далекому прошлому страны, ко временам общинного строя и "народоправства". Этот интерес, имеющий не только научное, но и общественно-политическое значение, удовлетворялся в значительной степени историко-правовыми сочинениями, исследованиями историков русского права "общественного" направления. (Мы считаем, что в середине XIX в., помимо "государственного" направления и параллельно с ним, формировалось направление "общественное (общинное)", и только в своей совокупности они составили русскую историко-юридическую школу).

Юридическое мировоззрение буржуазии как форма общественного сознания периода зарождения буржуазного строя при неразвитости права и правопорядка подробно изучено классиками марксизма-ленинизма и советскими правоведами [5]. Его классической формой стал юридический позитивизм, который в условиях русской науки начал складываться не ранее 60-х гг. Представляется, что "юридический" историзм 40-50-х гг. был первой по времени и специфической для России формой буржуазного юридического мышления, что можно объяснить ее сложной социально-экономической структурой с преобладанием феодального уклада, длительно сохраняющимися политическими пережитками, присутствии феодализму, отсутствием боевого "третьего сословия", в силу чего выразителями идей и настроений нарождающегося буржуазного общества становились представители либеральных дворянских кругов, что, естественно, снижало уровень этих идей и настроений, "утяжеляло" их определенными пережитками прежних форм общественного сознания.

"Юридический историзм" в русском правоведении имел и глубокие национальные корни. Уже в русском просветительстве конца XVIII - нач. XIX в. с его проблемами общественной ("общезительной") природы человека, отношением его к окружающему миру, исторического пути и места русского народа в истории человечества сформировалось убеждение в том, что "общественная сторона природы человека отражается в юридической сфере" [26, с. 25, 91]. Сама "общезительность" представляла собой широкое понятие, включающее в себя не только общественную природу человека, но и человечес-

кую природу общества [27, с. 23]. Зарождение в XVIII в. отечественного правоведения в трудах С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, их подход к изучению права стали предвестником возникновения историко-правовой науки [12, с. 28]. Именно эти правоведы выступили с критикой антиисторизма, ратовали за исторический подход к изучению права. С 30-х гг. XIX в. проблема социальности и социальной обусловленности человека становится злободневной [9, с. 204]; историко-правовая наука, аналитическое мышление юристов давали наибольшие возможности для ее раскрытия.

Основной философский постулат того времени, заключающийся в признании того, что жизнь человечества выражается в отдельных государственных и народных формах, которые отражают мировые законы истории человечества [28, с. 185], интерпретировался в историко-правовом плане следующим образом: государство - внешняя форма исторического бытия народа, право - выражение его "духа". Внедрение гегелевских взглядов способствовало тому, что "философия права даже приняла на себя функцию социальной, политической философии в целом" [29, с. 162]. В сочетании с буржуазным историзмом XIX в. это усиливало роль, значение, положение историко-правовой мысли и науки в отечественной историографии.

Происхождение русского "юридического историзма" как специфического подхода к изучению отечественной истории связано с попыткой историков-правоведов по-новому разрешить основную проблему исторической науки того времени - когда и как возникло Русское государство. Это был вопрос первостепенной важности, и для подавляющего большинства историков самое существенное значение русской истории связывалось с происхождением государства [30, с. 649]. К тому же, по словам С.М. Соловьева, вопрос этот казался чрезвычайно запутанным непрерывными враждами наших князей, их спорами за великокняжеский престол, ошибочно объясняемых внутривидовыми отношениями и личными качествами князей Рюриковичей. Необходимость пересмотра этой исторической версии, в совокупности с вышеназванными основаниями, также повлияла на возникновение "юридического историзма". Тем не менее следует согласиться с тем, что: а) принцип историзма в буржуазном правоведении понимается неоднозначно (мы рассматриваем его как основу "юридического историзма"); б) он никогда не был однородным течением в буржуазном правоведении; в) не существует общей для всех представителей

историзма законченной правовой доктрины [31, с. 11]. Вообще для буржуазного юридического мировоззрения характерно несовпадение взглядов по узловым вопросам о роли права, о личности и государстве, о понимании права и т. д. [32, с. 112].

Еще одну причину становления и расцвета русского "юридического историзма" мы видим в том, что русское историческое правоведение оказалось вне влияния римского права и его истории. Хотя предмет этот был вновь восстановлен в учебных планах университетов Уставом 1835 г. и классическое юридическое образование не мыслилось без него до Великой Октябрьской революции (впоследствии римское частное право заняло свое устойчивое место в учебных планах и советских университетов), но по целому ряду причин предмет этот в условиях России не имел того значения, каким он обладал в странах континентальной Европы, в частности, в германских университетах. "В Германии, — писал один из русских правоведов в сер. XIX в., — еще в недавнее время считалось святотатственным делом заикнуться с недоброй стороны о римском праве" [33]. Обширная кодификация германского права второй пол. XIX в. имела одним из своих источников римское частное право.

В условиях николаевской России таким преобладающим влиянием стали пользоваться источники отечественного права, в которых без труда угадывалась история страны. И если для студентов-юристов немецких университетов "первою задачею... сделалось по возможности короче познакомиться с Сервием Туллим и Двенадцатью таблицами," а) "мерю" юридического образования было знание римского права [34, с. 10], то для русского студента такое преобладающее значение получило русское право с его многовековой историей. К тому же оно не было партикулярным, подобно собственно германскому праву. Это также способствовало расцвету "юридического историзма".

Однако из среды прогрессивно мыслящих людей уже тогда раздавались и отрезвляющие голоса, вносящие критическую струю в это увлечение "юридическим историзмом". Первое слово в этом принадлежит соратнику А.И. Герцена Н.П. Огареву. Говоря как революционный демократ не об общественных преобразованиях ближайшего будущего, а об общественном перевороте, он считал, что в новых условиях "формальный закон" придется отбросить, как отвечающий только правительственным интересам, и ввести в законодательство иные основания, исходящие из народной жизни.

"Формальные" же законы, даже собранные в свод, не могут служить надежной сенью для народа [35, с. 355].

Даже такой умеренный в своих политических симпатиях правовед, как А.И. Тургенев, считал, что "теперешний Свод не может и не должен быть основанием будущего законодательства, но только частью материалов оно, в кои должна войти иная жизнь, по иным формам" [10, с. 294-295]. Тем не менее активные разыскания историков-правоведов горячо приветствовали ученые последующих поколений. Так, М.М. Ковалевский видел в их трудах по истории русского права "исполнение долга не только по отношению к русской, но и к западноевропейской исторической науке", поскольку ее выводы, считал он, не могут быть полными без "ознакомления с процессом общественного развития донныя весьма мало известного ей Востока Европы" [36, с. 3].

Влияние историко-правовой мысли и науки, "юридического историзма" на современников, благодаря их не только специальному, но и философскому, политическому, историческому аспектам, было преобладающим в 40-60-х гг., определяло содержание и направление многих исторических сочинений. По свидетельству историка позднейшего времени, "господство в исторической науке юридических представлений сделало... то, что история превращалась в право с прибавлением биографий, а сама история клином вошла в юриспруденцию" [37, с. 134]. Такое положение порождало у студенческой молодежи твердое убеждение в том, что история права есть самая важная часть истории, что смена институтов и понятий в праве вполне выражает собою все историческое движение [38, с. 27]. Да и среди самих правоведов господствующим было мнение о том, что "вся мировая история, в сущности, сводится к истории права" [39, с. 75-76, 112].

Такое положение требовало более четкого размежевания наук, и в 1856 г. историк русского права М.М. Михайлов выступил с большим методологическим сочинением о связях истории законодательства с историей "вообще". Видя в истории законодательства объяснение его исторического развития, по необходимости соединенное с объяснением развития самого государства, коль скоро оно выражается через законодательство, историк констатирует и разъясняет сходство и неразрывность обеих наук; общая история, по его мнению, - наука политическая, объясняющая "происхождение" и развитие жизни данного государства [40, с. 130].

Исходя из близости наук, ученый ставит перед общей историей ряд "юридических условий", выполнение которых обеспечит ей, по его мнению, наибольшую историческую достоверность. Много позднее установилось мнение о том, что история русского права, не имея собственного предмета, "изучает государство и право в их историческом развитии" [41, с. 1].

Свой корректив в размежевание наук о праве и законодательстве внесла и зарождающаяся буржуазная социология, видевшая в "полной теории законодательства" всю систему общественных вопросов, тогда как за "теорией права" признавался "более тесный объем" [42, с. 8, 61].

Так или иначе, но история народа, общества, государства просматривалась тогда только через историю законодательства (исключение составляет "История русского народа" Н. А. Полевого, не вполне удавшаяся и не завершенная. И только С. М. Соловьев становится зачинателем собственно русской истории).

Следует остановиться и на содержании истории законодательства, поскольку и по этому вопросу мнения оказались различными. Так, в связи с инкорпорацией отечественных законов у некоторых правоведов сложилось убеждение в том, что история законодательства должна заниматься изучением только тех правовых актов, которые, начиная с Соборного уложения 1649 г., вошли в Полное Собрание Законов Российской империи; изучение же более древних правовых памятников — дело не юристов, а историков, поскольку эти акты "нимало не входят в состав настоящего законодательства" [43, с. 111].

Однако восторжествовало мнение той части правоведов, которые считали, что именно древние юридические акты составляют тот материал, из которого должно быть "возведено полное здание нашего отечественного Законоведения" /14, с. 14-15/. Эта группа историков права принадлежала преимущественно к упоминавшемуся выше "общественному" направлению русской историко-юридической школы.

У современников и последующих поколений новое направление отечественной историографии, сочетающее в себе общий и "юридический историзм", полу-

чало различные наименования: "Прагматическое"^{*} (Устрялль, Надеждин), "Натуралистическое" (Самарин), "Практическое" (Белинский) "Новая историческая школа" (Чернышевский); "эмпирическое" и "реалистическое" ... Однако за счет преобладания в нем историков права, "государственников" К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, и переходом на их основные позиции историка С.М. Соловьева оно постепенно стало приобретать новые названия, "Историко-юридическое" (Пыпин), "Школа родового быта" (Корсаков), "Юридическое" (Милюков). Со временем преобладающим стал термин "Государственная школа", перешедший и в советскую историографию.^{**} В наши дни вновь зазвучало название "Историко-юридическая школа" (Н.Я. Куприц), к которому присоединяемся и мы, но с необходимыми пояснениями и дополнениями, высказанными выше.

При этом следует иметь в виду, что разные группы историков права по-разному преломляли принцип "народности" истории в своем сознании и творчестве. К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и историк С.М. Соловьев исходную среду русской государственности, ее "первичную ячейку" видели в родовом быту, утверждая, в частности, что отношения князей Рюриковичей в период раздробленности страны

* Понимание "прагматизма" в XIX в. не было однозначным: одно из них заключалось в перенесении центра тяжести в исторических исследованиях на реальные события и человеческие поступки, которые надлежало освещать вместе с причинами, их вызвавшими /44, с. 934-935/.

** В уяснении смысла и содержания этих понятий, их трансформации нам представляется ошибочным мнение П.Н. Галанзы и В.Е. Чиркина о том, что "историко-юридическая школа В.И. Сергеевича (вторая пол. XIX в.) была преемницей "Школы Кавелина". У К.Д. Кавелина не было отдельной школы; вместе с С.М. Соловьевым и Б.Н. Чичериным он считается основателем "Государственной школы", к взглядам которой впоследствии присоединился и В.И. Сергеевич; при этом следует иметь в виду и то, что сам К.Д. Кавелин был лишен того "государственного фанатизма" (А.П. Шапов), какой был характерен для Б.Н. Чичерина, и фактически занял промежуточное место между "государственным" и "общественным" направлением историко-юридической школы.

были не политическими, а родовыми, регулируемые нормами не публичного, а частного права. Вторая часть историков права — И.Д. Беляев, В.Н. Лешков и др. — принцип “народности” русской истории преломляли через народ, его древнюю общинную организацию, в которой они видели исходную точку русской истории; движущей ее силой они считали народ (однако до момента образования Московского государства). * Названное деление историков права наложилось на более раннее размежевание представителей творческой русской интеллигенции на “западников” (сторонники “родовой теории”) и “славянофилов” (сторонники “общинной теории”), которые, в свою очередь, продолжили основные линии “норманской” и “славянской” школ прешедствующего времени. Хотя ни в дореволюционной, ни в советской историографии второе из названных научных направлений (славянофильское в своей основе), которое мы определяем как “общинное”, “общественное”, не называется и не исследуется, мы считаем, что понятие “историко-юридическая школа” XIX в. должно включать в свое содержание оба направления. Они имели — каждое — своих сторонников и продолжателей не только из числа правоведов, но и из числа историков.

Взяв из буржуазного историзма как положительные его черты (понимание истории человеческого общества как развития, определяемого конкретными факторами, условиями, причинами), так и отрицательные, “Юридический историзм” выработал и некоторые специфические свои черты, и все это причудливо переплелось в его методологии, выявляясь в своеобразном толковании принципа “народности” истории, в эволюционистском понимании самой истории права, в методе сравнительно-исторического правоведения, в создании формально-юридического метода (метода “юридических конструкций”).

Появление и развитие “Юридического историзма” вошло в сер. XIX столетия в сложный процесс выработки и распространения в русской науке позитивистской философии. Как говорят исследователи этого процесса, уже с 30-40-х гг.

* Подтверждение нашей точки зрения о том, что различие воззрений “западников” и “славянофилов” связано с различным толкованием ими принципа “народности истории”, мы нашли только в одном труде Сумцова Н.Ф. [45, с. 14].

доктрины контовского позитивизма прививались к русской духовной почве, становясь атрибутом мышления целого круга буржуазных ученых-правоведов, историков, публицистов [21, с. 101, 366]. Университетская профессура, преподавательские круги других высших учебных заведений, журналистская среда, за немногими исключениями, становились своеобразным генератором позитивистских идей, выразителями нового прогрессивного общественного сознания [21, с. 48]. Правоведы с их методологией "юридического историзма" занимали в этом движении не последнее место. При этом недопустимо сводить историзм в методологии буржуазного правоведения только к историзму немецкой исторической школы права, ибо он выступает как более широкое теоретико-методологическое направление, притивостоящее (в явно выраженной форме или имплицитно) различным метафизическим концепциям естественного права" [31, с. 7].

Завершая общий обзор русского "юридического историзма" сер. XIX в. как методологии и как формы общественного сознания, следует отметить его относительную специфику. Прежде всего, мы видим ее в следующем: классической формой юридического мировоззрения буржуазии считается юридический позитивизм; однако в русских условиях он начал формироваться не ранее 60-х гг.; ранней же формой этого мировоззрения стал "юридический историзм" середины века. При этом его относительная специфика ни в коей мере не отрицала воздействия на него философии права Гегеля и германской исторической школы права. В стране следили за развитием западной философии с чрезвычайным вниманием, — отмечает Э.П. Каменский, — и те воздействия Запада, которые соответствовали внутренним потребностям русской философии, придавали этой эволюции дополнительные импульсы и углубленность; при этом действовала закономерность деформации исходного теоретического учения под воздействием конкретных исторических условий при миграции философского учения из одного национального региона в другой [26, с. 4-5, 17]. Аналогичные процессы переживала и историко-правовая мысль, но признаки этой "деформации" были здесь более явственными.

Так, известно, что Шеллинг и Гегель, Савиньи и Пухта, эти "именитые предки" русского "юридического историзма", в своем научном творчестве выразили усталость европейского, прежде всего германского общества от событий Великой Французской буржуазной революции, сожаление об утраченной системе феодальных ценностей, глубокое разочаро-

вание в переменах послереволюционной эпохи [46, с. 39]. Русский историзм сформировался в иных исторических условиях: победа русского оружия над наполеоновскими полчищами подняла на невиданную высоту самознание общества, чаяния лучшего будущего.

Литература

1. Загоскин Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. - Казань 1899. - Т. 1.
2. Рубинштейн Н. Русская историография. - М., 1941.
3. Пионтковский А. Из истории правовых идей 40-х гг. прошлого столетия // Учен. труды / ВИЮН. - М., 1947. - Т. 10.
4. Платонов Ив. Предисловие к соч. Г. Эверса "Древнейшее русское право с его исторической стороны". - Спб., 1835.
5. Пятковский А.П. Князь Владимир Федорович Одоевский и Д.В. Веневитинов. - Спб., 1901.
6. Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. - Саратов, 1986. Ч. 1.
7. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1971.
8. Русская историческая литература в классовом освещении / Под ред. М.Н. Покровского. - М., 1927.
9. Галанза П.Н., Чиркин В.Е. Наука истории государства и права на юридическом факультете Московского университета // Уч. зап. МГУ. - 1956. - Вып. 180, кн. 8.
10. Архив братьев Тургеневых. - Петроград, 1921. - Т. 1: 1814-1833.
11. Валк С.Н. "Русская Правда" в изданиях и изучениях 20-40 гг. XIX в. // Археологический ежегодник за 1959 г. - М., 1960.
12. Виленский Б.В. Из истории историко-правовой науки в России // Актуальные проблемы истории государства и права. - М., 1976.

13. Морощкин Ф.Л. О значении Русов и Славян. Оттиск. - Б.м., б.г.
14. Морощкин Ф.Л. Введение к переводу соч. А. Рейца "Опыты истории Российских государственных и гражданских законов". - М., 1836.
15. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. - М.;. 1981.
16. Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX вв. - Л., 1979.
17. Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII - начало XIX в. - Л.: Наука, 1981.
18. Лузянин В.П. Проблема историзма в творчестве Карамзина - автора "Истории государства Российского" // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII - начало XIX в. - Л.: Наука, 1981.
19. Подкорытов Г.И. Историзм как метод научного познания. - М., 1967.
20. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лазарев В.В. Теоретические проблемы исследования государства и права. - Казань, 1975.
21. Шкуринов П.С. Позитивизм в России. - М., 1980.
22. Берелевич Ф.И. Проблема народа и П.Я. Чаадаев // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России // Науч. труды Тюменского гос. ун-та. - 1977. - Вып. 41.
23. Ивановский Вл. П. Чаадаев. Философское письмо. - Казань, 1906.
24. Луковская Д.И. Критика методологии буржуазной теории права // Правоведение. - 1972. - № 3.
25. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. Критика учений о праве. - М., 1971.
26. Каменский З.Л. Философия русского просвещения. - М., 1971.
27. Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. - Л., 1985.

28. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. - Спб., 1901.
29. Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. - М., 1977.
30. Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Русский Вестник. - 1857. - Т. 7.
31. Зеленцов А. Б. Историзм в буржуазной философии права стран Латинской Америки. Автореф. ... канд. фил. наук. - М., 1982.
32. Общественное сознание и его формы. - М., 1986.
33. Шишкин Т. Русское гражданское право. Чтения Д. И. Мейера / Под ред. А. Вицина. - Общая часть. - Казань, 1858. - Вып. 1. // Отечественные записки. - 1858. - май.
34. Штейн Лоренц. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии, Германии. - Спб, 1874.
35. Огарев Н. П. Избранное. - М., 1977.
36. Ковалевский М. М. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений. Вступительная лекция к курсу сравнительной истории // Юридический Вестник. - 1878. - № 1.
37. Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской исторической науке. - М., 1905.
38. Ужевский С. В. Сочинения. - М., 1870. - Т. 1.
39. Хлебников Н. Право и государство в их обоюдных сношениях. - Варшава, 1870.
40. Михайлов М. М. Связь истории законодательства с историею вообще и юридические условия последней // Библиотека для чтения. - 1856. - Т. 135.
41. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. - Спб., 1908. - Изд. 2.
42. Майков В. Общественные науки в России // Финский Вестник. - 1845. - Т. 1.

43. Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. - Спб., 1833.
44. Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. - Спб., 1896. - Т. 24а.
45. Сумцов Н.Ф. Князь В.Ф. Одоевский. - Харьков, 1884.
46. Кон И.С. Проблема истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск, 1966.
47. Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. - М., 1969.

**КОМПЛЕКТАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА***

П. М. Ярвелаид

Согласно уставу 1803 г. на юридическом факультете предусматривалось пять кафедр: 1) лифляндского провинциального права и практического законоведения, 2) эстляндского и финляндского провинциального права, 3) курляндского провинциального права, 4) римского и германского гражданского и уголовного права и 5) положительного государственного и народного права, политики, истории прав и юридической литературы, — в каковой последовательности мы и проследим их комплектацию.

Кафедру лифляндского провинциального права и практического законоведения занимали в 1802–1812 гг. И.Л. Мютель, в 1815–1817 гг. Х.Г.Ю.Л. Штельцер и в 1818 г. И. Г. И. Нейман. После смерти Мютеля, в 1812–1815 гг., кафедра оставалась вакантной. Благодаря большой работе, проделанной Мютелем за десять лет на этой кафедре, она стала в этот период наиболее сильной в научном плане среди трех кафедр провинциального права и одной из самых сильных вообще на факультете. Этому способствовали и некоторые внешние факторы, как то: 1) до 1812 г. комплектование кафедры не вызывало никаких проблем; 2) университет находился именно

* Главным источником написания материала о комплектовании профессорско-преподавательского состава юридического факультета в период университета Дорпатенсис (1802–1889) служит хранящаяся в Центральном историческом архиве Эстонской ССР книга регистрации предложения кандидатов и выборов на вакантные кафедры (Präsentationsbuch), содержащая данные с 30 января 1803 г. по 23 сентября 1889 г. [1].

Для исследования становления преподавательского состава юридического факультета Тартуского университета этот источник впервые вводится в научный оборот. Но он мало использован для исследования становления преподавательского состава др. факультетов. Этот источник использовался Х. Л. Танклером для выявления процесса становления преподавательского состава по естественным наукам только в отношении первой половины XIX века. [2].

на территории Лифляндской губернии, и поэтому связь с юридической практикой была непрерывной, кроме того, в архивах имелся свободный доступ к получению любых источников права; 3) наличие социального заказа: в России велась работа по сбору законодательства, которая была завершена под руководством М. М. Сперанского; 4) прибалтийские немцы, со своей стороны, были также заинтересованы в изучении и обобщении провинциального законодательства, причем не только студенты, но и общественность; 5) в связи с популярностью геттингенской и исторической школы права в Европе создание этой кафедры было обосновано и с точки зрения философии права. Первым профессором на эту кафедру был очень удачно избран тридцатидевятилетний Иоганн Людвиг Мютель (1763–1812). Мютель получил юридическое образование в Галлеском (1781) и в Геттингенском университетах (1783)*. В первом он параллельно изучал и теологию. В 1784–1802 гг. он занимался юридической практикой в Лифляндии. Поэтому до прихода в Тартуский университет он не занимался научной работой и не имел педагогической практики, как и другие первые профессора местного провинциального права. Однако все они были компетентны в местном праве как практики. Мютель был приглашен в университет 27 февраля 1802 г. в качестве профессора гражданского и уголовного права, но уже 14 мая 1802 г. был переведен по просьбе университета на кафедру местного права. Как показала дальнейшая жизнь, эта кафедра оказалась для него самой подходящей [4, с. 424–425]. Мютель оставил глубокий след в истории университета как организатор, лектор и ученый. Первый ректор вновь созданного в XIX веке университета, представитель демократического крыла в тартуской профессуре Г.Ф. Паррот называл его первым своим помощником в юридических вопросах при орга-

* Два первых профессора юридического факультета в XIX в. — И. Л. Мютель и К. Мейер — обучались в Геттингенском университете, который имел высокий авторитет в России. Так, пишет С. Шёвырев, иностранных профессоров попечитель Московского университета приглашал по преимуществу именно из Геттингена, который славился в то время именами Пюттера, Мартенса, Блюменбаха, Осияндра, Гейне и Шлецера. А посредником в приглашении был профессор истории религии и философии Геттингенского университета Мейнерс [3, 341].

низации университета [5, с. 12-13]. Организаторскую деятельность в университете И.Л. Мютеля в свое время можно сравнить с организаторской деятельностью его коллеги Г. Хейна в XVII веке.

Что же касается его как преподавателя, то здесь его роль до сих пор недооценена. Ведь именно И.Л. Мютель одним из первых в восстановленном Тартуском университете начала XIX века (а на юридическом факультете первым) начал читать лекции на основе своих научных изысканий. Этот факт не требует особого доказательства, так как общеизвестно, что местное право остзейских губерний было систематизировано и научно проработано только в XIX веке. О его огромной работе и трудолюбии говорит и то, что его лекционные курсы обновлялись чуть ли не ежегодно. В течение десяти академических лет он читал четырнадцать курсов: лифляндское рыцарское и земское право вместе с относящейся сюда историей права; историю римского, канонического, германского и лифляндского права; уголовную часть системы лифляндского рыцарского и земского права; лифляндскую историю права, а в последний период и русскую; специальную лифляндскую историю права во взаимосвязи с русской; основы лифляндского уголовного и гражданского права; пандекты лифляндского права с упором на общее право; пандекты лифляндского права; лифляндскую историю права; лифляндское уголовное право; историю лифляндского и русского права с 1710 г.; древнейшую историю лифляндского права до XVIII века; историю лифляндского права; право отдельных лиц по положениям лифляндского гражданского права [6, с. 545-546]. О его лекциях писал известнейший специалист местного права Ф.Г. Бунге: "Лекции Мютеля по лифляндскому праву были, несомненно, самыми основательными из прочитанных в Тартуском университете" [7]. Педагогическая работа И.Л. Мютеля, как впоследствии и самого Ф.Г. Бунге, была неразрывно связана с научной. Мютель как ученый реализовал себя именно в лекциях по лифляндскому праву, особенно по уголовному праву Лифляндии, которое в 1827 г. Ф.Г. Бунге подготовил к печати [8]. Был поставлен вопрос об опубликовании всех его рукописей (30 тетрадей), над которым работал Г.И. Будденброк, опубликовавший в 1817 г. даже извещение о готовящемся издании [9, с. 1-44]. В 1839 г. Ф.Г. Бунге и К.О. Мадаи опубликовали еще и второй труд И.Л. Мютеля [10, с. 185-203]. Исходя из вышесказанного, хотя основателем научной школы местного права в Тартуском университете считают Ф.Г. Бунге, существуют все основания на-

чинать с И.Л. Мютеля. Работы И.Л. Мютеля послужили примером для Ф.Г. Бунге. То обстоятельство, что Ф.Г. Бунге выбрал своим главным объектом исследования именно гражданское право, а по уголовному праву опубликовал рукопись И.Л. Мютеля, говорит еще раз о высоком научном уровне работ последнего. После кончины И.Л. Мютеля на вакантную профессию кафедры лифляндского права 5 марта 1813 г. университетскому совету рекомендовали двух кандидатов: предложенного факультетом ландрата Г.И. фон Будденброка и предложенного профессором философского факультета К. Моргенштерном профессора Московского университета Христиана Гейнриха Юлиуса Людвига Штельцера (1758-1831) [11, с. 18 об]. Нужно отметить, что последующие профессора, Х.Г.Ю.Л. Штельцер и И. Нейман, были учеными, чьи научные биографии заслуживают дальнейшего исследования, но их подготовка, научная специализация и интересы не соответствовали занимаемой профессии, как и их преподавательская деятельность, которая была направлена на преподавание других предметов,* а не лифляндского права, которого требовала занимаемая кафедра. В избрании Штельцера стал, по-видимому, решающим авторитет К. Моргенштерна, а также в какой-то мере политическая обстановка в самом университете. Нам кажется, что именно в предпочтении пятидесятилетнего Х.Г.Ю.Л. Штельцера личные и политические соображения К. Моргенштерна взяли верх** . Впрочем, научный и педагогический потенциал деятельности Штельцера в Московском университете был высоко оценен [12, с. 673]. По данным С. Шевырева, при преподавании он пользовался и своими

* Чтобы не потерять нужного человека для факультета и университета, кафедры часто занимались людьми, научные интересы которых очень мало или вообще не соответствовали данной кафедре. В таком случае обычно этот человек читал лекции по своей специальности, а лекции по данной кафедре поручались кому-либо из профессоров других кафедр или читались профессором по имеющимся учебным пособиям. При освобождении кафедры по специальности обычно эти люди сразу переходили на кафедру по специальности, но иногда приходилось ждать освобождения нужной кафедры очень долго.

** Х.Г.Ю.Л. Штельцер и К. Моргенштерн работали одновременно преподавателями в университете Галле.

учебными пособиями, к которым в Москве добавилось одно руководство [13, с. 363, 404-405], а по данным некоторых авторов, им был прочитан первый курс лекций по правовой психологии в России [14, с. 25], но он как в Московском, так и в Тартуском университете в нашей историографии в основном остался скандальной личностью.

В связи с вопросом оценки деятельности Х. Г. Ю. Л. Штельцера необходимо вернуться к проблеме замещения кафедр юридического факультета иностранцами. Этот вопрос оставался актуальным как в XVII, так и в XIX столетии. В историко-правовой литературе на это обратил внимание известный международник В. Э. Грабарь. Говоря об объективных причинах замещения профессур русских университетов иностранцами, он обратил внимание и на вытекающие из этого трудности.

Во-первых, в университетах создавалась неблагоприятная для научных занятий атмосфера недопониманий и столкновений между иностранцами и русскими, резко отличавшимися между собой по мировоззрению, воспитанию, нравам и привычкам. И это даже в случае, когда дело касалось людей достойных, настоящих ученых, в большинстве своем людей либерального направления, как на примере преподавателей естественного права и дипломатики показал В. Э. Грабарь [15, с. 180-181]. Во-вторых, русским слушателям (студентам) было трудно следить за лекциями, которые читались большей частью на латинском языке, реже на немецком и французском.

Положение иностранцев в университетах России изменилось после Отечественной войны 1812 г., когда в связи с патриотическим движением Министерство народного просвещения категорически заявило, что вакантные кафедры будут предлагаемы только русским ученым, но отнюдь не иностранцам [15, с. 186].

Несмотря на то что в Тартуском университете, который был до конца XIX века немецкоязычным, и тем самым не было объективных причин для беспокойства по поводу языка преподавания и научной работы, основания для конфликтов оставались и здесь. Основным был конфликт в мировоззренческих вопросах. Основной причиной конфликтов являлось то обстоятельство, что приехавших из Германии преподавателей не интересовали местные интересы остзейцев. Часто они были и более радикальных взглядов (особенно в вопросе крепостничества), что приводило к конфликтам, переходящим и в

другие сферы (личные, бытовые, преподавание и, наконец, политические обвинения).^{*} Ради справедливости нужно отметить, что во всяком случае иностранцы, приехавшие профессорами на определенное время, заботясь часто о личной карьере, не всегда поддерживали даже законные права остзейцев, и это, несомненно, давало повод для недоразумений.

Положение преподавателей-иностранцев, которые не вливались в местные привилегированные слои (особенно в периоды реакции), было очень сложным — они ставили себя вне "общества", и это в условиях, когда у них не было родных, остававшихся в Германии. Трудным было и их материальное положение, так как в большинстве случаев весь их доход состоял из оклада профессора (за их спиной обычно не стояли родовитые фамилии, как у многих остзейцев), особенно в период континентальной блокады после 1812 г. из-за быстрой девальвации курса,^{**}

^{*} Интересен тот факт, что по разным причинам юридический факультет Тартуского университета в первой половине XIX века были вынуждены покидать только иностранцы, и ни разу остзейцы.

^{**} Это мнение подтверждает М. Дьяконов, пишущий об известном историке права Г. Эверсе, который был профессором Тартуского университета с 1809 г. и членом-корреспондентом Академии Наук. В 1816 г. ему была предложена ординарная профессура в Берлинском университете, от которой он отказался только потому, что его материальное положение улучшилось после женитьбы на племяннице известного востоковеда, ландрата Рихтера, баронессе Д. Майдель, а также благодаря получению дополнительной профессуры [16, с. 515].

Подобный пример приводит почетный член АН СССР Г. Тамман, который пишет о судьбе члена-корреспондента Академии Наук Давиде Гринделе, который в 1804-1814 гг. был профессором химии и фармации в Тарту, а с 1810 по 1812 гг. и ректором университета и который покинул в 1814 г. Тартуский университет вследствие недостатка средств к существованию (жалованье не соответствовало сословному стандарту профессора — П.Я.) и пробыл до 1820 г. аптекарем в Риге [16, с. 239].

Таких примеров можно привести и более, но ограничимся этими примерами об общеизвестных в истории науки ученых, преподавателях Тартуского университета в рассматриваемый период.

когда материальное положение преподавателей всех русских университетов ухудшилось.

Преподаватели, приехавшие из Германии, не интересующиеся сепаратистскими амбициями, но подерживавшие остзейцев в борьбе за автономию университета, оставались на стороне остзейцев против имперских властей. Поэтому во всех случаях в глазах имперских властей иностранные преподаватели были политически неблагонадежны. В истории юридического факультета Тартуского университета это очень ясно прослеживается в период особо реакционной политики по отношению к российским университетам (примером может служить судьба профессоров юрфака В. Снелля и Э. Озенбрюкена). В то же время в поисках хороших заработков сюда попадали и случайные для науки люди, которые компрометировали звание преподавателей университета.

Хотя Х.Г.Ю.Л. Штельцера нельзя отнести к последним — ведь он являлся известным криминалистом, доктором права и до приезда в Россию был экстраординарным профессором уголовного права в университете Галле, — но последствия его деятельности оказались катастрофическими для юридического факультета в Тарту, хотя стали причиной возрождения факультета на более высоком уровне.

Нарушения правил присуждения ученых степеней дали возможность реакции фактически уничтожить юридический факультет в Тарту. Поэтому наступление реакции против университетов в России после 1815 г. начинается с Тартуского университета, за которым последовал уже полный разгром Петербургского университета Руничем и Казанского университета Магницким. После увольнения в 1817 г. ректора Штельцера, а также декана, профессора Х.Г. Кёхи, и смерти профессора К.Ф. Мейера на юридическом факультете оставался только один профессор Ф. Лампе (и тот не имел права быть избранным на выборные должности в университете и состоять в комиссии по защите диссертаций). Только возвращение профессора И.Г.И. Неймана из Казанского университета позволило вообще продолжить лекции в Тарту. Политический фон репрессий был понят в Германии, и поэтому, когда Штельцер возвратился в Германию, он продолжал работать с 1820 г. приват-доцентом на юридическом факультете основанного в 1810 г. Берлинского университета.

Кафедра эстляндского и финляндского провинциального права, просуществовавшая фактически до 1817 года (формально до 1820 г.), должна была заниматься исследованием законодательства Эстляндии (которое по историческим обстоятельствам отлича-

лось от местного законодательства Лифляндской и Курляндской губернии) и преподаванием его. Первым профессором на кафедре из двух предложенных 8 июня 1803 года кандидатов стал Христиан Даниил Розенмюллер (1762–1823) [14, с. 2].

Х. Д. Розенмюллер был чистый практик. До прихода в университет, а также и после 1805 г. он являлся саксен-веймарским советником юстиции в Ревеле (Таллинн), занимаясь и адвокатурой. Научных трудов он после себя не оставил; как видно из объявленных им учебных курсов, его преподавание было непосредственным образом связано с его практической деятельностью по применению Любекского городского права, которое служило источником городского права Таллинна, и Эстляндского рыцарского права [4, с. 547–548]. После ухода Розенмюллера на вакантную кафедру 12 июня 1805 г. было предложено четыре кандидата, из которых предпочтение было отдано по протекции профессора К. Мейера тридцатилетнему учителю гимназии из Митавы (ныне Елгава), доктору права Христиану Гейнриху Готлибу Кёхи (1769–1828) [11, с. 5 об.]. Х. Г. Г. Кёхи в отличие от своего предшественника имел подготовку как преподаватель. Он прибыл в Россию из Германии, где получил степень магистра (Лейпциг) и доктора права (Гельмштадт), а с 1800 г. занимал должность приват-доцента в Иенском университете. Однако и последующая работа в Митавской гимназии, которая находилась в Курляндской губернии, не могла дать ему предварительных знаний, необходимых на кафедре. Поэтому, как и у его предшественника, у него главное внимание могло быть направлено из предметов кафедры на преподавание любекского городского права и на предметы вне кафедры, по которым он получил подготовку во время учебы в университете. Так как Кёхи, будучи деканом юрфака, был связан с незаконными присуждениями ученых степеней, то вместе со Штельцером он был уволен из университета в 1817 году. Как Штельцеру, так и Кёхи это не помешало занять должность приват-доцента в Кенигсбергском университете. Кёхи много печатался, хотя его публикации не были связаны с занимаемой кафедрой и, по нашему мнению, во многом имели популяризаторский характер [4, с. 552–553]. После увольнения Кёхи Министерство народного просвещения решило вообще ликвидировать названную кафедру, преобразовав ее в кафедру уголовного права. Но до принятия устава 1820 г. формально при избрании пользовались старым названием кафедры, хотя, как явствует из переписки с кандидатами на кафедру,

подыскивались именно специалисты по уголовному праву. К сожалению, надо сказать, что и работа кафедры курляндского права (как и эстляндского и финляндского) не достигла такого уровня, как кафедра лифляндского провинциального права в период деятельности И. Л. Мютеля в 1802–1812 г. По нашему мнению, на это повлиял ряд объективных причин. Во-первых, кафедра курляндского права была вообще одна из трех экстраординарных профессур в Тартуском университете по уставу 1803 года, т.е. оплачивалась ниже, чем ординарная профессура. Кроме того, профессор должен был выполнять также обязанности протосиндика университета, которые можно сравнить в каком-то роде с обязанностями юриста-консультанта, которые отрывали профессора от научных и преподавательских обязанностей. Из-за законодательного плюрализма эту кафедру могли бы более успешно занимать адвокаты из Курляндии, которые, однако, не были заинтересованы в научной обработке местного законодательства. А найти хорошего ученого на кафедру с самым маленьким окладом не удавалось в первые два десятилетия, когда эта кафедра действовала. 3 июня 1803 г. на кафедру курляндского права были предложены три кандидата. Все были юристы из Курляндии, и университетский совет отдал предпочтение сорокадевятилетнему адвокату Фридриху Казимиру Клейненбергу (1754–1813) [11, с. 2 об.]. Курляндец Клейненберг, как и профессор лифляндского права И. Л. Мютель, обучался в Геттингенском и в Галлеском университетах, а затем в течение двадцати трех лет занимался адвокатурой в судах Курляндии. Он, конечно, хорошо знал юридическую практику Курляндии. Он намеревался написать учебник по Курляндскому праву, но, к сожалению, кроме подготовительных набросков ничего не сделал. Кроме субъективных и уже перечисленных объективных факторов, нужно добавить мнение А.С. Невзорова о том, что и его (Клейненберга) материальное положение было тяжелым [6, с. 549]. Клейненберг скончался на службе 13 марта 1813 года. Еще до его кончины 5 марта 1813 г. на вакантную кафедру было предложено два кандидата, из которых предпочтение было отдано кандидату от юридического факультета, адвокату из Митавы Фридриху Лампе (1781–1823) [11, с. 19]. Но тридцатидвухлетний Лампе остался на этой малоодоходной кафедре только на один год. Уже 13 апреля 1814 г. он выставил свою кандидатуру на кафедру положительного государственного и народного права, политики, истории права и юридической литературы, на которую как единственный кандидат и был избран

[11, с. 221]. После ухода Ф. Лампе третья кафедра местного провинциального права оставалась вакантной до 1819 г. На эту кафедру был избран единственный кандидат, первый в XIX веке иностранец на факультете, тридцатилетний Гейнрих Курт Штевер (1798–1827) [11, с. 27]. Получивший юридическое образование в университетах Росток, Берлина, Йены и Геттингена, он стал в 1816 г. доктором права в Ростокском университете, в котором и занимал должность приват-доцента, практикуя в то же время как адвокат. Хотя подготовка Штевера не соответствовала занимаемой кафедре, в пользу его избрания говорило тяжелое положение на факультете после его разгрома, а также то обстоятельство, что Штевер, принимавший в качестве обер-егеря участие в военных действиях против французов, был политически благонадежен [4, с. 557–558]. Но и его деятельность оказалась непродолжительной, в начале 1820 года он уже покидает университет, переехав в Ригу, где занялся адвокатской деятельностью. Хотя он и имел юридические публикации, к тематике занимаемой кафедры они не относились, и вообще написанное им нужно отнести по преимуществу к беллетристике.

Таким образом, можно сказать, что созданные по уставу 1803 г. три кафедры местного провинциального права в первые десятилетия XIX века в научном плане не выполнили поставленных перед ними задач.

Едиственное исключение составила деятельность И.Л. Мютеля, но и его работы были опубликованы только частично уже после 1820 года. Причиной послужило то обстоятельство, что факультету не удалось укомплектовать эти кафедры профессорами, ориентированными на научную работу, которой именно эти кафедры требовали в первую очередь. Так как местное провинциальное право только еще ожидало научной обработки, то ни в одном университете специалисты в этой области не готовились. Юридическая же практика трех прибалтийских губерний требовала основательных знаний именно по дисциплинам этих кафедр.

Если о трех первых кафедрах мы говорили как о специфических для Тартуского университета, то кафедра римского и германского гражданского и уголовного права являлась универсальной. Комплектация этой кафедры не имела сложностей для Тартуского университета, т.к. именно по этой кафедре лучше всего были подготовлены воспитанники германских университетов. Как ординарная профессура она привлекала не только молодых преподавателей,

но и уже имевших имя в научном мире. Трудностью стало обстоятельство, что объемом преподаваемых предметов был не по силам одному преподавателю. Фактически выяснилось это сразу после принятия устава 1803 года, когда эти предметы преподавали всегда, кроме профессора кафедры, и другие преподаватели факультета. Законодательно этот вопрос решился только с годами, когда предметы этой кафедры были распределены между разными специальными кафедрами.

Несмотря на название - кафедра римского и германского гражданского и уголовного права - преподаватели этой кафедры до 1917 года занимались в основном преподаванием римского права. Поэтому в этот период ее не без основания можно называть для краткости "кафедрой римского права". Преподавание римского права имело в XIX веке не только общеобразовательное и методологическое значение в подготовке юристов-практиков, но в прямом смысле и практическое, т. к. оно признавалось, как и ранее, субсидарным правом в отношении местного права и имело важное значение в судебной практике Прибалтики.

Еще до принятия устава 1803 г. первым профессором этой кафедры был назначен И.Л. Мютель, который в первом семестре 1802 года являлся единственным преподавателем на факультете. Хотя он и позже вел курс римского права, главным объектом его исследования и преподавания оставалось местное провинциальное право Лифляндии, о котором уже шла речь. Основным профессором римского права в Тарту до 1817 года был воспитанник Геттингенского университета Карл Фридрих Мейер (1757-1817).

Назначенный в сорок пять лет профессором по данной кафедре, К.Ф. Мейер проработал на ней до своей кончины. Он не был прибалтийским немцем, в России проживал с 1791 года и имел до прихода в университет уже определенный стаж в разных юридических службах Лифляндской губернии. Поэтому, как хороший администратор, именно он был первым из тартуских юристов XIX в. избран ректором Тартуского университета, и даже дважды.

В 1814 г. он был утвержден советом университета в степени доктора прав. Как можно заключить из объявленных им курсов, он являлся сторонником естественного права, которое даже до запрещения преподавания естественного права в Тарту в 1817 г. не было превалирующим [4, с. 506]. По-видимому, его можно отнести к кантианцам Тартуского университета [17, с. 137-138]. Пользу-

ясь учебными пособиями ученых юристов Германии, К.Ф. Мейер сам не подготовил учебных пособий и не оставил после себя значительных работ. То, что Мейер умер в период разбора "дела 1816 года", стало причиной, что мы не имеем о нем печатных некрологов. После кончины Мейера преподавание римского права было поручено двадцатичетырехлетнему приват-доценту Вольдемару Фридриху Дитмару (1794-1826), первому из воспитанников юридического факультета Тартуского университета. Кроме Тартуского, он обучался и в Кенигсбергском университете, где получил в 1817 г. степень доктора права. Он читал здесь лекции в 1818-1819 г. и был освобожден по собственному желанию. Дитмар больше прослыл известным своими литературными и культурными изысканиями. Так, например, в 1893 г. была опубликована его переписка с академиком К. Э. фон Бэром [18, с. 54; 19, с. 506; 4, с. 506-507].

Кафедре римского и германского гражданского и уголовного права было суждено сыграть одну из важных ролей и поднятии престижа не только юридического факультета, но и всего Тартуского университета. В этой работе особое место принадлежит, кроме И. Ф. Г. Эверса и И. Г. И. Неймана, также Х.Х. Дабелову. Деятельность Христофа Христиана Дабелова (1768-1830) была на протяжении двенадцати лет связана именно с преподаванием предметов этой кафедры.

Как уже говорилось ранее, юрфак для возрождения и чтобы смыть позор, который был нанесен факультету событиями 1816 года, нуждался в преподавателях, чье имя было бы известно как в России, так и во всей Европе. Деятельность в такой обстановке, как комплектация в 20-е годы XIX века юридического факультета в Тарту, психологически можно назвать суперкомпенсацией. Старого факультета не было, и поэтому руки у комплектующих были в этом отношении свободны. А все время напоминающий о себе 1816 г. заставлял комплектующих факультет доказывать, что это прошлое и что в дальнейшем все будет лучше. Оценивая ситуацию тех лет в наше время, нельзя утверждать, что комплектация нового состава удалась вполне, но какой-то эффект суперкомпенсации произошел неоспоримо.

Одним из первых юристом действительно с европейским именем, которого удалось пригласить на юридический факультет Тартуского университета, стал Христоф Христиан Дабелов (1768-1830). Приглашение пятидесятилетнего Х.Х. Дабелова состоялось по предложению профессоров И. Неймана и Ф. Лампе 17 сентября 1818 года [11, с. 25]. При по-

мощи И. Неймана и Х.Х. Дабелова, которые стали явными авторитетами на факультете, Г. Эверсу удалось восстановить юрфак в короткий срок и на высшем уровне. С приходом Дабелова факультет получил преподавателя нового типа, какого до того на юрфаке в Тарту не было. Уже до прихода в Тарту он был профессиональный ученый, юрист, который активно вел научную работу и публиковал свои работы. Он имел опыт университетского преподавания (был ординарным профессором в Галле, но занимал в 1811–1813 г. и высокие административные посты [4, с. 508–513; 7, т. 4., с. 684–685]). По мнению западногерманского исследователя Франца Виакера, Дабелов как ученик Даниела Неттелбладта (который предпринял тотальную систематизацию и рационализацию общего права – *Gemeinen Recht*) стал продолжателем этого направления. Поэтому, как считает Ф. Виакер, именно с Дабелова начинается создание новой теории частного гражданского права Германии [20, с. 321]. Фигура Х.Х. Дабелова была настолько значительна в юридическом мире, что благодаря Г. Эверсу даже граф К. Ливен, который уволил всех рационалистов с теологического факультета, разрешил в то же время пригласить рационалиста на юридический факультет. О том, что его взгляды были в Тарту общеизвестны и что он их сам не скрывал, свидетельствуют воспоминания Э. Андерса, [21, с. 217–218], который был в 1823–1829 студентом юрфака. Вторым обстоятельством, которое еще на несколько лет раньше решило бы отрицательно вопрос об избрании на кафедру в России, но в новой политической обстановке уже не имело значения, было то, что Дабелов не только несколько лет своей жизни посвятил изучению гражданского права Франции, но в 1811–1813 г., являясь тайным советником и министром в Ангальте, практически стремился к введению там французского государственного устройства. Авторитет Х.Х. Дабелова позволил ему отказать от преподавания уголовного права. Благодаря этому отказу в министерстве был решен вопрос о создании специальной кафедры уголовного права в Тарту, которое в уставном порядке зафиксировано в 1820 году.

Дабелов приступил к работе в Тарту 9 апреля 1819 г. и проработал здесь до своей кончины в 1830 г., оставив в истории факультета заметный след не только по своей узкой специальности. Он первым показал пример научного подхода к изучению права.

С приходом Х.Х. Дабелова фактически совпадает начало нового подпериода в истории юрфака,

который продлился, начавшись в 1820 г., до 1865 года. Это время совпало с началом новой эпохи в русской юридической мысли. Если в конце XVIII века и начале XIX века в русской юридической мысли преобладала естественно-правовая школа, то после 1815-1817 года, когда последняя стала рассматриваться как революционное учение и сторонники ее подвергались гонениям (а 5 августа 1818 года преподавание естественного права в университетах России вообще было запрещено), то теперь на первый план вышли именно историко-правовые работы, написанные в духе исторической школы права. Но несмотря на то, что Х.Х. Дабелов был самой крупной фигурой в составе юрфака в европейском масштабе, началом нового периода считается возвращение на факультет Иоганна Георга Иосиаса Нейманна (1780-1855), который в русской юридической науке известен как Иван Егорович Нейман, и мы далее воспользуемся этим вариантом его имени. Деятельность Ивана Неймана в России началась работой в комиссии по составлению законов и продолжалась в качестве профессора на нравственно-политическом отделении Казанского университета и юридического факультета в Тарту. Как в Казани, так и в Тарту Нейман работал дважды. Уже в 1902 году профессор М.А. Дьяконов обратил внимание на особую роль И. Неймана в истории русского права начала XIX века [22, с. 1-16]. И. Неймана считал своим учителем Г. Эверс, которого как дореволюционная, так и советская историография считает основоположником научной истории русского права [23, с. 15; 24, с. 109; 25, с. 109; 26, с. 107]. На особую роль И. Неймана обращает внимание и В.И. Шевцов, который особо выделяет поданное Нейманом 3 марта 1813 года "извлечение из рассуждения о древнем славянском праве", в котором впервые в исторической науке ставился вопрос о существовании древнеславянского права [27, с. 75-76]. Но роль Неймана в истории русского права заключалась не только в "генерировании новых научных концепций", он был также хорошим педагогом. В Тарту он воспитал своим наследником А. Рейца, который был широко известен как автор учебного пособия "Опыт истории Российских государственных и гражданских законов", переведенного профессором Московского университета Ф.Л. Морошкиным на русский язык и изданного в 1836 г., которое на протяжении нескольких десятилетий являлось учебным пособием по истории русского права во всех университетах России.

Воспитание на кафедре своих преемников и

последователей заслуживает особого внимания в деятельности Неймана так как, — утверждает Х.Л. Танклер, — в общем в первой половине XIX века в Тарту это не было распространено [2, с. 141].

В историографии А. Рейца считают учеником более известного Г. Эверса, но непосредственным учителем его был И. Нейман [22, с. 4-5]. Его педагогический талант проявился и в Казани [28, с. 2-13; 29, с. 49], где, по мнению Д.И. Фельдмана, например, ученик Неймана ... Манасеин был первым русским преподавателем международного права в нашей стране, который читал лекции на русском языке [30, с. 36-37].

Не менее важным, чем первая записка, поданная 27 ноября 1824 года, для Академии наук является план Неймана составления подробной "Истории русского права", в котором было предложено начать эту работу с издания полного собрания законов Российской империи. Насколько продумана была записка Неймана, свидетельствует факт, что он десятилетиями вынашивал эту идею; так, уже 23 февраля 1810 года, будучи профессором в Казани, он писал в представлении совету о науке права в России: "Что касается до Российского права, то сперва необходимо нужно было разделить на части столь важную и затруднительную работу, какова систематизация Российских законов, составленная наподобие сочинения Блекстона: ибо в России нет еще юриспруденции, даже можно сказать, что нет еще действительного правоведения" [28, с. 61]. Именно в изменении такого положения видел он цель своей жизни. Работая сам и поддерживая всячески других исследователей, он, например, ходатайствовал в 1815 г. в Казани по поводу работы воспитанника Тартуского университета, профессора Е. Врангеля "Гражданское судопроизводство Российской империи" [28, с. 3-3 об.]. Но, к сожалению, идеи И. Неймана не нашли активной и быстрой поддержки. Правда, записка 1824 года заинтересовала М.М. Сперанского, и в феврале 1826 года И. Нейман был вызван на работу в Петербург. Как утверждает М.А. Дьяконов, их знакомство могло начаться, по-видимому, еще с периода службы Неймана при Комиссии составления законов [22, с. 14-16]. Из вышеизложенного ясно, что деятельность И. Неймана требует более подробного исследования, особенно в отношении его связи с М.М. Сперанским, который в 1827 году был избран почетным доктором Тартуского университета [31, с. 21].

В первый раз кандидатура И. Неймана на должность профессора в Тарту была предложена 11

февраля 1811 года [11, с. 16] Г.Ф. Парротом, которому его рекомендовали академики Круг и Лерберг. Поиски кандидата на вакантную кафедру положительного государственного и народного права, политики, истории прав и юридической словесности, начались, как было уже сказано, до открытия университета. Предполагалось пригласить на эту кафедру кого-либо из немецких ученых (например, Зальфельдта, Фабера, Фосса, Шмальца и др.) [11, с. 3 об., 5 об., 9 об., 11 об., 14 об., 16]. Однако эти поиски не увенчались успехом. По мнению В.Э. Грабаря, причиной стало то, что, во-первых, в Тарту эта кафедра отличалась с самого начала от всех подобных в России. Если в других университетах до 1818 г. господствовало еще естественное право, то здесь с основания университета была кафедра "положительного государственного и народного права". Во-вторых, преподаватели из Европы, охваченные конституционным движением, не пользовались доверием в Министерстве просвещения [32, с. 115-125], а найти подходящих людей, которые могли бы перейти на службу в Тарту из России, было делом нелегким. Положение не изменилось даже тогда, когда сняли запрет приглашать иностранных ученых. Кандидат на столь ответственную кафедру должен был уметь так приспособливаться к взглядам и ожиданиям властей, чтобы не подать повода к какому-либо столкновению и не втянуть в неприязни как себя, так и университет [4, с. 583]. С приходом на кафедру И. Нейман продолжал свои работы по изучению русского права и из предметов кафедры вел только русское государственное право.

Положение И. Неймана в Тарту было противоречиво. С одной стороны, он был поддержан Г. Эверсом, но в то же время общая обстановка для изучения преподавания русского права не была здесь благоприятной. Нейман стал читать фактически первый курс русского права в Тартуском немецкоязычном университете. Он стал читать первым на юридическом факультете Тартуского университета курс русского языка на русском языке и требовал от студентов юристов (в большинстве прибалтийских немцев) знания и русского языка, которое казалось остзейцам урезанием их привилегий. В 1813 г. Министерство просвещения предложило Нейману составить учебные пособия по русскому праву, истории русского права, русскому уголовному праву, русскому гражданскому праву [4, с. 583]. Таким образом Нейман принадлежал к тем немногим преподавателям юридического первого периода (кроме Мютеля), лекции ко-

торых в основном состояли из собственных научных изысканий. Он очень строго относился к своим работам, как видно из его пояснения в 1815 г. в Казани, где он сообщает, что обработанное им "Русское государственное право" получило одобрение ученых в Петербурге, но так как это пособие составляло первое исследование "о сем предмете, то сам автор считает его весьма недостаточным" [28, с. 3 об.]. В 1814 году в Петербурге было напечатано первое пособие, которое, к сожалению, осталось и последним из планируемых им учебных пособий на русском языке, - "Начальные основания уголовного права". Это небольшое учебное пособие стало во многих отношениях первым. Самое примечательное то, что это первое учебное пособие тартуских юристов, которое, изданное на русском языке, могло быть использовано юристами всей России. Во многом еще компилятивная, эта работа относится, безусловно, к числу работ, которые сыграли выдающуюся роль при подготовке М. М. Сперанским и его коллегами свода Законов Российской империи. В 1814 году Нейман в целях написания своих работ ушел в отставку и переселился в Петербург, откуда он отправился профессором естественного, политического и народного прав в Казань, прослужил там до 1817 года, после чего вернулся опять в Петербург, откуда уже 13 декабря 1817 года был приглашен на кафедру "лифляндского права" [11, с. 25] Тартуского университета, т. к. кафедры русского права до 1820 г. в Тарту формально не было.

Именно в приглашении И. Неймана Г. Эверс видел возможность поднять авторитет университета. В период ректорства Г. Эверса Нейман активно участвовал в делах по управлению университетом, но эти дополнительные обязанности тяготили Неймана, и его слабое здоровье ухудшилось. К сожалению, ни один из авторов не обращал внимания на сложности в семейных отношениях, которые также негативно сказывались как на его здоровье, так и на работоспособности вообще и о которых писали только в воспоминаниях [21, с. 219-220]. В 1824 г. Нейман ходатайствовал о сокращении учебной нагрузки, обаяуясь в период 1825-1831 гг. подготовить рукопись "Истории русского права" в объеме приблизительно шести томов в четверть листа и подготовить трех молодых людей для занятия учительских мест по части русского права [4, с. 585; 33, с. 423; 34, с. 250], но до получения ответа он был вызван М. М. Сперанским на службу в Петербург, и его деятельность в Тарту прекратилась. После первого ухода И. Неймана из Тарту в

1814 г. уже 30 апреля 1814 г. на кафедру вместо него был предложен адвокат Курляндского оберландгерихта, воспитанник Лейпцигского университета Фридрих Лампе /11, с. 22/. Ф. Лампе был с 1 мая 1813 г. экстраординарным профессором курляндского права и протосиндиком университета, и именно он вел предметы этой кафедры до перехода на кафедру "государственного и международного права". По требованию ректора Г. Эверса он обязался написать труд по истории права для получения докторской степени, но своего обещания так и не выполнил [35, с. 4-4 об.]. Таким образом он не оставил в науке следа и вошел в историю как преподаватель, который первым начал читать лекции по международному праву в Тартуском университете в начале XIX века (1815), используя учебник известного геттингенского профессора Г. Ф. Мартенса, которого еще до восстановления Тартуского университета хотели пригласить сюда профессором. Ф. Лампе был известен также тем, что после смерти К. Ф. Мейера и до возвращения И. Неймана был короткое время единственным преподавателем на юрфаке вообще.

С приглашением Х.Х. Дабелова встал вопрос о кандидате на создаваемую кафедру уголовного права, которой не предусматривал устав 1803 года. 9 декабря 1818 года по рекомендации председателя суда в Дилленбурге Гаршера фон Алмедингена*, который был известен в Тарту, была предложена кандидатура Людвиг Снелля [11, с. 26 об.]. Но избран был в конце концов его брат Иоганн Вильгельм Снелль (1789-1851), воспитанник Гиссенского университета, где в 1819 г. он стал доктором права, хотя избран профессором он был уже 19 декабря 1818 г. (формально на кафедру эстляндского и финляндского провинциального права, предусматриваемую уставом, из которого был обязан исходить университетский совет). Докторская работа В. Снелля была посвящена применению психологии при допросе обвиняемого [36]. Таким образом В. Снелль был вторым преподавателем, избранным профессором на юрфак в Тарту, который после Х.Г.Ю.Л. Штельцера интересовался проблематикой правовой психологии. В. Снелль, который уже студентом принимал участие в политических выступлениях, не долго смог про-

* По предложению И. Ю. Мютеля в 1803 г. Г. фон Алмедингену было предложено самому занять в Тарту кафедру государственного и международного права, но он отказался [11, с. 18 об.].

работать в Тарту. Он объявил курс лекций по уголовному праву, по уголовному процессу и спецкурс о взаимосвязи естественного права и политических положительных законов [37, с. 31], прочитал вступительную лекцию и начал курс своих плановых лекций, но уже 13 сентября 1819 г. был уволен министерством на основании дипломатического уведомления из Германии, после чего, чтобы избежать ареста, он эмигрировал в Швейцарию, где получил профессуру в Базеле, Цюрихе и Берне, в последнем был избран и ректором университета. По данным П.П. Пусторослева, в Швейцарии Снелль продолжал принимать участие в политической борьбе [4, с. 517; 38, с. 79]. "Дело" В. Снелля показало, что радикальные взгляды неприемлемы для преподавателя юрфака ни в Германии, ни в России. На этот раз против факультета не были приняты санкции, но было потеряно много времени и энергии, и пришлось опять начать поиски достойного кандидата на новую кафедру.

На общем положении комплектации кафедр отразилось то, что в 1817 г. были увеличены ассигнования для Тартуского университета. Это позволило косвенно улучшить и материальное положение преподавателей. К 1820 г. юридический факультет по составу преподавателей еще далеко не соответствовал тому, о чем будущие историки будут писать как о пике юридического факультета, хотя на факультете работали уже И. Нейман и Х.Х. Дабелов.

Литература

- 1 ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 4, ед. хр. 98.
- 2 См.: Tankler H. Tartu Ülikooli õppekoosseisu kujunemisloost 19. sajandi esimesel poolel. Loodusteadused // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. - Tartu, 1985. - XVII. - Lk.101-118.
- 3 См. Шевырев С. История императорского Московского университета 1755-1855. - М., 1855.
4. См.: Лесмент Л. О первом профессоре правоведения во вновь открытом в 1802 г. Тартуском университете // Советское право. - 1978. - № 6. - С. 424-425.
- 5 Parrot G.F. Trauerrede auf Johann Ludewig Mützel am 28. Mai 1812. - Dorpat, (1812). - S. 12-13.

- 6 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета 1802-1902. / Под ред. Г.В. Левицкого. - Юрьев, 1902. - Т. 1. - С. 545-546.
- 7 Allgemeine Deutsche Biographia. - Leipzig, 1886. - Bd. 23.
- 8 Handbuch der livländischen Criminalrechtslehre von einigen Anmerkungen begleitet von. Fr. G. Bunge. - Dorpat, 1827. - IAbth. - 226 S.
- 9 ОРРК НБ ТГУ ф. 8, ед. хр. I.
- 10 Müthel J. Die Geschlechts-Vormundschaft nach livländischem Rechte. // Theoretisch-practische Erörterungen aus den in Liv- Est- und Kurland geltenden Rechten. - Dorpat, 1839. - Bd. I. - Heft I. S. 185-203.
- 11 ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 4, ед. хр. 98.
- 12 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета 1755-1855. - М., 1855. - Ч. 2.
- 13 Шевырев С. История императорского Московского университета 1755-1855. - М., 1855. - С. 363, 404-405.
- 14 Auväärt L. Sissejuhatus õiguspsühholoogiasse. - Tallinn: Eesti Raamat, 1982.
- 15 См.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России 1647-1917. - М.: АН СССР, 1958.
- 16 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета 1802-1902. / Под ред. Г.В. Левицкого. - Юрьев, 1903. - Т. II.
- 17 Ярвелейд П. Картотека читателей университетской библиотеки как источник изучения истории общественной мысли. // Вопросы истории библиотеки ТГУ.- Тарту, 1982.
- 18 См.: Hasselblatt A., Otto G. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. - Dorpat, 1889.
- 19 Deutschbaltische biographisches Lexicon 1710. - 1960.- Köln-Wien, 1970.
- 20 Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. - Göttingen: Vandenhoeck e Ruprecht. - 1967.

- 21 *Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders // Baltisch Monatschrift. - Reval, 1892. - Bd. 39.*
- 22 **Дьяконов М.А.** Из материалов по истории Дерптского (ныне Юрьевского) университета. Две записки проф. И. Г. Неймана. - Спб., 1902, - С. 1-16.
- 23 **Загоскин М.П.** История права русского народа: лекции и исследования по истории русского права. - Казань, 1899. - Т. 1.
- 24 **Рубинштейн Н.** Русская историография. - М., 1940.
- 25 Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1971.
- 26 **Сахаров А.М.** Историография истории СССР. Советский период. - М., 1978.
- 27 **Шевцов В.И.** Вопросы истории русского права в освещении Г. Эверса. // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования). - Свердловск, 1980. С. 75-76.
- 28 ЦГА ТА ССР, ф. 977 оп. юридического факультета, ед. хр. 296.
- 29 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета 1804-1904. / Под ред. Н.П. Загоскина. - Казань, 1904. - ч. II.
- 30 **Фельдман Д.И.** К истории науки международного права в Казанском университете 1804-1917. // Уч. зап. Казанского ун-та. - Казань, 1956. - Т. 116. - Кн. 13: Из истории юридической мысли в Казанском университете 1804-1956.
- 31 ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 7., ед. хр. 58.
- 32 См. об этом: **Кизяковский В.В.** К проблеме становления конституционализма в Германии (первая половина XIX в.) // Методология историко-правовых исследований. - М., 1980.
- 33 **Леесмент Л.** Юридический факультет Тартуского университета в 1802-1918 гг. // Советское право. - 1977, - № 6.
- 34 **Леесмент Л., Ярвелаид П.** О юридическом факультете и его деканах в период 1802-1918. // Советское право. - 1981. - № 4.

- 35 ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед. хр. 925. л. 4-4 об.
- 36 Snell W. Abhandlungen über verschiedene Gegenstände der Strafrechtswissenschaft. Betrachtungen über die Anwendung der Psychologie im Verhöre mit dem peinlich Angeschuldigten. - Giessen. 1819. - Erstes Heft. - Erste Abteilung.
- 37 Verzeichnis der vom 1. august 1819 zu haltenden auf der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. - Dorpat, 1819.
- 38 История Тартуского университета 1632-1982./ Под ред. К. Сийливаска. - Таллин: Периодика, 1983.

**Die Komplektierung der Kader der Lehrkräfte
der juristischen Fakultät der Tartuer Universität
in den ersten Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts.**

P. Järvelaid

Mit den Vorarbeiten für die Komplektierung der juristischen Fakultät hatte man schon vor der Wiedereröffnung der Tartuer Universität den Anfang gemacht, doch es hatte keine nennenswerten Resultate gegeben. Die Verfassung der Tartuer Universität hatte vier Professuren vorgeschrieben, von denen drei auf die Ausbildung Rechtswissenschaftler des Baltischen Gouvernements spezialisiert waren. Eine solche Struktur der Lehrstühle war bis 1820 gültig. Am Anfang des 19. Jahrhunderts, als das Komplektieren der juristischen Fakultät der Universität Tartu wieder begonnen hatte, war es erlaubt, Lehrkräfte einzusetzen, die Untertanen Russlands oder Ausländer, waren die sich in Russland sesshaft gemacht hatten. Da es hier in deutscher Sprache unterrichtet wurde, war es leichter, Lehrkräfte aus Deutschland an die Universität Tartu zu Berufen. Dabei sei vermutet, dass bis zu den zoeer Jahren meistens die Baltendeutschen eingesetzt wurden, die ihre Jahren meistens die Baltendeutschen eingesetzt wurden, die ihre Ausbildung in Europa erhalten hatten. Die 1815 in Russland begonnene Reaktionsperiode hatte die Tätigkeit der Fakultät dermassen erschwert, dass man sie praktisch neu komplektieren musste. Im Jahre 1820 aber hatte Dank der neuen politischen Lage in Russland und den Kraftanstrengungen der Lehrkräfte G. Ewers, Ch. Ch. Dabelow, J.G.J. Neumann die Steigerung des Wissenschaftlichen Potentials begonnen.

КОМПЛЕКТАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1820-1865 ГГ.

П. М. Ярвелаид

Существующая объективная потребность в уточнении и введении в устав 1803 г. изменений (новый порядок присуждения ученых степеней и др.) привела к тому, что в период ректорства Г. Эверса в 1819 г. был выработан новый устав Тартуского университета, утвержденный императором 4 июня 1820 г. По правовому положению университета он мало по существу отличался от прежнего устава и был фактически "обновлением" широкой автономии университета, к этому времени значительно урезанной многими постановлениями и распоряжениями министерства просвещения. Таким образом принятие нового устава (подтверждение автономии университета) явилось своеобразным политическим актом, который восстановил доверие к университету. Оно позволило ученым в Европе освободиться от страха перед реакцией, и Тартускому университету легче стало комплектовать кафедры иностранными учеными. О делах в Тартуском университете Европа была очень хорошо информирована. Устав 1820 года ввел нужные изменения в структуру юридического факультета, и на юридическом факультете после принятия устава функционировали: кафедра положительного государственного и народного права (Ф. Лампе); римского и немецкого права по гражданской части, общего судопроизводства и общего практического правоведения (Х.Х. Дабелов), уголовного права, уголовного судопроизводства, истории прав и юридической словесности (К.А. Шрётер); теоретического и практического российского правоведения (И. Нейман); курляндского, лифляндского и эстляндского провинциального права, теоретического и практического (Ф.Г. Бунге). На прибавившуюся в 1842 г. вторую кафедру русского права, которая стала шестой кафедрой факультета, был назначен А.С. Тобин, а на первую - А.С. Жиряев (первый по национальности русский среди преподавателей юридического факультета).

Такая структура соответствовала требованиям времени. На юрфаке господствовала историческая правовая школа, и именно в этот период достигают своего апогея две научные школы, родоначальники которых - И. Мюстель (который уже в 1812 г. скончался) по исследованию местного провинциального

права и И. Нейман, зачинатель исследования русского права на юрфаке Тартуского университета. В создании хороших условий для деятельности факультета особая роль принадлежала Г. Эверсу, которому до 30-х годов вместе с прогрессивной частью преподавателей удавалось смягчать остроту реакции в отношении Тартуского университета. Г. Эверсу, который был в хороших отношениях с графом К. Ливеном, удалось сохранить расположение К. Ливена и после 1828 г., когда тот стал министром образования. Тартуский университет работал только в условиях "умеренной реакции", что создало нормальную атмосферу для работы юридического факультета. Целеустремленной научной работе способствовало то обстоятельство, что имелся социальный заказ по исследованию истории местного провинциального права и был найден человек, который был в состоянии совершить эту огромную работу (Ф. Г. Бунге). Одновременно существовал также заказ на исследование русского права - направление, которое поощрялось политически и успехи которого в первую очередь принесли известность юристам Тартуского университета. Очень важным являлось положение, что для развития правовой науки в Тарту имелись лидеры с обширным планом разработки своей отрасли науки, авторитет которых был уже к этому времени общепризнанным. Член-корреспондент Российской Академии наук Г. Эверс и И. Нейман пользовались известностью в России, а Х.Х. Дабелов в Германии. Лидеры юридического факультета были признаны не только в научных кругах, но и в официальных, что в развитии юридического факультета играло особую роль.

В 20-30-е годы Тартуский университет в целом пользовался большим авторитетом в научном мире России. Особенно повлияло на поднятие престижа университета создание здесь в 1818 г. Профессорского института, который должен был готовить преподавателей для университетов России. Среди воспитанников института были посвятившие себя юриспруденции И.А. Ивановский, П.Г. Редькин, П.Л. Калмыков и бывший студент местного юрфака М.Г. Лунин [1, с. 74-75].

Деятельность Профессорского института в Тарту являлась частью движения, которое реализовалось по инициативе М.М. Сперанского и М.А. Балучьянского с 1827 г., когда молодых людей стали ежегодно посылать в заграничные университеты, где они обучались сначала в Берлине у Ф.К. фон Савиньи и у А.Ф. Рудорфа, а затем - в других университетах Германии, а по возвращении должны были

служить во II Отделении е.и.в. канцелярии. Именно к этим воспитаником впоследствии присоединились и П.Г. Редькин и П.Д. Калмыков.

В конце 20-х гг. XIX столетия деятельность юридического факультета Тартуского университета рассматривалась уже как альтернативная возможность в подготовке высококвалифицированных юристов для России на уровне, который был близок к тому, который надеялись получить в Берлинском университете. Во всяком случае, возможность такой роли юрфака Тартуского университета для России существует. Но с комплектацией преподавательского состава юридического факультета и после принятия устава 1820 года оставались проблемы. Ректор Г. Эверс в 1820 г. мог быть доволен, как уже было сказано, двумя кафедрами из пяти. Ректор намеревался укрепить кафедры положительного государственного и народного права и политики. Он требовал защиты диссертации от Ф. Лампе, но после кончины последнего кафедра осталась вакантной. Велась переписка, в результате которой 28 октября 1825 г. на кафедру был предложен известный международник из Тюбингена Роберт Моль, но последний отказался принять профессию в Тарту [2, с. 36 об.]. Чтобы заполнить вакансию (о постоянных трудностях комплектации кафедры речь уже шла ранее), нарушавшую нормальный процесс преподавания и косвенно отрицательно влиявшую на авторитет не только факультета, но и всего университета, юридический факультет 24 мая 1826 г. обратился в совет университета с предложением о переводе ректора Г. Эверса с философского факультета на юридический. С этим переводом был согласен и сам Г. Эверс, который был очень тесно связан с юридическим факультетом уже начиная с расследования "дела 1816 года", когда он был во главе комиссии совета, которая подробнейшим образом ознакомилась с положением на юридическом факультете. Став ректором университета (и еще до этого), как было уже показано, он все время заботился о комплектации юридического факультета перспективными учеными, которые могли бы вывести факультет из кризиса. Совет университета согласился с таким переводом.* 16 июня 1826 г. было получено также разрешение

* Перевод Г. Эверса как ректора решался на совете университета, и поэтому при его переходе на юридический факультет не был соблюден традиционный порядок избрания и сведения в журнале кандидатов на вакантные кафедры отсутствуют.

министерства. Еще до перевода на юридический факультет Г. Эверс объявил курс общего народного права и в течение нескольких лет преподавал русское государственное право [3, с. 517]. Таким образом приход сорокапятилетнего Г. Эверса на факультет был необходим для реализации плана поднятия научного авторитета юридического факультета Тартуского университета. Приход Г. Эверса был важен и потому, что И. Нейман, здоровье которого ухудшилось уже раньше, в феврале 1826 переехал в Петербург, хотя формально до конца года еще оставался профессором на факультете. К сожалению, его деятельность на юридическом факультете оказалась непродолжительной. Но нужно отметить, что не столько деятельность Г. Эверса в качестве преподавателя юрфака, сколько самое его имя и личный пример ученого оказали влияние на авторитет факультета, особенно в 1817–1830 гг.

Воспитанник прославленного в Европе Геттингенского университета Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781–1830)* являлся одной из наиболее выдающихся фигур в истории Тартуского университета, с которым он был связан с 1809 г. В 1818–1830 гг. он был ректором университета. С 1809 г. он являлся также членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а с 1826 г. – ее почетным членом. Основопологающая роль Г. Эверса в истории науки не вызывает сомнений [4, с. 59; 5, с. 70; 6, с. 63]. По выражению В.И. Шевцова, который дает в своей статье историографический обзор идей Г. Эверса, удачное применение им новых методов познания в изучении государственных и правовых отношений не только в историческом, но и в юридическом аспекте определили оригинальность исследований Эверса, а также во многом способствовали развитию науки истории русского права, основы которой были заложены в сочинениях С.Е. Десницкого. Эверса можно не без основания считать первым теоретиком историко-юридической школы. При этом нельзя забывать о том, что Эверс заметно отличался от последующего поколения историков-юристов, которые сосредоточили внимание только на изучении правовых институтов и государственных учреждений. Круг интересов Эверса был значительно шире. В русской историографии он предстает и как первый

* Он сам пользовался сокращенной формой своего имени – Густав Эверс, которое используется в исторической литературе; исключения не будем делать и мы.

теоретик родового строя, выдвинувший новую проблему – общество и общественные отношения [17, с. 179–186]. Родовая теория Эверса содержала (кроме общеисторических) также элементы социологии и философии. С полным правом Эверса можно назвать не только историком в широком понимании этого слова, но и первым в русской историографии социологом. Не будет преувеличением признание того, что ему принадлежит приоритет в определении некоторых исходных моментов философии истории [8, с. 841]. Хотя при жизни Г. Эверса еще не были ясны все достоинства его научной продукции (выводы В.И. Шевцова опубликованы через 150 лет после смерти Г. Эверса), его авторитет как ученого был уже тогда высок. Для юридического факультета, по нашему мнению, самым главным был личный пример Г. Эверса. Он умел совместить административно-педагогическую и научную работу. Одним из его правил была требовательность к преподавателям университета; тот, кто хочет преподавать, должен и сам постоянно учиться и развивать науку [9, с. 141]. Именно из этого убеждения исходили его претензии к юридическому факультету и, в частности, к его предшественнику по кафедре Ф. Лампе. Эверс сам начиная с 1814 г., с интервалом примерно в два года, издавал свои новые работы. Его “История руссов” (1816) являлась хорошим для своего времени пособием и использовалась как учебник в университетах России, в этом же году он перевел на немецкий язык и опубликовал “Русскую Правду” в редакции И.Н. Болтина (1792), а начиная с 1825 г. стали выходить переводы его работ на русский язык: в 1825 “Предварительные критические исследования для Российской истории”, в 1826 г. с его предисловием выходит работа сына И. Неймана “О жилищах древних руссов”, а уже после его смерти публикуется на русском языке в переводе И. Платонова его основной труд “Древнее русское право в его историческом раскрытии” (1835). Еще при жизни Г. Эверса, в 1829 г., под влиянием его работ профессор русского права Тартуского университета А. Рейц составил учебник, который в 1836 г. был издан в переводе на русский язык профессором Московского университета Ф.Л. Морошкиным под заглавием “Опыт истории Российских Государственных и гражданских законов”. Хотя первое учебное пособие, которое у юристов Тартуского университета появилось на русском языке, принадлежало перу И. Неймана, но, как видно из вышеизложенного, именно Г. Эверс создал почву для известности тартуских историков права не только в России, но и в Европе

(на немецком языке эти работы были сразу доступны исследователям в Европе).

Особое внимание в будущем должен занять пересмотр официальной оценки политических взглядов Эверса. Во всяком случае до 1812 г. он был радикально против крепостничества, и анонимно изданная им "Provisorische Verfassung des Bauern - Standes in Ehstland" (1805) [10, с. 287-364] стоит в антикрепостнической борьбе по своему значению, несомненно, близко к работам таких просветителей, как Г. Меркель и И. К. Петри [11, с. 165; 12, с. 131-134; 13, с. 62-63; 14, с. 17].

1830 г. был тяжелым для юридического факультета, т.к. скончались два его главных авторитета на протяжении почти двух десятилетий - Г. Эверс и Х.Х. Дабелов. К этому времени на факультете появилась плеяда новых авторитетных ученых и педагогов, но, в отличие от своих предшественников, они были уже воспитанниками своего факультета, которые выросли под влиянием той научной атмосферы, которая была создана на факультете И.Л. Мютелем, И. Нейманом, Г. Эверсом и Х.Х. Дабеловом. Наглядным выражением двух противоположных течений на юридическом факультете в Тарту стало избрание после кончины Г. Эверса на кафедру 12 декабря 1830 г. бывшего профессора провинциального права Эрдмана Густава Брёкера (1784-1854) [2, с. 44]. Прибалтийский немец Э.Г. Брёкер - первый воспитанник Тартуского юрфака, который стал профессором на родном факультете в XIX столетии. Он учился на юрфаке (1803-1805), а затем короткое время - в Гейдельберге, посвятив последующие семнадцать лет своей жизни практической юридической деятельности. Защитив в сорок один год в Кенигсбергском университете докторскую диссертацию, он получил экстраординарную профессию провинциального права в Тарту (1825). В отличие от направления, которое развивали Г. Эверс и его соратники, Брёкер был сторонником утилитарно-практической подготовки молодых юристов. Еще в 1827 г. он развил свою концепцию, издав в Риге специальную брошюру [15], которая в Тарту сразу получила самый решительный отпор от ректора Г. Эверса и декана юридического факультета Х.Х. Дабелова [16, с. 624].

Но после кончины Г. Эверса и Х.Х. Дабелова (1830) Брёкер еще на протяжении двадцати лет (6 раз был деканом) проводил как на своих лекциях, так и в руководстве факультетом свою линию, которая Эверсом была названа "противоречащей самому существу университетского преподавания", а Дабеловом - "неосновательной и юношеству пагубной"

[16, с. 624]. Брёкер был неплохим лектором, по оценке студентов, но следа в науке он не оставил. Дух научности на кафедре положительного государственного и народного права и политики (а по предмету кафедры в первый раз!) возродился лишь с приходом на кафедру в 1856 г. А.М. Бульмеринка, о котором пойдет речь далее при рассмотрении композиции факультета после принятия устава 1865 г.

После принятия устава 1820 г. самую большую реорганизацию среди всех факультетов пережил юридический факультет, а из кафедр, конечно, кафедра местного провинциального права. Из трех кафедр местного права была создана одна — кафедра курляндского, лифляндского и эстляндского провинциального права, теоретического и практического, которая на первых порах оставалась вакантной. В 1823 году чтение лекций поручается тогда еще начинающему свою научную деятельность Ф.Г. Бунге, который, не имея докторской степени, не мог занять кафедру и читал лекции по местному провинциальному праву под руководством Х.Х. Дабелова. Дабелову Ф.Г. Бунге во многом обязан за свою удачную научную судьбу. Когда Ф.Г. Бунге готовил свою докторскую диссертацию, которую защитил в Гейдельберге в 1826 г., 27 мая 1825 г. экстраординарным профессором был избран Э.Г. Брёкер [2, с. 35 об.]. Хотя Бунге, по общему мнению, превосходил Брёкера как специалист провинциального права, но из-за отсутствия свободной кафедры, куда можно было бы перевести Брёкера, Бунге оставался до 1830 г. приват-доцентом, однако его работы по истории местного провинциального права, которыми пользовались студенты в качестве учебных пособий, были общепризнаны [17, с. 2211; 18, с. 113]. Чтобы выйти из положения, сразу после кончины Г. Эверса Брёкер по предложению А. Рейца был переведен на освободившуюся кафедру положительного государственного и народного права и политики, а на место Брёкера (вначале в качестве экстраординарного профессора) 11 сентября 1831 г. был избран по предложению декана факультета А. Рейца Фридрих Георг фон Бунге (1802–1897) [2, с. 46], который уже через год стал ординарным профессором. Бунге был воспитанником Тартуского университета, его учеба совпала с периодом, когда на факультете царил научный дух. Его непосредственными учителями были Х.Х. Дабелов, И. Нейман, а также рукописи И.Л. Мютеля. Он был подготовлен в духе исторической школы права, поэтому избрание объектом исследования местного провинциального права было логично. Этому способствовал общий интерес к

изучению России (в ее рамках и Прибалтики). Так, например, его брат Александр фон Бунге (1803-1890), профессор ботаники Тартуского университета, составил книгу "Флора Эстляндии, Лифляндии и Курляндии" (1880) [19, с. 31-32]. В духе века оба брата были систематизаторами, но старший брат осуществил систематизацию законодательства. В каком-то смысле (в данной исторической ситуации) их деятельность сопоставима. Тем более в систематизации местного права имелась во всяком случае не меньшая потребность, чем в систематизации в ботанике. Для Ф.Г. Бунге существовал общественный заказ на факультете (составить научный курс местного провинциального права), а еще шире - общегосударственный заказ [20, с. 133-211; 21, с. 106-109; 22, с. 64-70].

Бунге продолжил начатое И.Л. Мютелем (но в отличие от своего предшественника он хорошо знал русский язык и был прекрасно подготовлен по русскому праву). Он успешно справился с историческим обоснованием провинциального права. Начав с истории источников и осветив ее по-научному, он затем перешел к систематической и догматической разработке местного права, сначала отдельных вопросов в своих руководствах по гражданскому праву. Бунге поставил изучение местного провинциального права на надлежащую научную высоту в противовес большинству своих предшественников, которые не могли отрешиться от чисто практических задач в изучении и изложении местного права. С этим мнением А.С. Невзорова нужно согласиться [16, с. 561-562], делая исключение лишь для И.Л. Мютеля.

После принятия всеобщего устава российских университетов 1835 г., который после длительной борьбы университета не был распространен на Тартуский университет, общая обстановка в российских университетах изменилась. Правительством был взят курс на разрыв с западноевропейским духовным и интеллектуальным миром. В Прибалтике это движение шло параллельно с попытками свертывания особого остзейского порядка.

С 1838 г. для получения кафедр в университетах признавались только дипломы учных степеней, полученных в российских университетах (в 1817-1833 в Тарту не состоялось ни одной защиты диссертации по юридическим наукам!). В 1841 г. было запрещено приглашать иностранцев на кафедры российских университетов, и министерство всячески ограничивало постановлениями и распоряжениями уставную автономию Тартуского университета. Именно в этой борьбе за автономию университета, которая

шла параллельно с борьбой остзейцев за свои привилегии), прекратилась в 1842 г. педагогическая деятельность Ф.Г. Бунге. Отказавшись принять профессуру в Казани, он вышел в отставку и продолжал до глубокой старости свои научные изыскания, которые нашли признание как в научных, так и в официальных кругах. За исследование "Введение в историю лифляндского, эстляндского и курляндского права и историю источников права" в 1849 г. ему была присуждена Академией Наук Демидовская премия [16, с. 562], после чего его работы заинтересовали руководство II отделения е.и.в. канцелярии. В 1856-1864 гг. Ф.Г. Бунге составил проект третьей части Свода местных гражданских узаконений, вступившего в силу закона с 1 июля 1865 г.* К сожалению, в оценках деятельности Ф.Г. Бунге советскими правоведами акцент до сих пор делается на идеологическом аспекте и гораздо меньше внимания уделялось культурно-историческому контексту. В историческом контексте XIX век во всех отраслях науки, в том числе и в правоведении, был периодом систематизации. Если исходить в оценке работ Бунге именно из этого (оставив и идеологическую оценку), то сегодня, когда проблемы упорядочения и систематизации законодательства вновь стоят на повестке дня, они заслуживают внимания. По нашему мнению, нужен был бы более основательный научный анализ методологической систематизации и кодификации прибалтийского частного права. Сравнительный анализ систематизаторской работы Ф.Г. Бунге с работой М.М. Сперанского по систематизации российского законодательства был бы, как представляется, ценным вкладом в изучение истории правоведения в России в XIX веке. Это было бы лептой наших историков права в расширение спектра методологических знаний при систематизации и упорядочении законодательства в стране в настоящее время [23, с. 200].

Влияние Ф.Г. Бунге не прекратилось после его ухода из университета, а через его работы, которые составляли основную часть лекций по местному провинциальному праву, оно ощущалось очень сильно не только до реформы 1889 г., но, хотя уже в более опосредованной форме, до конца существования Юрьевского университета. Деятельность Ф.Г. Бунге

* Свод местных узаконений губерний Остзейских. Часть третья: законы гражданские. Имели законодательную силу в Эстонии до 1940 г.

совпала с последним пиком в развитии местного провинциального права. После 1865 г. из-за пре-
ращения кодификационных работ по местному ост-
зейскому праву и ориентации центральных властей
на унифицирование провинциального законодательст-
ва с общеимперским судьба кафедры местного про-
винциального права не могла остаться без измене-
ний. Таким образом, хотя исследование местного
права в Тарту успешно продолжалось до 1889 г. (в
1865-1889 существовало даже две профессуры), но
деятельность ни одного из последующих профессо-
ров провинциального права по своему общему влия-
нию не может сравниться со сделанным Ф.Г. Бунге.

Закон 1838 г. внес существенные изменения в
комплектацию юридического факультета Тартуского
университета. Хотя с 1833 г. здесь восстановилась
защита диссертаций, существовала также традиция
защищать докторские диссертации в каком-нибудь из
университетов Германии, после чего защитивший по-
лучал в Тарту ординарную профессуру. С новым за-
коном уменьшилось число иностранцев, т.к. не все
желали защищать диссертации в России заново: на
это уходило время, и иностранцев не удовлетворяли
приват-доцентуры. После ухода Ф.Г. Бунге чтение
лекций по провинциальному праву было возложено на
воспитанника самого Бунге, прибалтийского немца
Карла Христиана Леопольда Руммеля (1812-1887),
который уже с 1840 г. был сверхштатным приват-до-
центом (воспитывался по методу И. Неймана), кото-
рый в 1843 г. защитил в Гейдельберге докторскую
диссертацию, которую в Тарту защитил еще раз в
1847 г. В отличие от Ф.Г. Бунге его профессорская
карьера началась поздно (ординарным профессором
был утвержден только в 1852 г.), но продлилась в
течение более тридцати лет, до 1872 года. Как
лектор он читал все отделы провинциального права,
но особое внимание уделял гражданскому праву,
внесудебной практике и гражданскому процессу. По
предложению Ф.Г. Бунге Руммель был приглашен к
участию в работах по составлению третьей части
Свода местных узаконений Остзейских губерний [16,
с. 565-569; 2, с. 56 об., 59; 24, с. 3-7]. А на
своем административном посту в должности прорек-
тора университета К.Х.Л. Руммель боролся против
распространения на Тартуский университет общеим-
перского устава 1863 г., что привело к сохранению
автономии университета и к принятию в 1865 г. ус-
тава Тартуского университета. Нераспространение
нового штата российских университетов на Тартус-
кий университет, который удвоил число кафедр,
поставило как Тартуский университет, так и юрфак

в очень тяжелое положение (см. устав 1865 года). Для преподавания местного провинциального права после 1865 года было выделено две кафедры – и это в условиях, когда на других юридических факультетах после 1863 года было 13 кафедр, а в Тарту в это же время 6 (!). Уже устав 1803 года предусматривал создать со временем на юрфаке шесть кафедр – кафедру теоретического и практического российского правоведения.

Несмотря на активную деятельность И. Неймана и Г. Эверса, до принятия устава 1820 г. формально кафедры по истории русского права не существовало. На судьбу кафедры русского права наложило свою печать то обстоятельство, что после 1812 года в преподавании русского права в Тартуском университете стали усматривать политический характер. Это в какой-то мере помогало исследователям, но, с другой стороны, создало неблагоприятный фон для восприятия студентами преподавания российского законодательства. Как видно наглядно на судьбе первых профессоров русского права в Тартуском университете И. Неймана, а также А. Рейца, негативный фон восприятия российского законодательства был довольно сильным [17, с. 220]. Но как было упомянуто при разборе деятельности И. Неймана, он придал исследованию русского права в Тарту с самого начала серьезную научную направленность, которая была поддержана Г. Эверсом и Х.Х. Дабеловом. Именно под их общим влиянием (но под непосредственным руководством И. Неймана) был подготовлен Александр Магнус Фромхольд фон Рейц (1799–1862), который успешно продолжил традиции Тартуской школы историков русского права [25, с. 83; 16, с. 586–590].

Таким образом опыт Неймана по воспитанию будущих преподавателей русских университетов, накопленный в Казани (Манасеин, Алехин), был в Тарту хорошо принят Г.Эверсом и Х.Х. Дабеловом. Именно кафедра русского права в Тарту первая начала непосредственную подготовку профессоров факультета из наиболее одаренных студентов. По примеру И. Неймана в подготовке А.Рейца, таким же образом был подготовлен Х.Х. Дабеловом Ф.Г. Бунге, но для кафедры местного провинциального права. Именно эти кафедры и требовали “специальной подготовки на месте”, т.к. ни один иностранный университет не готовил специалистов русского и местного остзейского права.

Начиная с основания специальной кафедры теоретического и практического российского правоведения в 1820 г. И. Нейману в преподавании помогал

его ученик А. Рейц. Уже в 1820 г. было представлено ходатайство о разрешении еще студенту А. Рейцу под надзором И. Неймана прочитать специальную часть российского уголовного права [16, с. 587]. Для Тартуского университета это был беспрецедентный случай. В 1824 году А. Рейц защитил в Тюбингенском университете докторскую диссертацию и 27 мая 1825 г. был избран в Тарту экстраординарным профессором [2, с. 36]. После ухода И. Неймана А. Рейц остался на кафедре один. И когда был поднят вопрос об ординарной профессуре русского права, то 26 ноября 1829 его кандидатуру выдвинули одновременно Г. Эверс, Х.Х. Дабелов и В.Ф. Клоссиус [2, с. 42 об.], что было также беспрецедентным случаем в истории факультета.

М. Дьяконов считает главной научной заслугой А. Рейца издание в 1829 г. учебника "Опыт истории русского права" [16, с. 589], который стал благодаря переводу Ф.Л. Морошкина доступным и русским студентам. По нашему мнению, из научных работ А. Рейца внимания заслуживает первое исследование по истории южнославянского права в Тарту "Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, извлеченные из их муниципальных статуты", которому в 1840 г. была присуждена Демидовская премия (первому из преподавателей Тартуского юрфака, после него эту премию получил Ф.Г. Бунге в 1849 г.). Судьба Неймана и Рейца во многом и сходна. Рейц тоже из-за состояния здоровья (почти полная утрата голоса) в 1840 г. должен был уйти в отставку. А. Рейц хотел по "методу Неймана" подготовить своим наследником прибалтийского немца Рейнгольда Бернхарда Унгерн Штернберга (1808-1884) [25, с. 157], который в 1835-1839 был приват-доцентом, но изменившаяся после 1839 г. обстановка повлияла в Тарту в первую очередь на эту кафедру. В 1839 г. сверхштатным доцентом на кафедре стал тоже прибалтийский немец, воспитанник Тартуского университета двадцатилетний Эвальд Сигизмунд Тобин (1811-1860) [25, с. 230], которому было поручено 24 февраля 1840 г. предписанием министра (не избирался!) занять кафедру русского права [26, с. 6]. Здесь впервые нарушен формальный порядок избрания профессора юрфака в XIX веке. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что 14 марта 1841 г. на кафедру русского права была выдвинута кандидатура доктора права Баукера [2, с. 55], но вопрос был уже решен в министерстве в пользу Тобина.

В 1842 году Тобин был назначен экстраорди-

нарным профессором на вновь созданную вторую кафедру русского права с обязательством читать лекции и принимать экзамены на русском языке (А. Рейц преподавал на немецком), которые он начал с 4 августа 1844 г. [16, с. 593]. Впрочем, Тобин прошел через все формальности. 17 ноября 1845 г. он стал ординарным профессором при выборах с полным соблюдением уставного порядка [2, с. 57]. Э.С. Тобин стал первым из преподавателей Тартуского юрфака, который свою докторскую диссертацию защитил в русском университете (Петербург, 1844).

Научные интересы Э.С. Тобина были связаны с работами Г. Эверса. Он посвятил свою жизнь исследованию "Русской Правды", которое, по данным М. Дьяконова, положило начало научной обработке этого памятника [16, с. 593]. После создания двух кафедр русского права в Тарту (1842) до 1846 г. первая из них оставалась вакантной, т.к. выпускник Главного педагогического института Александр Степанович Жиряев (1815-1856) был в составе последнего набора русских выпускников университетов послан для стажировки в Берлин и в Прагу. В 1846 г. он был назначен и.о. экстраординарного профессора русского права в Тартуский университет. Тридцатисемилетний Жиряев стал первым выпускником русского учебного заведения и первым русским по национальности, который стал профессором юрфака в Тарту. После защиты докторской диссертации в Петербургском университете (1850) он был в 1852 г. назначен и. о. ординарного профессора, а в 1856 г. был избран ординарным профессором юридического факультета Петербургского университета, в этом же году ему третьему из преподавателей факультета была присуждена Демидовская премия [16, с. 594- 595]. После опыта с назначением Э.С. Тобина и А.С. Жиряева даже сепаратистски настроенные круги в университете поняли, что кафедры русского права первоклассным специалистом, а не каким-нибудь остзейцем-практиком может укомплектовать сам университет. В противном случае профессора на эти кафедры назначались бы министерством. А положение в университете в этот период было напряженным, т.к. обсуждалась возможность перехода на общий устав российских университетов. После ухода А.С. Жиряева нашлась кандидатура, которая удовлетворяла оба лагеря - прибалтийский немец И.Е. Энгельманн, который проработал в университете тридцать лет и о котором будем говорить далее. Не отдавая особенного предпочтения одной кафедре перед другой, можно все же сказать, что комплектование этих кафедр считалось как для ми-

нистерства, так и для самого университета ключевым. Две остальные кафедры, о которых пойдет речь, комплектовались после 1820 г. только иностранцами, воспитанниками германских университетов [2, с. 20]. Еще до принятия устава 1820 г. создаваемую кафедру уголовного права занял приват-доцент Лейпцигского университета Карл Август Вильгельм Шрётер (1789-1821), но он скончался уже в год избрания на кафедру. Подбором преподавателей занимался тогда Х.Х. Дабелов, и, как видно из архивной переписки, в первую очередь он обращался с приглашением к преподавателям университета Галле, откуда хотел пригласить профессора Людвига Дика и доктора Луиса Пернице [2, с. 32 об]. В 1824 г. по предложению Дабелова на кафедру был избран тридцатидевятилетний профессор Тюбингенского университета Вальтер Фридрих Клоссиус (1795-1888) [2, с. 35 об]. Это был первый случай после самого Х.Х. Дабелова, что на юрфак перешел уже ординарный профессор, и здесь мог иметь значение только авторитет последнего. Клоссиус уже был известен в научных кругах, и его привели в Россию в значительной степени научные интересы. Он занялся изучением главным образом юридического содержания греческих и латинских рукописей, которые сохранились в библиотеках России. При выполнении своей главной цели он подготовил рукопись первого тома истории Российских библиотек, но в 1837 г. перешел в Гиссенский университет, не успев напечатать рукопись, и она была утеряна [27, с. 15]. Как видно и из научных интересов В. Ф. Клоссиуса, он был сторонником исторической школы права, в Тарту он основное внимание сосредоточил на преподавании римского права, а не на предметах кафедры. Именно пример Клоссиуса характерен для разъяснения сложившегося положения после увольнения В. Снелля. В. Снелль был специалистом по уголовному праву, а когда попытки Х.Х. Дабелова найти нового специалиста уголовного права не увенчались успехом, то для факультета был вызван фактически первый из сильных и признанных ученых, который был согласен приехать из Германии в Тарту. В выборе Клоссиуса сыграло свою роль и то обстоятельство, что он был по своим научным интересам близок к Х.Х. Дабелову. Дабелов его поддерживал в Тарту и в тяжелое время в личной жизни [17, с. 219].

40-е годы завершили этап, когда в комплектации кафедр на юридическом факультете непосредственно участвовали Г. Эверс, И. Нейман и Х.Х. Дабелов. Во-первых, в результате усердной работы

лидеров факультета его смогли укомплектовать молодыми и талантливыми силами, которые длительное время занимали кафедры. Воспитанники и последователи Эверса, Неймана и Дабелова больше уделяли внимание своим научным работам, чем организационной работе. Не было также возможности готовить кадры преподавателей "в запас", т.к. все кафедры были заняты, а их освобождение непредсказуемо. То поколение на факультете, которое было создано Эверсом-Нейманом-Дабеловом должно было реализовать себя в научной деятельности. Сила этого поколения (которое могло бы сравниться потом только с составом факультета, укомплектованным в 1889-1893, но которое не реализовало себя полностью из-за исторических событий) состояла в том, что оно была очень гомогенно, как бы создано "одной рукой". Кроме того, Эверсу, Нейману и Дабелову выпала редкая возможность начать фактически с нуля, когда очень многое зависит от субъективных качеств организатора и когда результаты роста очень хорошо видны и высоко оцениваются последующими поколениями.

Однако сила этого поколения юридического факультета в будущем обернулась и ее слабостью: гомогенность не давала возможности постоянному приливу новой крови (новых идей). Для объективной оценки деятельности юридического факультета нужно всегда очень пристально следить за изменением политической обстановки в обществе. И те условия, в которых в 20-е годы удалось укомплектовать факультет, больше не повторились. После 1838 г. занятие преподавательских мест усложнилось не только для иностранцев, но и для остзейцев. До этого получение докторской степени в любом из университетов Европы (только одна ученая степень), приравнивалось к высшей ученой степени в России - степени доктора. После 1842 г., особенно в 1848 г., прибытие иностранцев на юридический факультет Тартуского университета за редкими исключениями прекратилось, а воспитанники других российских университетов фактически были подготовлены только для занятий кафедр русского права. Преподавание же в Тарту заметно отличалось от преподавания в университетах России и велось до 1893 г. на немецком языке. Нельзя забывать и политические мотивы. После 1830 г., когда уже не было на факультете Неймана, Эверса, Дабелова (которые были не остзейцы, а иностранцы, приехавшие из Германии), на факультете в Тарту лидерство перешло в руки остзейцев, которые научные цели часто приносили в жертву целям политики, которая служи-

ла обоснованию остзейского сепаратизма. Поэтому борьба шла и внутри факультета. Таким образом на одном юридическом факультете образовалось как бы три фронта — остзейцы, иностранцы и правящие круги, ведущие общеимперскую политику, которая конечной целью видела преодоление прибалтийского особого порядка. Самым тяжелым было положение иностранцев (как и в XVII веке), т.к. они должны были лавировать между двумя этими фронтами или переходить на одну из сторон. Но в сложные политические моменты именно они стали жертвами репрессий. В таких случаях остзейцы и официальные власти были заодно. Таким образом именно кафедра уголовного права стала самой радикальной по составу преподавателей (до 1820—1889 г. состояла только из иностранцев). Особенно это касается периода до 1848 г., когда вообще преподаватели университетов Германии были более радикальны в своих взглядах [28, с. 269], как утверждает и Д. Бернал. После ухода Клоссиуса кафедру занял 18 мая 1837 г. двадцативосьмилетний воспитанник университетов Галле и Берлина, экстраординарный профессор Галлеского университета Карл Отто Мадаи (1809—1850) [2, с. 52; 29, с. 5], но его деятельность в Тарту продлилась недолго, уже в 1842 г. он перешел в Берлинский университет приват-доцентом. О причине перехода говорит тот факт, что в 1848 г. Мадаи принял деятельное участие в политическом движении [16, с. 523].

Нужно отметить, что как К.О. Мадаи, так и его последователь на кафедре Э. Озенбрюгген были хорошими учеными и одними из первых преподавателей этой кафедры, которые непосредственно стали изучать местное право. Активно участвовал в изучении местного права К.О. Мадаи, который работал вместе с Ф.Г. Бунге. После ухода К.О. Мадаи 28 мая 1843 г. [2, с. 56] на кафедру было выдвинуто два кандидата: тридцатичетерехлетний приват-доцент Кильского университета Эдуард Озенбрюгген (1809—1879) [30, с. 5—6 об.] и тридцатипятилетний приват-доцент Тюбингенского и Марбургского университетов Франц Виктор Циглер (1816—1888) [31, с. 6], которые и занимали эту кафедру до 1877 г. В 1843 г. предпочтение было отдано первому, но когда Э. Озенбрюгген в 1851 г. был уволен из Тартуского университета “как политически неблагонадежный”, кафедру получил Ф.В. Циглер, который первым из иностранцев для получения профессуры на юрфаке Тартуского университета принял и российское подданство.

До 1858 года была укомплектована кафедра

римского и немецкого права по гражданской части, общего судопроизводства и общего практического правоведения. Эта кафедра, которая была создана для Х.Х. Дабелова, после его кончины не могла быть занята каким-либо посредственным ученым. Тем более, что эта кафедра и в глазах остзейцев имела большое практическое значение, хотя развивать эти кафедральные отрасли правовой науки было объективно трудно. Занять кафедру Х.Х. Дабелова было почетно и для иностранцев. 3 декабря 1831 г. было выдвинуто три кандидата, из которых был избран тридцатилетний ординарный профессор Лейпцигского университета Карл Эдуард Отто (1795–1860) [2, с. 46]. В его приглашении большая заслуга принадлежит В.Ф. Клоссиусу. В лице К.Э. Отто юрфак Тартуского университета получил последнего такого известного романиста из Германии. К.Э. Отто был непосредственным учеником Г. Гуго в Геттингене и К. Савиньи в Берлине [32, с. 38–39]. К.Э. Отто, как и Э. Озенбрюгген, много внимания уделял занятиям со студентами. “Если первый издал работы тартуских студентов-юристов, то Отто организовал студенческий кружок, который позднее назывался даже «братством Отто»” [2, с. 604]. Вопрос подготовки резерва ученых прямо затронул и эту кафедру. После ухода на пенсию К.Э. Отто 17 декабря 1857 г. на кафедру была предложена кандидатура воспитанника юрфака Тартуского университета, остзейца, тридцатилетнего Оттомара Мейкова (1823–1894) [2, с. 63 об.], который проработал на кафедре до 1892 года. Здесь упомянем, однако, что уже в 1850 г. он в Тарту стал доктором римского права, в Тарту его хотели пригласить профессором, но не было вакантной кафедры, и в 1855–1858 гг. он был профессором римского права в Казани, ожидая освобождения кафедры в Тарту [33, с. 49]. В Казани он помог подготовить будущего профессора римского права А. Соколова, который был направлен в Тарту для подготовки к профессору К. Отто и который в Тарту стал магистром римского права [43, с. 14–15].

В Тарту хорошая подготовка О. Мейкова по римскому праву сразу нашла практическое применение. Он четыре года (1860–1864) посвятил тщательному рассмотрению и критике проекта третьей части свода местных узаконений губерний Остзейских, что и представил комиссии в виде доклада. Ф.Г. Бунге и комиссией этот доклад был признан выдающимся, он во многом повлиял на окончательную редакцию кодекса местного права [2, с. 609]. Эту работу можно считать самой большой научной заслугой О.

Мейкова. Значение труда О. Мейкова станет более очевидным, если добавить, что тогда как первый вариант пректа состоял из 5084 статей, то окончателный — из 4600. Но, как известно, после 1865 г. кодификация местного права Остзейских губерний была приостановлена, практически отпал общественный заказ и все больше и больше кафедра римского права в Тарту стала приобретать общетеоретическую и общеметодологическую функцию. Лучшим стимулом для работы кафедры, как показывает история, был все же социальный заказ.

Литература

1. Тамул В. О составе воспитанников Профессорского института Тартуского (Дерптского) университета 1828–1838 гг. // Тартуский государственный университет. История развития, подготовка кадров, научные исследования. / Тез. докл. — Тарту, 1982. — Т.1.: Общественные науки.
2. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 4, ед. хр. 98.
3. Левицкий Г.В. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета 1802–1902. — Юрьев, 1903. — Т. II.
4. См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. — М., 1952. — кн. I. — С. 59.
5. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949.
6. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
7. См.: Емельянова И. Историк русского права Ф.Л. Морозкин и Густав Эверс // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. — Tartu, 1987. — XIX kd.: Humanitaarteaduste koolkondade, ideede ja teooriate areng Tartu ülikoolis.
8. Шевцов В.И. Вопросы истории русского права в освещении Г. Эверса // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования) — Свердловск, 1980.
9. См.: Traat A. Johann Philipp Gustav Ewers publitsisti ja ajaloolasena // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. — Tartu, 1981. — X kd.:

Humanitaarteaduste arengust Tartu ülikoolis.

10. [Ewers G.] Provisorische Verfassung des Bauern - standes in Ehstland. // Russland unter Alexander dem Ersten. - St. Petersburg und Leipzig, 1805. - Bd. VII.
11. См.: Какх Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. - Таллинн: Ээсти раамат, 1962.
12. Лотман Ю. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Уч. зап. Тарт. ун-та. - Тарту, 1958. - Вып. 63.
13. Миллер В.О., Мелкисис Э.А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля. - М.: Юридическая литература. 1977.
14. Ruutsoo R. Kanti filosoofia Tartu ülikoolis XIX sajandi esimesel poolel // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. - Tartu, 1979. - VII kd.
15. Bröcker E.G.v. Practicum juridicum oder Wünsche, Hoffnungen, Vorschläge für die wissenschaftlich-practische Ausbildung der Juristen in Russland. - Riga, 1827. - 29 S.
16. Левицкий Г.В. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета 1802-1902. - Юрьев, 1902. - Т. I.
17. Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders (1810-1840) // Baltische Monatschrift. - Reval, 1892. - Bd. 39.
18. Траат А. 175 лет со дня рождения Ф.Г. фон Бунге // Советское право. - 1977. - N. 2.
19. См.: Танклер Х. Роль воспитанников Тартуского университета в развитии естествознания в Петербургской Академии наук. - Таллинн. Валгус, 1982.
20. Кальнынь В. Очерки истории государства и права Латвии в XI-XIX веках. Эпоха феодализма и домонополистического капитализма. - Рига: Звайгзне, 1980.
21. Егоров Ю. История государства и права Эстонской ССР. Дооктябрьский период (XII век-окт. 1917 г.) - Таллинн: Валгус, 1981.
22. Четвертков А.М. К вопросу о правовом положении западных национальных районов в составе

Российской империи в первой четверти XIX в.
// Вестник Московского ун-та. Серия XI. Пра-
во. - 1986. - N.6.

23. Ярвелаид П. День памяти Фридриха Георга фон Бунге // Советское право. - 1987. - N.3.
24. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед.хр. 1489.
25. Hasselblatt A., Otto G. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. - Dorpat, 1889.
26. ЦГИА ЭССР ф. 402 сп. 3, ед. хр. 1670.
27. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед.хр. 800.
28. Бернал Д. Наука в истории общества. - М.: Изд.-во иностр. лит., 1956.
29. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед. хр. 1031.
30. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед. хр. 1239.
31. ЦГИА ЭССР ф. 402, оп. 3, ед. хр. 1813.
32. Лесмент Л. Об одном профессоре Тартуского университета и его приезде в Тарту // Советское право. - 1980. - N I.
33. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета 1804-1904. / Под ред. Н.П. Загоскина. - Казань 1904. - Часть вторая.
34. ЦГА ТАССР ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 329.

**Die Komplektierung der Kader Lehrkräfte
der juristischen Fakultät der Tartuer
Universität in den Jahren 1820-1865.**

P. Järvelaid

Durch die Jahre 1820 angenommene Verfassung der Tartuer Universität wurden die Benennungen der Lehrstühle der Fakultät und der Inhalt des Unterrichts entsprechend dem in den Baltischen Gouvernements geltenden Pluralismus verändert. G. Ewers, Ch. Ch. Dabelov, J. G. J. Neumann und ihre Schüler F.G. Bunge, A.M.F. Reutz hatten in der Fakultät sowohl mit persönlichem Einsatz als auch mit ihrem Einfluss zur Komplektierung und Orientierung der Fakultät einen wichtigen Beitrag geleistet. Die begonnene Kodifizierung der Gesetzgebung Russlands und des Baltischen Gouvernements, die seit Ende der 30er Jahre mit dem neubegonnenen Unifizierungsprozess zusammenstieß, hatte auf die Tätigkeit der Fakultät günstig gewirkt.

ПРОФЕССОР МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И. И. ИВАНОВСКИЙ
И ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (1828-1833)

В. Э. Тамул, К. М. Нурк

Имя Игнатия Иоакинфовича Ивановского (1807-1886), профессора кафедры международного права и дипломатии Петербургского университета, связано с Тартуским университетом и Эстонией 2-ой трети XIX в. (1835-1871) тесными и разнообразными связями. Самая существенная и прямая из них заключается в том, что в 1828-1833 гг. Ивановский учился в Профессорском институте при Тартуском университете, и здесь же ему была присвоена ученая степень доктора юридических наук. Другая, косвенная связь состоит в том, что именно он, будучи деканом юридического факультета Петербургского университета, посоветовал окончившему в 1867 г. этот университет Федору Федоровичу Мартенсу, эстонцу по происхождению, специализироваться на международном праве. Впоследствии же Мартенс стал одним из самых ярких специалистов по международному праву как в области теории, так и на практике. А в 1871 г. Мартенс стал преемником своего учителя Ивановского на кафедре международного права [1].

Работе Ивановского как преподавателя и как ученого в Петербургском университете в 1835-1871 гг., когда он был профессором кафедры международного права и дипломатии, давались противоречивые оценки. В своем капитальном исследовании по истории международного права в России В. Э. Грабарь отмечает: "Благодаря своей многосторонней образованности, занимательному изложению, блестящему дару слова и одушевленной речи, И.И. Ивановский был на кафедре, по свидетельству слушателей, самым блистательным из всех юристов..." [2]. Исследователь положительно оценивает также и научную деятельность Ивановского [3].

В то же время в очерках истории Ленинградского университета Ивановского упрекают в том, что он придерживался теории официальной народности, и назван вместе с А.А. Фишером и Н.И. Бутырским "бесталанным карьеристом" [4].

С последней оценкой согласиться трудно, хотя бы уже потому, что исследование признанного историка юриспруденции Грабаря основано на обширной литературе и источниках и является гораздо более основательным и многосторонним, нежели те несколько строк в очерках по истории Ленинградского

университета, где, кроме приведенной оценки, ничего более существенного об Ивановском не сказано. Вместе с тем, ознакомление с учебой Ивановского, что является также и темой данной статьи, подтверждает ту точку зрения, что уж по крайней мере "бесталанным" Ивановского никоим образом назвать нельзя. Наряду с обзором студенческих лет Ивановского, в статье исследуются также проблемы, связанные с формированием системы преподавания дипломатии в Тартуском университете в 30-е годы XIX столетия.

Статья основана главным образом на источниках, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (далее: ЦГИА ЭССР), в фонде 402 (Тартуский университет).

И.И. Ивановский родился 24 декабря 1807 г. (даты здесь далее приводятся по старому стилю) в Минской губернии в семье коллежского советника, поляка по происхождению. Начальное образование он получил дома, затем поступил в Минскую гимназию, которую закончил с золотой медалью, и продолжил учебу на юридическом факультете Виленского (Вильнюсского) университета. Уже тогда проявилась одаренность Ивановского: во время учебы в университете он написал два исследования: "О церковных кражах" и "Об обвинении в преступлении" - оба они были отмечены. Окончив университетский курс в 1826 г. и получив степень кандидата юридических наук, Ивановский поступил на службу в Виленскую гимназию учителем истории и географии, откуда его посылают на стажировку в Московский университет, главным образом с целью лучшего овладения русским языком. В 1828 г. по рекомендации Виленского университета и по собственному желанию Ивановский становится кандидатом в списке молодых ученых и студентов - будущих слушателей Профессорского института [5].

В июне 1828 г. на основании выдержанных при Петербургской Академии наук т.н. "строгих испытаний" по юридическим и политическим наукам, а также по латинскому, французскому и немецкому языкам Ивановского сочли кандидатом, подающим большие надежды и выказавшим особые способности к политическим и административным наукам. В характеристике, данной Ивановскому ректором Виленского университета, также подчеркивалась его склонность именно к упомянутым дисциплинам. Таким образом, Ивановского включили в состав воспитанников Профессорского института, и 21 июля 1828 г. под номером 2488 он был зачислен на философский факультет Тартуского университета [6].

Более узкой специальностью Ивановского стала дипломатия. Как научная дисциплина этот предмет означал в первой половине XIX в. нечто среднее между теперешней политэкономией и экономическими и юридическими науками, будучи с одной стороны тесно связанной с камеральными науками по государственному хозяйству, а с другой — с международным правом: если международное право занималось теоретическим (юридическим) аспектом международных отношений, то дипломатия разрабатывала их практический (особенно хозяйственный) аспект.

Однако преподавание дипломатии в Тартуском университете в 1828 году и соответствующие учебные программы еще не были четко определены. В то время преподавание дипломатии входило в компетенцию камерального отделения философского факультета. Со времени вторичного открытия университета по дипломатическим наукам было защищено всего две диссертации: в 1806 г. А. фон Гартвис защитил диссертацию о торговых отношениях Англии и России и в 1825 г. К.М.А. Рихтер — о морской торговле. Обе работы защищались при философском факультете, и диссертантам присудили степень магистра философии.

Итак, упор в дипломатии делался прежде всего на экономические (камеральные) науки, чему в некоторой степени способствовало также и то обстоятельство, что в указанное время на юридическом факультете курсы по международному праву читались сравнительно редко, ибо до 50-х годов XIX в. в Тартуском университете не было преподавателя, сколько-нибудь заметного как ученого и лектора по этому предмету.

Время учебы Ивановского в Профессорском институте (1828–1833 гг.) стало в своем роде переломным в смысле понимания сути дипломатии как специальности, а также и отнесения ее к факультету. Именно в это время камеральное отделение было переведено на юридический факультет и переименовано в отделение дипломатии [8]; вместе с тем упор в преподавании был также перенесен на юридические дисциплины. При этом ни в коей мере нельзя отрицать некоторого стимулирующего влияния на этот процесс занятий Ивановского (юриста по образованию) и его соискательства степени, но в основном следует отметить заслуги профессора государственного права и политики Г. Эверса. Еще в 1827 г. Г. Эверс наметил учебный план по специальности “дипломатия”, где основной упор делался на юридические науки, но тогда совет университета не послал этот план на утверждение в

высшие инстанции [9].

В 1828 г., хотя занятия дипломатией по-прежнему еще велись на философском факультете, профессор Г. Эверс был назначен общим наставником Ивановского. Взяв свой старый план за основу, он составил, в сотрудничестве с другими профессорами юридического и философского факультетов, конкретную общую программу занятий для Ивановского. Однако совет университета рассмотрел ее лишь 22 января 1831 г., а Министерство народного просвещения утвердило ее лишь 25 февраля 1831 г. До этого времени, в течение первых пяти семестров, во время которых Ивановский прослушал основную часть лекций, он работал по рекомендациям Эверса и Э.Г. фон Брёкера, назначенного после смерти Эверса его общим наставником [10].

Программа Ивановского выглядела следующим образом:

I. Основные дисциплины:

1. История политической системы европейских стран.
2. Философия права.
3. Позитивное народное право европейских стран.
4. Позитивное государственное право европейских стран.
5. Полицейское право.
6. Политика (общее учение о государстве).
7. Дипломатия и государственная практика.
8. Внешняя политика России.
9. Российская история.
10. Русское позитивное государственное право.
11. Русское частное право.
12. Торговое и вексельное право.
13. Финансовая наука.

II. Вспомогательные дисциплины:

1. Политическая география и статистика.
2. Юридическая энциклопедия.
3. Национальная экономика.
4. Морское право.
5. Всеобщая история.

В приведенной ниже таблице, составленной на основе учебных планов и отчетов Ивановского за каждый семестр, а также по т.н. "справкам" (кратким сообщениям преподавателей о ходе занятий слушателя) [11], отражен действительный ход студий воспитанника Профессорского института. Слово "лекции" в столбце "форма занятий" означает, что Ивановский слушал лекции соответствующих препода-

вателей, предназначенные для обычных студентов; "лекции и самостоятельное чтение" означало, что, кроме слушания общего курса лекций, воспитанник прорабатывал также рекомендованную преподавателем литературу по данному предмету; и под выражением "частное наставление" подразумевается то, что по данному предмету воспитанник института общих лекций не слушал и усваивал предмет самостоятельно, путем проработки литературы под контролем преподавателя.

Штудии И.И. Ивановского в Профессорском институте

Семестр	Преподаватель	Предмет	Форма занятий
1828 II	Г. Эверс	Народное право	лекции
	"	Русская история	"
	В.М. Перевощиков К.Э. Раупах	История русской словесности Немецкий язык	" частное наставление
1829 I	Г. Эверс	Политика	лекции
	Э.Д. Фридендер	Энциклопедия политических наук	"
	"	Политическая экономия Литература о государственной экономике	" частное наставление
1829 II	Г. Эверс	Позитивное государственное право европейских стран	лекции
	К. Блюм	Русская статистика	лекции и самостоят. чтение
	Э.Д. Фридендер	Финансовая наука	"
	"	Национальная экономика	"

1830	Г. Эверс	Русское пози- тивное госу- дарственное право	лекции
	К. Блюм	Всеобщая география	"
	Э.Г. фон Брёкер	Всеобщее, рус- ское и провин- циальное мор- ское право	лекции и самос- тоят. чение
1830 II	К. Блюм	Всеобщая статистика	лекции и самос- тоят. чение
	А. Рейц	Русское вексельное право	лекции
	Э.Д. Фрид- лендер	Политическая арифметика	частное настав- ление
	" "	Тюремное дело Камералистика	" практи- кум
1831 I	Э. Г. фон Брёкер	Дипломатия	частное настав- ление
	"	История русской административ- ной системы	"
	"	Внешняя и внут- ренняя политика	"
	"	Государственная практика	"
	А. Рейц	Частное право	"
1831 II	Э.Г. фон Брёкер	Полицейское дело Всеобщее торго- вое и вексель- ное право	" "
	"	Всеобщее госу- дарственное право	"
	"	История полити- ческих систем государств	"

1831 II	Э.Г. фон Брёкер	Политические сношения Рос- сии с другими государствами	частное настав- ление
	“	Русское поли- цейское право	“
	Ф. Краузе	Всеобщая история	“

Как явствует из таблицы, студии Иванского в основном соответствовали разработанной программе и в некотором отношении были даже обширнее ее. Главную роль в этом сыграл, наряду с общими наставниками Ивановского, профессорами юридического факультета Г. Эверсом и Э.Г. Брёкером, профессор философского факультета Э.Д. Фридендер.

В студиях Ивановского можно отметить довольно большой объем самостоятельной работы, проделанной под частным наставлением. Если предметы, усвоенные аналогичным путем, составляли у других воспитанников Профессорского института примерно одну треть от общего числа дисциплин, то у Ивановского они занимали более половины (17 дисциплин из 32-х). В течение первых четырех семестров в занятиях Ивановского преобладали все же лекции либо лекции плюс самостоятельное чтение. Но и в то время многие профессора отмечали в своих “справках”, что Ивановский мало посещает лекции, однако таковое обстоятельство, как явствует по экзаменам за семестр, не повлияло на его знания отрицательно, — слушатель усвоил материал самостоятельно [12]. Посещать лекции Ивановский не мог также и из-за частых заболеваний; о них имеются сведения почти за каждый семестр. Причиной их являлся “воспалительный катар груди”, вследствие которого его легкие были очень чувствительными к погодным условиям и смене времен года. Ивановского неоднократно лечил профессор медицинского факультета Ф. Замен [13]. В связи с этим можно сказать, что частые заболевания и сравнительно слабое здоровье были, учитывая состояние здравоохранения в первой трети XIX века, отнюдь не единичным явлением среди воспитанников Профессорского института, так что главной причиной, почему на непосещение Ивановским лекций смотрели сквозь пальцы, была всетаки его способность работать самостоятельно.

К сожалению, довольно мало сведений имеется о том, какие сочинения воспитанник института читал самостоятельно под частным наставничеством и чем еще занимался конкретно. Обычно отмечалось

лишь, что воспитанник читает новейшие исследования по данной науке. Конкретные труды упоминались сравнительно редко: например, во II семестре 1830 г. Ивановский неоднократно обращался к профессору Э.Д. Фридлендеру за разъяснениями относительно сочинений английского "политэкономического писателя" Рикардо. Экзамен по тюремному делу показал, что воспитанник был знаком с сочинениями Юлиана. Ивановский проштудировал также с профессором Э.Д. Фридлендером сочинение "Об иудейской реформе" ("Sur la réforme des juifs") [14]. Профессор Брёкер рекомендовал Ивановскому читать криптографию Клюбера и его работы по европейскому народному праву, а также исследования М. Манюэля по дипломатии [15]. На камеральном практикуме (II семестр 1830 г.) Ивановский с похвальным усердием составил и блестяще прочитал доклады по сочинению Неккера "О финансовой системе Франции" ("Sur l'administration des finances de la France") [16]. В I семестре 1829 г. Ивановский представил Г. Эверсу основывавшееся на архивных материалах исследование о Лже-Дмитрии. По оценке профессора, работа была написана главным образом на основе польских источников, к которым автор, правда, подошел с некоторым пристрастием (польское происхождение!), но все же признал историческую дальновидность российской политики [17].

В оценках учебных результатов Ивановского профессора ставили на первое место именно его способность к самостоятельной исследовательской работе, прилежание и интерес к своей специальности, а также его соответствие будущей преподавательской профессии как в качестве лектора, так и в качестве ученого. Директор Профессорского института В.М. Перевошиков в своем представлении о награждении от 1829 г., poslanном министру народного просвещения, называет Ивановского в числе шести способнейших воспитанников, которыми являлись еще: проходящий курс зоологии С.С. Куторга, астрономии и математики - П.И. Котельников, медицинских наук - Ф.И. Иноземцев и Г.И. Сокольский и ботаник П.Э. Корнух-Троицкий [18]. Вообще вместе с Ивановским в первом составе воспитанников Профессорского института училось 16 будущих преподавателей-ученых. Среди них был и завоевавший впоследствии наибольшую известность Н.И. Пирогов, в 1846 г. избранный членом Петербургской Академии наук, историк М.С. Куторга (в 1848 г. также избранный в академики), один из основоположников отечественной филологии А.М. Филомафийский и др.

Довольно близкую Ивановскому специальность,

камералистику, изучали еще воспитанники первого состава Профессорского института А.И. Чивильев, П.Г. Редькин и П.Д. Калмыков. Однако двое последних в декабре 1830 г. покинули институт, чтобы продолжить учебу в Берлине [19]. Дело в том, что, параллельно с Профессорским институтом в Тарту, при Петербургском университете и II Отделении имперской канцелярии также действовала учебная группа, готовившая в основном юристов. В конце 1830 г., завершив свои штудии в Петербурге, группа юристов направилась в Берлин, чтобы совершенствоваться на юридическом факультете тамошнего университета под наставничеством профессора Ф.К. Савиньи [20]. Именно к этой группе иприсоединились соученики Ивановского П.Д. Калмыков и П.Г. Редькин.

Учеба Ивановского в Тарту по существу закончилась во II семестре 1831 г., в течение I семестра 1832 г. он занимается в основном повторением материала по предметам для сдачи экзаменов на степень.

Штудии Ивановского в Тарту – так же как и занятия других воспитанников Профессорского института – должны были завершиться докторской степенью. Для получения ее следовало показать на экзаменах весьма широкие по охвату материала и глубокие по его усвоению знания по программным дисциплинам и защитить диссертацию. Однако с докторской степенью Ивановского возникает проблема, ибо недостаточно ясно, доктором каких наук – юридических, философских либо даже дипломатических – он должен стать.

Университетский совет решением от 14 февраля 1831 г. постановил, что соискатели докторской степени по специальности “дипломатия” должны сдавать свои экзамены и защищать диссертацию перед комиссией, составленной из преподавателей юридического и философского факультетов, действовавшей при юридическом факультете [21].

При сдаче Ивановским экзаменов на степень именно это решение и было положено в основу их приема. 19 апреля 1832 г. он подал юридическому факультету заявление о намерении сдать экзамены на докторскую степень по предусмотренной программе [22]. Экзамены состоялись с 22 апреля по 8 июня 1832 г. с перерывами и заняли общим счетом 20 дней. По всем 18-ти программным предметам Ивановского экзаменовали профессора юридического факультета Э.Г. фон Брёкер, Ф. Бунге, В.-Ф. Клоссиус и А. Рейц и профессора философского факультета К. Блюм, Э.Д. Фридлиндер и Ф. Крузе. В ходе

экзаменов Ивановский отвечал устно на 63 вопроса по-латыни или по-французски и письменно на 10 вопросов по-французски на 85-ти рукописных страницах. Все экзаменаторы путем письменного голосования единогласно высказались за присвоение Ивановскому докторской степени [23].

Вопрос, о степени доктора каких же наук идет речь, возникает в связи с обсуждением диссертации Ивановского. А именно — после неоднократного продления срока, 17 ноября 1832 г. он представил юридическому факультету первоначальный вариант своей диссертации “О торговом праве” (“De libera mercantura”) [24]. После того, по всей видимости, приблизительно в конце ноября (точной даты документы не дают) профессора Ф. Бунге и В.-Ф. Клоссиус выступают с заявлением, где впервые поднимается вопрос о докторской степени Ивановского. В частности, для Бунге неясно, по какой отрасли юридической науки соискательствует Ивановский о докторской степени, ибо воспитанник не сдавал ни одного экзамена по таким основным дисциплинам, как римское и германское право, уголовное и теоретическое гражданское право, гражданский процесс, судебное уложение и история права. Поэтому Бунге находит, что Ивановскому следует присвоить степень доктора философских наук. Клоссиус также подчеркивает, опираясь на старую университетскую традицию, что Ивановскому следовало бы присвоить степень доктора философских наук, как это всегда делалось в тех случаях, когда специальность соискателя не поддавалась точному ее отнесению ни к одной традиционной области науки (юриспруденция, теология, медицина) [25].

3 декабря 1832 г., когда профессора юридического и философского факультетов обсуждают соответствие диссертации Ивановского требованиям, предъявляемым к докторским работам, оба они — как Бунге, так и Клоссиус, — учитывая ценность содержания диссертации, наряду с другими профессорами голосуют за присвоение докторской степени, но вопрос, о степени доктора каких наук идет речь, так и остается открытым.

Собрание юридического факультета по этому вопросу состоялось через два дня, 5 декабря. Там было составлено представление факультета совету университета, где говорилось о ходе штудий Ивановского и соискании им докторской степени в настоящее время и подчеркивалось, что юридический факультет против того, чтобы Ивановский, вообще всячески заслуживший присвоения ему докторской степени, получил ее в области юридических наук. И

вообще факультет считает, что в ученом мире наблюдается заставляющее весьма задуматься явление, когда лица, имеющие дипломатическое образование, вступают в должности, требующие чисто юридической подготовки. Ивановский же является весьма талантливым и подходящим для преподавания дипломатических наук человеком, вследствие чего ему следует присвоить степень доктора дипломатических наук. Однако это было бы неслыханным доселе новшеством, совершенно неизвестным в заграничных университетах и весьма редким даже в России. Поэтому в качестве разрешения проблемы факультет рекомендует Ивановскому защищать свою диссертацию все же при философском факультете и получить после защиты степень доктора философии [26].

Видимо, профессоров юридического факультета насторожило то обстоятельство, что присвоение Ивановскому степени доктора юридических наук было первым после 17-летнего перерыва, первым со времени т.н. "аферы юристов" 1816 года (когда юридический факультет незаконно присвоил докторскую степень двум лицам, не имевшим на то ровно никакого права [27]), и кроме того, работа защищалась даже не в области классических юридических наук, а в некотором роде в пограничной области.

Однако совет университета во главе с ректором И.Ф. Парротом был решительно против такого решения. Ивановский должен получить степень доктора юридических наук, поскольку основные предметы, по которым он сдавал свои докторские экзамены, относятся к сфере юридического факультета [28]. Наряду с прочими, неизвестными авторам статьи причинами можно предположить, что столь категоричное требование совета университета могло быть продиктовано также и желанием восстановить добрую славу юридического факультета Тартуского университета после происшедших эксцессов

Так или иначе, наконец 19 декабря 1832 г. Ивановский представил окончательный и доработанный вариант своей диссертации юридическому факультету и получил от факультета разрешение сдать ее в типографию. Диссертация была напечатана в 12-ти экземплярах. 31 января 1833 г. состоялся диспут, провести который ректор получил Э.Г. фон Брёкеру, поскольку декан факультета Ф. Бунге отказался от этого, а проректор А. Рейц был болен. Во время четырехчасового диспута Ивановский отвечал на очень складном и профессиональном латинском языке на возражения своих оппонентов, которыми были официально назначены проф. К.Э. Отто с юридического и проф. Э.Д. Фридендер с философского

факультета, а также кандидат юридических наук

DE
LIBERA MERCATURA,
CAPITA DUO,
QUIBUS DE BILANCIA MERCATORIA,
INTERDICTIS AC PORTORIIIS
AGITUR.

DISSERTATIO INAUGURALIS,
QUAM,
PERACTO EXAMINE DIPLOMATICO,
CONSENSU ET AUCTORITATE AMPLISSIMI
JURISCONSULTORUM ORDINIS

IN

UNIVERSITATE CAESAREA LITTERARUM
DORPATENSI,
AD GRADUM

DOCTORIS JURIS

LEGITIME OBTINENDUM

CONSCRIPSIT, ET LOCO CONSUETO PUBLICE
DEFENDET

Ignatius de Kogala Iwanowski;
LITHUANUS.

DORPATI LIVONORUM,

TYPIIS J. C. SCHÜLDMANNI, TYPOGRAPHI ACADEMICI.
MDCCCXXXIII

Титульный лист докторской диссертации
И.И. Ивановского, защищенной в Тартуском
университете в 1833 г.

Тирен, действительный студент философского факультета Вермехов и выступавший по собственной инициативе действительный студент теологического факультета Стэппенер [29].

4 февраля 1833 г. Ивановский прочел предусмотренную для намеревающихся вступить в профессорскую должность докторантов лекцию *venia legendi* на данную за день до того тему о свободе печати [30].

Как защита диссертации, так и пробная лекция, по оценкам преподавателей, еще раз засвидетельствовали о даре лектора и глубине знаний, присущих Ивановскому, и соответствовали требованиям, предъявляемым к докторской степени. Юридический факультет огласил Ивановского доктором юридических наук, и соответствующие материалы были посланы на утверждение в Министерство народного просвещения. Докторская степень была утверждена Министерством 25 февраля 1833 г., и Ивановский, наряду с другими воспитанниками, только что ставшими докторами наук, стал ожидать разрешения на стажировку за границей [31].

Подытоживая тартуский период студий Ивановского, можно сказать, что именно здесь он получил систематическую и широкую по охвату материала теоретическую подготовку к своей будущей работе.

Особое место в формировании Ивановского как самостоятельного исследователя, несомненно, принадлежит выдающемуся юристу того времени Г. Эверсу, который, наряду с Э.Г. фон Брёкером — прежде всего практиком, и Э.Д. Фридендером, специалистом в области дипломатии, по всей видимости, наиболее существенно повлиял на становление молодого ученого.

Разумеется, свое положительное влияние на Ивановского оказала и та научная атмосфера, которая царил в 20–30-е годы XIX века в Тартуском университете, а также его соученики-студенты и особенно — коллеги по Профессорскому институту, будущие ученые и преподаватели.

С другой стороны, Ивановский также сыграл свою роль для юридического факультета Тартуского университета: именно во время его учебы, а возможно, в известной степени именно под воздействием его занятий, особый упор при обучении дипломатической специальности был перенесен на юридические дисциплины. Существенным является также, что докторская степень, присужденная Ивановскому, после долгого перерыва открыла путь для защит диссертаций при юридическом факультете Тартуского университета.

Однако Ивановский был связан с Тарту и Эстонией и в гораздо более широком смысле, через уже упомянутого ранее Мартенса; как представляется, требуют дальнейшего изучения также и неопосредствованные связи самого Ивановского с Тартуским университетом в более поздний период его жизни и деятельности.

Источники и литература

1. В.В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. - Спб., 1870. - С. 153; Э. Рахумаа, П. Ярвелейд. Фридрих Фромхольд (Федор Федорович) Мартенс и юристы Тартуского университета. - Tartu ülikooli teaduslikud sidemed. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, XVI. Tartu, 1985. - Lk. 68-69.
2. В.Э. Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). - М., 1958. - С. 265.
3. Там же, с. 265-270.
4. История Ленинградского университета: Очерки. - Л., 1969. - С. 49.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. 1869-1894. - Т. I. - С. 269-270.
6. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 8; Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (Далее - ЦГИА СССР), ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 56, д. 655, л. 181, 156. 195.
7. Э. Ойссар. Диссертации, защищенные в Тартуском университете в 1802-1918 гг: Библиографический указатель. - Тарту, 1973. - С. 67 (№ 115). - С. 70 (№ 122).
8. Tartu ülikooli ajalugu / Koost. K. Siilivask. - Tln., 1982. 2. kd.: 1798-1918. - Lk. 171-172.
9. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. II 392, л. 206-207.
10. Там же, оп. 4, д. 488, л. 66.
11. Там же, д. 512, л. 23, 122, 151, 219, 248; д.

- 526, л. 36, 70, 123, 148, 219, 235, 296, 311; д. 561, л. 31, 39, 77.
12. Там же, д. 512, л. 99; д. 526, л. 91, 195, 256.
 13. Там же, д. 512, л. 18; д. 526, л. 95, 109, 212 256; д. 561, л. 23.
 14. Там же, д. 526, л. 193.
 15. Там же, д. 256-257; д. 561, л. 152.
 16. Там же, д. 526, л. 195.
 17. Там же, д. 512, л. 190.
 18. Там же, л. 213.
 19. Там же, д. 526, л. 154; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 671, л. 5.
 20. ЦГИА СССР, ф. 733 оп. 56, д. 669 л. 53; Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. I, отд. I, 1825-1838. - Спб., 1864. - С. 89-91.
 21. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. II392, л. 205-206.
 22. Там же, л. 10.
 23. Там же, л. 20-196.
 24. Там же, л. 200-202.
 25. Там же, л. 202-203.
 26. Там же, л. 205-210.
 27. Tartu ülikooli ajalugu, kd. 2, lk. 55.
 28. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 561, л. 95-100.
 29. Там же, л. 218-219.
 30. Там же, оп. 2, д. II 392, л. 214-217.
 31. Там же, оп. 4, д. 561, л. 247-248.

PROFESSOR FÜR VÖLKERRECHT DER PETERSBURGER
UNIVERSITÄT I. J. IWANOWSKY UND DIE UNIVERSITÄT
TARTU (1828-1833)

V. Tamul, K. Nurk

Zusammenfassung

I. J. Iwanowski (1807-1886) studierte 1828-1833 Diplomatie am Professoreninstitut der Tartuer Universität. Hauptsächlich unter der Leitung der Professoren G. Ewers, E. G. Bröcker und E. D. Friedländer erwarb er in Tartu eine umfangreiche theoretische Vorbereitung, die mit der Verteidigung der Doktorwürde auf dem Gebiet der Rechtswissenschaft endete.

Während seiner Studienzeit, vielleicht aber auch einigermaßen unter dieses Einflusses, wurde in Tartu beim Studium der Diplomatie das Hauptgewicht auf rechtswissenschaftliche Disziplinen gelegt.

Nach dem zweijährigen Forschungsstipendium in Berlin wirkte er 1835-1871 an der Universität Petersburg als Professor für Völkerrecht, wo er zu einem sehr guten Lektor und hervorragenden Wissenschaftler wurde. Er war auch Lehrer von F. F. Martens - eines Theoretikers und Praktikers für Völkerrecht der estnischen Herkunft.

РЕЦЕПЦИЯ РАБОТ Ф.Ф. МАРТЕНСА В ЯПОНИИ

К. Мацумура

Первая книга Ф.Ф. Мартенса по международному праву на японском языке была издана в 1900 г. Переводчиком учебника "Международное право" был доктор Шинго Накамура, который написал предисловие и снабдил издание короткой биографией Ф.Ф. Мартенса. Учебник был напечатан в издательстве, которое вошло в издательство университета Васеда. (Университет Васеда, находившийся в центре Токио, и является одним из двух старейших частных университетов в Японии). Хотя мы не имеем данных о тираже учебника Ф.Ф. Мартенса, можно утверждать, что его влияние превосходило влияние других аналогичных учебников. Учебник Ф.Ф. Мартенса мы находим, например, в списке литературы, предлагаемой для широкого круга японских читателей.

О кончине Ф.Ф. Мартенса сообщили крупнейшие газеты Японии 23 июня 1909 г. В июне 1909 г. вышла и памятная статья в журнале "Гакуто" (Журнал "Гакуто" издавался крупнейшим торговым посредником Марузеном). Токийская газета "Ниши-Ниши Шимбун" писала: "Мартенс был по своей натуре более практик, чем теоретик. Его авторитет рождался в суде. Друзья знали Ф.Ф. Мартенса как несловохотливого человека, который в этом отношении был очень похож на представителей восточных народов. В то же время общественные круги знали его как оратора, который умел убеждать публику". Журнал "Гакуто" отметил: "Доктор Мартенс, который в 1905 г. сопровождал в Портсмуте полномочного посла России господина Витте, настолько известен как специалист международного права, что едва ли найдется японец, которому не было бы известно его имя".

RECEPTION OF F.F. MARTENS WORKS IN JAPAN

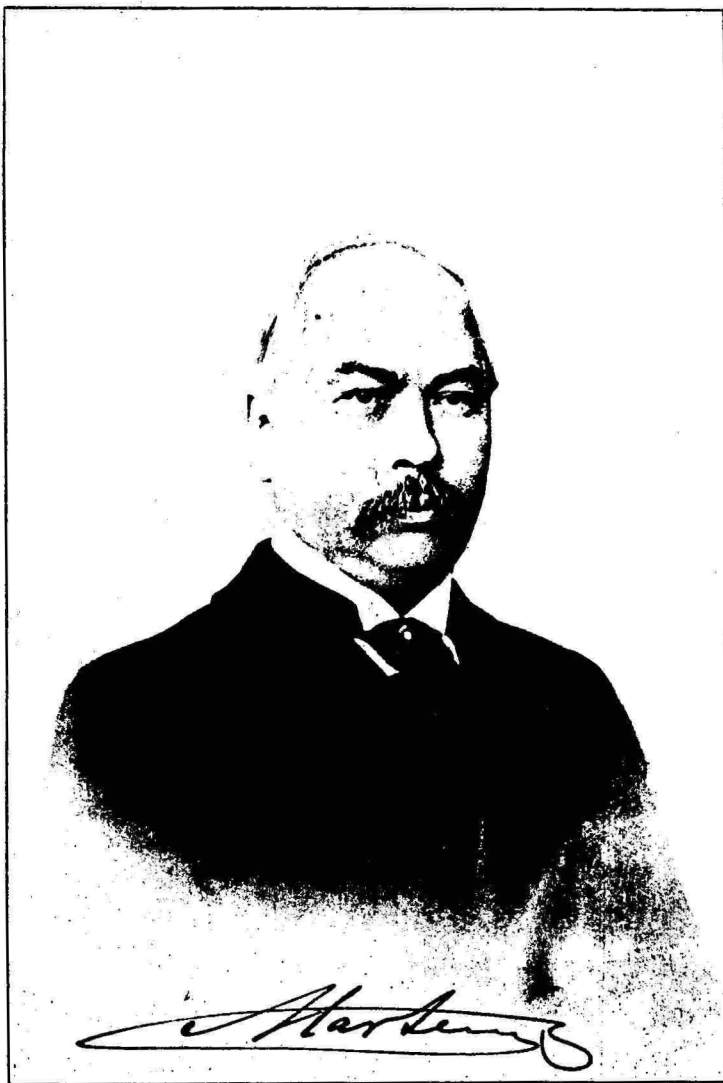
K. Matsumura

The first Japanese-language edition of Martens' work on international law was published in 1900 as *Kokusaiho* (International Law), translated by Shingo NAKAMURA (LL. D.), who also wrote the preface and a brief biography of F.F. Martens. The publisher was Tokyo Senmon Gakko Shuppanbu, presently known as Waseda Daigaku Shuppanbu (Waseda University Press) [Waseda University is located in central Tokyo and is one of the two oldest private universities in Japan].

There are no data available as to the number of copies printed then. However, it is likely that the book had a larger impression than ordinary university textbooks in those days, because it appeared as a title in the series of books intended for the general public.

Martens' death was reported on June 23, 1909 in major Japanese newspapers such as The Tokyo Asahi Shimbun, The Tokyo Nichi-Nichi Shimbun, etc. An obituary also appeared in the June 1909 issue of a small information monthly "Gakuto" published by Maruzen, one of Tokyo's major dealers in imported goods and foreign books. The Tokyo Nichi-Nichi Shimbun: "Martens was more of a man of practice than of learning. A greater part of his reputation derived from his power of influence at the court. To his family and friends, he was a man of few words, just like many of the Orientals. In public he was an eloquent* orator with persuasive power." Monthly "Gakuto": "Dr. Martens, who accompanied Ambassador Plenipotentiary sir Witte of Russia at Portsmouth, is today so famous a scholar of international law that it would be hardly possible to find a Japanese to whom his name is unfamiliar."

* o = long o vowel

俄行式ステンデルマ、ソフ、ロリド、197

Ф.Ф. Мартенс (1845-1909)

露國フリードリヒ、フォン、マルテンス著

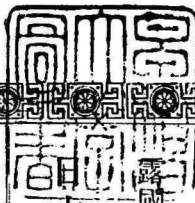
日本法學士 中村進午譯

國際法

上卷

東京專門學校出版部藏版

露國フリードリヒ、フオン、マルテンス著

本法學士 中村進午譯

早稻田
叢書

國際法

下卷

東京專門學校出版部藏版

TARTU ÜLIKOOLI KRIMINAALDIGUSE ÕPPEJÕUD WOLDEMAR VON ROHLAND

J. Sootak

Woldemar Eduard von Rohland sündis 27. märtsil (vkj)* 1850. a. Riias arsti Leo Theodor Rohlandi perekonnas. Isa (10. veebr. 1811 Tartu - 1. nov. 1877 Aakre) õppis Tartu gümnaasiumis 1821 - 1829 ja Tartu ülikooli arstiteaduskonnas 1829 - 1834, mille lõpetas meditsiini-doktori kraadiga. Pärast Tartu ülikooli lõpetamist täiendas Leo Theodor Rohland end 1837. aastani Berliini, Zürichi, Viini ja Pariisi ülikoolides, mille järel asus tööle Riia linnahaiglas. 1852. aastal asus elama oma mõisa Aakresse. Kirjanduses viidatakse Leo Theodor Rohlandi suurtele teadus- ja kultuurihuvidele ning laialdastele sidemetele kirjandus- ja kunstiringkondades, samuti isa püüdlustele igati soodustada oma laste arengut /2/.

Woldemar v. Rohland õppis Tartu gümnaasiumis 1863 - 1867, astus 1868. a. Tartu ülikooli õigusteaduskonda ning lõpetas selle 14. oktoobril 1872. a. õigusteaduse kandidaadi kraadiga **.

W.v. Rohlandi kriminaalõiguse õppejõud Tartu ülikoolis oli prof. Franz Wictor Ziegler (1816 - 1888), kes P. Pustoroslevi andmetel luges oma kursusi Anselm Feuerbachi, Albert Berneri, Karl Köstlini ja Gustav Marezolli tööde järgi /4/. On tõenäoline, et W.v. Rohland kuulas ka prof. Joh. Engelmanni (1832 - 1912) vene kriminaalõiguse loenguid.

W.v. Rohland lõpetas ülikooli ajal, mil õigusteadus Saksa kultuurialal ja kogu Euroopas oli jõudmas uude kvaliteeti. 1871. a. võeti vastu ühendatud Saksamaa kriminaalkodeks /5/. 1872. a. ilmus õigusteoreetiku, administrativisti ja kriminaalõiguslase Karl Bindingu (1841 - 1920) programmiline töö "Normid ja nendest ülestumine" /6/, mis pani aluse nn. normiteooriale õigusteaduses ning nn. hüvitusteooriale kriminaalõiguses. Saksa õigusteadlased on iseloomustanud seda perioodi

* Arhiivimaterjalid, sh. tema toimik (ENSV RAKA, f. 402, nim. 3, s. 1461 - 1462) ning tõenäoliselt selle alusel P. Pustoroslevi poolt kirjutatud artikkel G. Levitski leksikonis annavad W.v. Rohlandi sünnikuupäevaks 27. märtsi, seevastu Saksamaal väljaantud teatmeteosed 27. mai (ukj. 8. juuni) /1/.

** Kandidaadikraadi sai ta töö eest "Das Patronat nach gemeinem Rechte". Töö ise ei ole säilinud. /3/.

kui virgumist hegeliaanlikust tardumusest, mis on suu-
resti seotud K. Bindingu mõjuga /7/. Teaduslikku aktiivsust soodustas vaieldamatult ka töö kriminaalkoodeksi projektiga ning seejärel vastuvõetud koodeksi analüüs. Ei ole kahtlust, et kogu selline olukord avaldas soodsat mõju noorele kujunevale W.v. Rohlandile.

Vastavalt tollastele traditsioonidele jätkab W.v. Rohland õpinguid välismaa kõrgkoolides - Berliinis ja Leipzigris. Viimases töötab ta õigusajaloolase Otto Stobbe (1831 - 1887) juures ning võtab osa Karl Bindingu seminaridest. Tõenäoliselt sellest ajast on ka pärit W. v. Rohlandi teaduslikud ja isiklikud sidemed K. Bindinguga. Need on sedavõrd tihedad, et on alust rääkida W.v. Rohlandist kui K. Bindingu õpilasest ja mõttekaaslasest. Samuti on siin tegemist järjekordse näitega sellest, kuidas Euroopa eesrindlikud teaduslikud ideed jõudsid kõige vahetumalt Tartu ülikooli. K. Binding töötab Leipzigi ülikoolis aastatel 1873 - 1914, W.v. Rohland viibis Leipzigris 1872 - 1878. 1877. a. valitakse W.v. Rohland Leipzigi ülikooli eradotsendiks, tema habilitatsiooni juhendab K. Binding. Aastatel 1877 - 1878 loeb W.v. Rohland samas Saksa ajakirjandusõiguse kursust, mille kohta K. Binding avaldab tunnustavat arvamust /8, l. 5/. W.v. Rohlandi valimisel Tartu ülikooli kriminaalõiguse professori kohale arvestab ülikooli nõukogu K. Bindingu, endise Tartu ülikooli õppejõu Eduard Osenbrüggeni ja Alfred Merkeli soovitusi (vastavalt Leipzigris, Zürichist ja Strasbourgist) /8, l. 5/. K. Bindingu ja W.v. Rohlandi teaduslik koostöö jätkub ka pärast viimase valimist Tartu ülikooli professoriks, eelkõige tema väliskomandeeringute ajal (1881, 1882., 1884. ja 1888. a.) /8, l. 98/. Kaks W.v. Rohlandi monograafiat on pühendatud Karl Bindingule, nimelt 1877. a. Leipzigris ilmunud "Rahvusvaheline kriminaalõigus" ning samas 1905. a. ilmunud "Tahtevabadus ja selle vastased"*. W.v. Rohlandi esimene publikatsioon, monograafia Saksa võõrandamisõigusest on pühendatud õigusajaloolasele Otto Stobbele**. Ajalooalaseid töid on W.v. Rohlandil endal üksikud /10/, kuid tugev õigusajaloo-alane ettevalmistus ja huvi on võimaldanud tal hiljem juhendada mitmeid dissertatsioone õiguse ajaloo alalt***.

* Das internationale Strafrecht. Erste Abtheilung. Kritik der internationalen Strafrechtstheorien. Leipzig: Breitkopf & Bärtel, 1877 on pühendus: "Herrn Professor Dr. K. Binding zu Leipzig in Kochachtung und Dankbarkeit gewidmet"; Die Willensfreiheit und ihre Gegner. Leipzig: Duncker & Humblot, 1905 on pühendus: "Karl Binding, dem Lehrer und Freunde".

** See on ühtlasi W.v. Rohlandi Leipzigris kaitstud doktorimonograafia. Raamatus on pühendus: "Herrn Prof. O. Stobbe zu Leipzig in Dankbarkeit und Verehrung gewidmet" /9/.

*** Õigusajaloo-alaste väitekirjade kohta vt. /11/.

11. aprillil 1878. a. valib Tartu ülikooli nõukogu W. v. Rohlandi kriminaalõiguse erakorralise professori ametikohale. Valimisel seatakse tingimuseks, et ta omandab lähemal ajal magistrigrjadi mõnes Venemaa ülikoolis. 6. novembril 1887 kaitsebki W.v. Rohland Tartus magistriväitekirja /12/, 19. veebruaril 1888 samas doktoriväitekirja /13/.

Enne W.v. Rohlandi valimist luges Tartu ülikoolis kriminaalõiguse kursust F.W. Ziegler, kes töötas ülikoolis kuni 1877. a. I poolaastani (incl.)*. Sama aasta teisel semestril kriminaalõigust ei loetud. Ka järgmisel poolaastal (1878 I) on kriminaalõiguse professor ametlikult vakantne, tegelikult loeb kriminaalõiguse teooriat rahvusvahelise õiguse professor, positivist Carl Magnus Bergbohm (1849 - 1927). Viimane asendab W.v. Rohlandit ka 1882. a. I poolaastal, lugedes tema väliskomandeeringu ajal kriminaalõiguse teooria kursust. C. Bergbohm oli ka koos O. Schmidtiga ja J. Engelmanniga W.v. Rohlandi magistriväitekirja oponent. Otsemaid viiteid nende teaduslikule koostööle ei ole, kuid W.v. Rohlandi paljud tööd rahvusvahelise õiguse alalt, eriti hilisemal perioodil /15, 16, 17/ lubavad väita tema tõsisest pühendumist nimetatud õigusharule. Ei ole kahtlust, et igapäevane lävimine kolleeg C.M. Bergbohmi Tartu-perioodil ei jätnud mõju avaldamata ka W.v. Rohlandi teaduslikele vaadetele õiguspositivismi suunas.

W.v. Rohland alustab õppejõutööd Tartu ülikoolis 1878. a. II poolaastal, lugedes kriminaalprotsessi teooriat ja kriminaalõiguse allikaõpetust. Kriminaalõiguse teooria loengutega alustab ta 1879. a. I poolaastast, vene kriminaalõiguse loengutega sama aasta teisest poolaastast. Üldse loeb W.v. Rohland kriminaalõiguse teooriat kuni 1892. a. I poolaastani (incl.)kokku 15 semestrit. 1884. a. I poolaastal loeb ta erikursusena riigivastaseid kuritegusid. Kokku 17 semestrit (1879 II - 1892 I) viib W.v. Rohland läbi kriminaalõiguse praktikume. Vene kriminaalõigust loeb ta kokku 9 semestril (1879 II - 1892 I). Seega õpetas W.v. Rohland aastatel 1878 - 1892 kriminaalõiguslikke aineid kokku 43 semestrit aine nädalamahuga enamasti 2 - 4, mõnikord kuni 6 tundi.

Loengute ja seminaride sisulise külje kohta otsemaid materjale ei ole**. On aga väljaspool kahtlust, et W.v. Rohland õpetas kriminaalõigust klassikalise koolkonna seisukohtadest lähtudes, s.t. kooskõlas oma teaduslike veendumustega. Teatavasti on klassikalise koolkonna kriminaalõigusteaduse põhiprobleem isiku tah-

* Siin ja edaspidi on andmed loengute ja seminaride kohta võetud Tartu ülikooli loengute kavast /14/.

** Kriminaalõiguse õppekursusi ei ole W.v. Rohland avaldanud. Kriminaalõigusliku õppekirjandusena tuleb vaadelda kaastuste kogumikku /16/. On küllaltki tõenäoline, et ta toetus K. Bindingu ja H. Hälschneri kursustele /19, 20, 21/. Hugo Hälschnerit võib samuti pidada nimekaks õiguspositivistiks, keda W.v. Rohland luges üheks K. Bindingu teooria edasiarendajaks /22/.

tevabadus, tema täielikult vaba tahe õiguspärase ja kuritegeliku käitumise vahel valimisel. Siit tuleneb ka suur tähelepanu kuriteo subjektiivsele küljele, eelkõige süü küsimusele. Vastavalt K. Bindingu normiteooriale seisneb õigusrikkuja süü riigi poolt kehtestatud ja õigusnormides väljenduvates ettekirjutustest üleastumises. Tema kriminaalõigusliku hüvitusteooria (Vergeltunstheorie) järgi on kriminaalkaristusel ainus eesmärk korvata kuriteoga tekitatud kahju; karistusega süüdlasele tekitatud kaod ja kitsendused peavad täpselt vastama kahjule, mida süüdlane on riigile kuriteo toimempanemisega tekitanud. W.v. Rohlandi teadustööd käsitlevad kuriteoõpetuse küsimusi (põhjuslik seos, tegevusetuses seisnevad kuriteod, tahtevabadus); karistusõpetusest tal töid ei ole. Hilisemates käsitlustes rõhutatakse W.v. Rohlandi tasakaalukust, sisemist selgust, kindlaid veendumusi ja kõlbelis-religiooset natuuri/7/. Mitmed W.v. Rohlandi tööd viitavad tema sügavatele kultuuri- ja ajaloo huvidele, samuti akadeemilisele huvile poliitika vastu /23, 24, 25/. W.v. Rohlandi poliitiliste vaadete kohta andmeid ei ole, baltisaksa küsimuses asus ta aga konservatiivsetel seisukohtadel /26/. On mõistetav, et kõik ülalnimetatud isikuomadused ja vaated kajastusid ka õppejõu loengutes.

Päritolust ja tollaegsetest traditsioonidest tulenevalt suhtles W.v. Rohland Lääne-Euroopa, eelkõige Saksamaa kõrgkoolide ja teadlastega. Kuid arusaadavalt oli ta kursis ka vene õigusteadlaste töödega, hinnates N. Tagantsevi ja N. Sergejevski töid õiguspositivistliku kriminaalõigusteooria edasiarendamisel /27/. 1890. a. osaleb W.v. Rohland Peterburis rahvusvahelisel põnitentsiaarkongressil, esinedes ettekandega jooobeseisundi kriminaalõiguslikust tähendusest /28/.

1884. a. algas Venemaa kõrgkoolireform, mis viiakse Tartu ülikoolis läbi aastatel 1889 - 1895. Eelkõige tähendas see üleminekut venekeelsele õppetööle. Sakslastest professorid lahkusid. 5. märtsil 1891. a. teatas Tartu õpperingkonna kuraator N. Lavrovski Tartu ülikooli rektorile: "... pidades silmas, et kriminaalõiguse professor von Rohland ei ole võimeline pidama loenguid vene keeles, ... pean ka vajalikuks usaldada nimetatud aines loengute lugemine õiguse entsüklopeedia dotsendile hr. Zatšinskile" /29/. Tartu õpperingkonna kuraatori käskkirjaga 3. septembrist 1892. a. vallandati W.v. Rohland kriminaalõiguse erakorralise professori ametikohalt 20. augusti 1892. a. seisuga ning määrati samast kuupäevast kriminaalõiguse erakorraliseks professoriks P.P. Pustoroslev /29/.

Loengute kava järgi otsustades hakkas dots. A. Zatšinski lugema vene kriminaalõiguse üldteooriat 1891. a. II poolaastal (4 tundi nädalas). Ka 1892. a. I ja II poolaastal loeb A. Zatšinski vene kriminaalõigust. W.v. Rohland loeb 1892. a. I poolaastal kriminaalõiguse teooriat (2 tundi nädalas kursuse lõpetamiseks) ning vene kriminaalõigust üliõpilastele, kes olid immatriku-

leeritud enne 1899. a. augustikuud /30/. Tõenäoliselt lugesid W.v. Rohland ja A. Zatšinski kriminaalõigust paralleelselt.- esimene kriminaalõiguse teooriat ja vene kriminaalõigust saksa keeles, teine vene kriminaalõigust vene keeles. Alates 1893. a. hakkas kriminaalõigust lugema prof. P. Pustoroslev.

Pärast Tartu ülikoolist lahkumist valiti W.v. Rohland Freiburgi (Breisgau) ülikooli korraliseks kriminaalõiguse professoriks, kus ta töötas kuni pensioneerumiseni 1. oktoobril 1919. a. Korralise auprofessorina (Honorarprofessor) luges ta õppeülesande korras kriminaalõiguse, rahvusvahelise õiguse ja õigusfilosoofia kursusi kuni 1936. a. kevadsemestrini /32/.

W.v. Rohland suri 18. detsembril 1936. a. Freiburgis.

Alfäkad. Kirjandus. Märkused

1. Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710 - 1960. Köln, Wien: Böhlau, 1970, S. 639.
2. Rigasche Biographien.-Riga, 1884. - Bd. 3. - Lk. 223.
3. ENSV RAKA, f. 402, nim. 3, s. 1461. - Lk. 2 - 3.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета 1802 - 1902 / Под ред. Г.В. Левицкого. - Юрьев, 1902. - Lk. 530.
5. Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. - Berlin, 1872.
6. Binding K. Die Normen und ihre Übertretung. - Leipzig: Engelmann, 1872, 1877. - Bd. I, II.
7. Nagler J. Woldemar von Rohland // Akademische Mitteilungen (Freiburg i. Br.), 1925. - Vierte Folge - I. Sem. - Lk. 4; 5.
8. ENSV RAKA, f. 402, nim. 3, s. 1461.
9. Rohland W.v. Zur Theorie und Praxis des Deutschen Enteignungsrechts. - Leipzig: Bilder, 1875.
10. Vt. näit. Rohland W.v. Historische Wandlungen der Religionsverbrechen. - Freiburg i. Br., 1902.
11. Württenberger T. Die Strafrechtswissenschaft in der Geschichte der Freiburger Rechts- und Staatswissenschaftlichen Fakultät. // Aus der Geschichte der Rechts- und Staatswissenschaften zu Freiburg i. Br. Freiburg: H.J. Wolff, 1957. - Lk. 40.
12. Rohland W.v. Die strafbare Unterlassung. - Dorpat: Mattiesen; Leipzig: Hinrichs, 1887. - Erste Abth.
13. Rohland W.v. Die Gefahr im Strafrecht. / Zweite, vermehrte Auflage. - Dorpat: J. Klarow; Leipzig: Hinrichs, 1888.

14. Verzeichniß der Vorlesungen aus der Keiserlichen Universität zu Dorpat. - Dorpat: Mattiesen, 1878 - 1892.
15. Rohland W.v. Völkerrechtsquellen. Zum akademischen Gebrauch II / VI Aufl. - Freiburg: Troemer, s.a.
16. Rohland W.v. Grundriß des Völkerrechts / 3. Auflage. - Freiburg, 1913.
17. Rohland W.v. Entwurf eines Abkommens zum Schutz des Verkehrs der Neutralen in Seekrieg. Ein Vorschlag. - Freiburg, 1916.
18. Rohland W.v. Strafrechtffälle. Zum akademischen Gebrauch. - Leipzig: Duncker & Humblot, 1902.
19. Binding K. Die gemeinen deutschen Strafgesetzbücher. - Leipzig: Engelmann, 1874.
20. Binding K. Grundriß des gemeinen deutschen Strafrechts. - Leipzig: 1890.
21. Hälschner H. Das gemeine deutsche Strafrecht. - Bonn, 1881, 1884, 1887. - Bd. I, II.
22. Rohland W.v. Die strafbare Unterlassung. - Dorpat: Mattiesen, Leipzig: Hinrichs, 1887. - / Erste Abth. - Lk. 94 - 107.
23. Rohland W.v. Vermutungen zur griechischen Kunstgeschichte und zur Topographie Athens // Ad sollemnia Caesareae Universitatis Dorpatensis. - Dorpat: Schnackenburg, 1884.
24. Rohland W.v. Der Frieden mit Rußland. Erwägungen und Vorschläge. - Freiburg, 1916.
25. Rohland W.v. Der Frieden mit Rußland. Friedensvorschläge I.-Freiburg, 1918.
26. Rohland W.v. Das baltische Deutschtum. Ein Vortrag. Leipzig: Duncker & Humblot, 1906.
27. Vt. lāhemalt; Rohland W.v. Die strafbare Unterlassung. - Dorpat: Mattiesen; Leipzig: Hinrichs, 1887. - Erste Abth. - Lk. 94 - 107.
28. IV internationale Gefängniskongreß 15. - 24. Juni 1890 in St. Petersburg // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. - 1895. - Bd. XV. - Lk. 694, 794 - 797.
29. ENSV RAKA, f. 402, n. 9, s. 133, l. 4, 11.
30. Verzeichniß der Vorlesungen aus der Keiserlichen Universität zu Dorpat. - Dorpat: Mattiesen, 1891. - Lk. 3, 31, 2.
31. Verzeichniß der Vorlesungen aus der Keiserlichen Universität zu Dorpat. - Dorpat: Mattiesen, 1892. - Lk. 2.
32. Freiburgi ülikooli õigusfilosoofia ja kirikuõiguse seminari professor Alexander Hollerbachi kiri 23. jaanuarist 1987. a. viitega Freiburgi ülikooli loengute kavale. (Kiri on autori valduses.)

PROFESSOR DES STRAFRECHTS AN DER TARTUER UNIVERSITÄT WOLDEMAR VON ROHLAND

J. Sootak

Z u s a m m e n f a s s u n g

Woldemar Eduard von Rohland war am 27. März (a. St.) in Riga geboren (die Archivalen und wahrscheinlich der darauf fußende Aufsatz von Prof. P. Pustoroslev im Levitski-Lexikon halten den 27. März für den Geburtstag von W.v. Rohland, die spätere in Deutschland erscheinenden Quellen, z. B. Deutschbaltisches Lexikon oder Kürschners Deutscher Gelehrten-Kalender, dagegen den 27. Mai nach a. St. oder 8. Juni nach n. St.).

Der Vater von W.v. Rohland, Leo Theodor R. besuchte das Gymnasium zu Tartu (Dorpat), studierte dann in derselben Stadt an der medizinischen Fakultät der Universität, die er mit dem Grad Dr. Med. absolvierte. Danach hielt er sich mit seiner Familie im Auslande auf, um seinen Söhnen bessere Entwicklungsmöglichkeiten zu bieten.

Woldemar v. Rohland lernte am Tartuer Gymnasium von 1863 bis 1867, studierte an der juristischen Fakultät der Universität Tartu von 1868 bis 1872 und absolvierte sie als Cand. Jur. ("Das Patronat nach gemeinem Rechte"). Seine Lehrkraft des Strafrechts war Prof. Franz Wictor Ziegler (1816 - 1888), der sich in seinen Vorlesungen, nach P. Pustoroslev, auf die Werke von Anselm Feuerbach, Albert Berner, Karl Köstlin und Gustav Marezoll berief. Anschließend besuchte W.v.R. auch die Vorlesungen für russisches Strafrecht von Prof. Joh. Engelmann.

Im Jahre 1871 wurde das neue Deutsche Strafgesetzbuch herausgebracht, 1872 erschienen "Die Normen und ihre Übertretung" von Karl Binding. Die Bindingsche Normen- und Vergeltungstheorie gab eine starke Anregung für die Entwicklung der Rechtswissenschaft in Deutschland und in ganz Europa. Bekanntlich war es eine Zeit, in der die deutsche Strafrechtswissenschaft aus der Erstarrung des Hegelianismus erwachte und einen großen Aufschwung nahm. Zweifellos hatte solche Lage auf dem jungen, sich entwickelnden W.v.R. eine Wirkung ausgeübt.

Woldemar v. Rohland setzte sein Studium in Berlin und Leipzig fort. In Leipzig arbeitete er unter der Leitung von Prof. Otto Stobbe und Prof. Karl Binding. Es ist anzunehmen, daß aus dieser Zeit die engen wissenschaftlichen und persönlichen Beziehungen zwischen W.v. Rohland und K. Binding stammen. W.v. Rohland arbeitete in Leipzig in den Jahren 1872-

1878 und K. Binding in den Jahren 1873 - 1913. 1877 hatte W.v. Rohland sich bei K. Binding habilitiert. In den Jahren 1877 - 1878 liest W.v.R. an der Leipziger Universität den Kursus für deutsches Presserecht, worüber sich K. Binding später anerkennend ausließ. Beim Wählen W.v. Rohland zum außerordentlichen Professor für Strafrecht an der Tartuer Universität hat das Universitätskonsilium die Empfehlungen von K. Binding, E. Osenbrüggen und A. Merkel berücksichtigt. Zwei Werke von W.v. Rohland sind K. Binding gewidmet ("Das internationale Strafrecht", Leipzig, 1877 und "Die Willensfreiheit und ihre Gegner", Leipzig, 1905). Auch später hat W.v. Rohland seine Beziehungen zu K. Binding weiter gepflegt, besonders während seiner wissenschaftlichen Dienstreisen in den Jahren 1881, 1882, 1884 und 1888. Diese Beziehungen waren derart eng, daß wir einen triftigen Grund haben, W.v. Rohland als einen Schüler und Nachkommen, einen Mitarbeiter und Gesinnungsgenossen von K. Binding anzusehen. Gleichzeitig gibt es ein Beispiel dafür, wie die europäischen wissenschaftlichen Ideen unmittelbar in die Tartuer Universität eindrangen.

Am 11. April 1878 wurde W.v. Rohland zum außerordentlichen Professor für Strafrecht an der Universität Tartu gewählt. Außerdem hat das Konsilium der Universität einen Antrag darauf gestellt, daß W.v.R. in nächster Zeit an irgendeiner Universität Rußlands den Magistergrad erlangt. Am 6. November 1887 wurde W.v.R. zum Magister und am 19. Februar 1888 zum Doktor promoviert.

Vor W.v. Rohland wurde das Strafrecht an der Universität Tartu bis zum 1. Halbjahr 1887 von Prof. F.W. Ziegler gelesen. Im zweiten Halbjahr hatten diese Vorlesungen nicht stattgefunden. Auch in der 1. Hälfte von 1888 war die Professur des Strafrechts offiziell erledigt, in der Tat jedoch wurde das Strafrecht von Carl Magnus Bergbohm, dem Professor für internationales Recht, einem hervorragenden Rechtspositivisten, gelesen. Er vertrat W.v. Rohland auch während dessen ausländischer Dienstreise im 1. Halbjahr 1882. C. Bergbohm war zusammen mit O. Schmidt und Joh. Engelmann Opponent der Magisterdissertation von W.v. Rohland. Es ist allerdings nicht nachweisbar, ob es zwischen W.v. Rohland und C. Bergbohm wissenschaftliche Kontakte gegeben hatte. Doch läßt die gemeinsame tägliche Lehrtätigkeit auch gemeinsame wissenschaftliche Ansichten und beiderseitige Wirkungen vermuten.

W.v. Rohland hat die Vorlesungen und das Praktikum für Strafrecht (vorwiegend über die Theorie des Strafrechts, aber auch das russische Strafrecht) insgesamt 43 Semester durchgeführt (von 1878 II bis zum 1892 I). Zudem hat er das Strafprozeßrecht (20 Sem.) und das Praktikum für Zivilrecht (2 Sem.) durchgeführt. Internationales Recht hat W.v. Rohland in Tartu nicht gelehrt. So ist auch Gegenstand seiner wissenschaft-

lichen Werke in der Tartuer Periode nicht das internationale Recht, sondern das Strafrecht.

Wenn es auch keine Angaben über den Inhalt der Lektionen von W.v. Rohland gibt, steht es doch außer Zweifel, daß seine Vorlesungen auf den Konzeptionen der klassischen Strafrechtsschule beruhten. Es ist durchaus möglich, daß er sich auf die Werke von K. Binding und H. Hälschner stützte. In der Literatur weist man auf die innere Klarheit und Geschlossenheit, gewissenhafte Objektivität und sittlich-religiöse Natur von W.v. Rohland hin. Mehrere Werke von W. v. Rohland zeugen von seinem tiefen Interesse für die Kultur und Geschichte.

Im Jahre 1884 begann in Rußland die Hochschulreform (in Tartu 1889 - 1895). Deutsche Professoren verließen die Tartuer Universität. W.v. Rohland letztes Semester in Tartu war im ersten Halbjahr von 1892, in dem er seinen Kursus über die Theorie des Strafrechts für die deutschen Studenten, die vor dem August 1889 immatrikuliert worden waren, abschloß.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВОЛЬДЕМАР ФОН РОЛАНД

Я. Соотак

Р е з ю м е

Вольдемар фон Роланд родился 8 июня (по новому стилю) 1850 года в Риге в семье врача. Он учился в Тартуской гимназии в 1863 - 1867 годы, поступил на юридический факультет Тартуского университета и окончил университет 14 октября 1872 года со степенью кандидата наук. В это время преподавателем уголовного права в Тартуском университете был Франц Виктор Циглер (1816 - 1888), который, по данным П. Пусторослева, читал свой предмет по работам Ансельма Фейербаха, Альбрехта Бернера, Карла Кестлина и Густава Марецолля. Вероятно, В. Роланд слушал также лекции по русскому уголовному праву проф. Й. Энгельманна.

В. Роланд окончил университет во время существенных перемен в области уголовно-правовой науки в Европе. В 1871 году был принят новый уголовный кодекс Германии, в 1872 году вышла работа Карла Биндинга "Нормы и их нарушение". Все это оказало положительное влияние на развитие молодого Роланда. Согласно традициям, он продолжает учебу в зарубежных университетах - в Берлине и Лейпциге. В последнем он работает под руководством историка права Отто Штоббе (1831 - 1887) и Карла Биндинга (1841 - 1920). Вероятно, именно с тех пор можно говорить о тесных личных и научных взаимоотношениях между Роландом и Биндингом. Роланда можно считать одним из учеников и преемников Биндинга. Именно он стал непосредственным проводником передовых научных идей теории уголовного права Европы в Тартуском университете.

В. Роланд избирается на должность экстраординарного профессора уголовного права Тартуского университета 11 апреля 1878 года при условии, что он приобретет степень магистра в одном из университетов России. В 1887 году В. Роланд защищает в Тарту магистерскую, а в 1888 году там же докторскую диссертацию.

В. Роланд читал в Тартуском университете теорию уголовного права, русское уголовное право и уголовный процесс, а также проводил практические занятия по уголовному праву, работая в

университете с 1878 по 1892 год.

По своим научным взглядам В. Роланд был последовательным сторонником классической школы уголовного права. В своих научных трудах он рассматривал проблемы учения о преступлении (преступное бездействие, свобода воли и др.).

В. Роланд общался с учеными Европы, в первую очередь Германии. Но он был также в курсе работ русских ученых, высоко оценив роль Н. Таганцева и Н. Сергеевского в развитии теории уголовного права. В 1890 году В. Роланд участвует в международной конференции пенитенциарного права в Петербурге.

В 1892 году В. Роланд уходит из Тартуского университета, так как там начинается переход на русский язык обучения и делопроизводства.

После ухода из Тарту В. Роланд избирается на должность профессора уголовного права в Фрейбургском университете (Брайзгау), где он работает до ухода на пенсию 1 октября 1919 года. Он умер 18 декабря 1936 года.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СУД ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XIX СТОЛЕТИИ

Ю. А. Егоров

В данном изложении основное внимание сосредоточено на историко-юридическом обзоре развития структуры и делопроизводства Тартуского (Юрьевского, Дерптского) университетского суда в XIX столетии.

Университетские суды возникли еще в XII-XIII веках в Западной Европе в качестве составной части юридического иммунитета высших учебных заведений. По примеру Парижского университета соответствующие привилегии распространились и на другие университеты [1, с. 44-48].

В Тарту университетский суд зародился вместе с университетом в 1632 году и был аналогичен суду университета Упсалы, ибо оба университета имели одну и ту же правовую основу - привилегии 25 июня 1624 года [2, с. 20 и др.].

В соответствии с этими привилегиями до 1710 года университет имел право разбирать судебные дела (за исключением серьезных уголовных дел) не только профессоров и служащих, но также и их жен, детей и прислуги. В соответствии с этим данное право предполагало наличие при университете своей тюрьмы (карцера) и вахмистра.

В середине XVIII века активно обсуждался вопрос о правовом статусе планируемых университетов России [3, с. 4 и др.]. Университетский суд в Тарту был восстановлен в 1802 году на тех принципах университетской автономии, которые имели место и в XVII веке. Это довольно широкая автономия, сохранявшаяся до 1889 года, причем за этот период она претерпела значительные изменения в сторону развития.

При рассмотрении университетского суда в системе местных сословных судов обнаруживается крайняя противоречивость его деятельности [4]. Сохраняя признаки сословного суда, он в то же время являлся защитником и демократически настроенной части профессорско-преподавательского состава, и студенчества от реакционных устремлений царского абсолютизма и реакционной части местного остзейского дворянства [5].

Под общим названием "университетский суд" в Тартуском университете XIX столетия в соответствии с уставом 1803 года подразумевался: 1) университетский суд; 2) ректорский суд; 3) "апелля-

ционный суд" – университетский совет (до 1861 года) в качестве апелляционной инстанции по судебным делам и в дальнейшем – специальный апелляционно-ревизионный суд [6].

Университетский суд, как и в XVII веке, состоял из профессоров. Согласно § 6 Устава 1803 года университет имел "исключительно полную местную расправу, суд и начальство над всеми членами своими".

Ректорский суд (нем. Rektoratsgericht) был первой инстанцией университетского суда и состоял из одного лишь ректора. Ректор единолично разбирал дисциплинарные проступки студентов в узком смысле слова и решал дела по взысканию незначительных долгов. Ввиду такой компетентности наложенные ректором выскания были незначительны [7 с. 188–189]. Ректор мог лишить студента академических прерогатив, то есть формы и шпаги. Этим студент лишался академической полицейской защиты и поступал в подчинение общегородской полицейской власти [8]. На основании Правил о студентах Тартуского университета 1869 года эти полномочия из компетенции ректора были переданы в компетенцию проректора.

Университетский суд (нем. Universitätsgericht) в качестве суда первой инстанции рассматривал официальные расследования по поручению совета и правления университета относительно разного рода прошений и жалоб со стороны "академических граждан" или их касающихся, более или менее значительные дисциплинарные проступки, долговые претензии, дела о наследстве и т. д. В 1838 году было решено, что дела о поединках между студентами также входят в компетенцию этого суда. Структура университетского суда была определена уставами 1803 и 1820 годов. Университетский суд состоял из председателя суда, которым до 1820 года являлся ректор, и членов суда. Постоянными членами университетского суда были декан юридического факультета и синдик (университетский чиновник по решению правовых вопросов), которые назначались по должности, а на два остальных места поочередно избирались два декана других факультетов. Один из деканов назначался секретарем университетского суда.

Правом созыва университетского суда обладал ректор. В качестве председателя суда ему принадлежал и решающий голос при голосовании. Правом созыва чрезвычайного заседания университетского суда обладали также и другие члены суда, но в таком случае ректор в заседании суда не участвовал.

Согласно изменениям Устава 1820 года постоянными председателями университетского суда были провозглашены декан юридического факультета и синдик. Обязанностью ректора продолжал оставаться созыв заседания суда. Синдик также приобрел решающий голос. Подобная структура университетского суда просуществовала до 1889 года.

Университетский совет в качестве апелляционного суда (нем. Apellationsgericht) был высшей судебной инстанцией Тартуского университета. В его компетенцию входили более важные гражданские и уголовные дела и дисциплинарные проступки.* Кроме того, он являлся апелляционным судом для университетского суда. Совет университета как апелляционный суд собирался особенно часто в 1807-1819 годы. Так, в 1807 году состоялось 29 совещаний, в 1808 - 10; в 1809 - 21; в 1810 - 45; в 1811 - 53, в 1812 - 97, в 1813 - 45, в 1814 - 57, в 1815 - 31, в 1816 - 20, в 1817 - 24, в 1818 - 19 и в 1819 году - 22 [7, с. 189 и 462]. В 1861 году был создан университетский и ревизионный суд.**

Согласно "Правилам для учащихся в Императорском Дерптском университете" 1803 года в § 20 предусматривался также и так называемый "суд чести". Однако первые сведения, свидетельствующие о его существовании, относятся лишь к 1803 году [7, с. 190]. Тогда он состоял из двух профессоров (одним из них был ректор), избранных университетским советом, и двух избранных от студенчества студентов. Председательствовал ректор. Поскольку поединки считались тяжким уголовным преступлением, дела о поединках не подлежали компетенции университетского суда. Однако в 1838 году было принято решение, согласно которому дела о поединках между студентами были включены в компетенцию университетского совета.*** С целью предотвраще-

* Согласно § 30 Устава жалобы на решения Университетского совета в качестве наивысшего судилища в дозволенных случаях поступают только в Сенат.

** Об утверждении апелляционного и ревизионного суда Дерптского университета (Минист. распоряж. 13/1 1861) [9, с. 5].

*** Правила для корпораций студентов Дерптского университета 1855 г. § 16 [10, с. 41].

ния поединков в 1841 году был образован "суд чести" (нем. Ehrengericht) в составе особых "судей" из корпораций, в компетенцию которых входили вопросы, связанные с "ущемлением чести", и посредничество, имеющее целью примирение. Решение этого суда не подлежало апелляции. В корпорациях также были свои "судьи чести" (Ehrengerichter), которые пытались примирить и предотвратить поединки. Наравне с официальными - открытыми судами возникают (в корпорациях) и неофициальные "суды чести", так называемые Burschengericht'ы, охватывающие как студентов, так и лиц, окончивших университет и состоящих в корпорации.

С 1838 по 1889 годы в отношении студентов действовал суд синдиката (нем. Syndicatsgericht) - более широкая по сравнению с университетским судом инстанция. В компетенцию последнего входили маловажные финансовые дела (долги, векселя, завещания, компенсация за нанесенный ущерб, алименты) [11].

Что касается делопроизводства в университетском суде, то важную роль в нем играл нотариус университета. Последний следил за порядком в делопроизводстве архива и под контролем синдиката составлял всевозможные необходимые для судопроизводства докуметны. Отчеты же были возложены на синдиката.

На этих принципах Тартуский университетский суд функционировал до 1889 года.

Компетенция Тартуского университетского суда

На протяжении всего периода деятельности Тартуского университетского суда его компетенция не подвергалась принципиальным изменениям. Однако круг уголовных и гражданских дел, подлежащих его рассмотрению, не всегда был четко очерчен.* Юрисдикции суда подлежали все лица и члены их семей, состоящие на службе в университете. Это обстоятельство заставляло университетский суд заниматься самыми различными жалобами и заявлениями, которые поступали от лиц, связанных с университетом, или против таковых. Такими делами были: нарушение дисциплины, долговые претензии, наслед-

* О сложном применении гражданских и уголовных законов в Прибалтике см. работы Ю.А. Егорова [12].

ственные дела, дела по опеке и т. п. [7, с. 188]. Спорные вопросы, иски и т. п., возникавшие между членами университетского коллектива, а также между членами университетского коллектива и лицами, не связанными с университетом, обсуждались на заседаниях университетского суда. В случае необходимости они могли быть переданы обычным судам. Даже при совершении тяжкого хулиганства студент подлежал передаче университетским властям — университетским блюстителям порядка педелям (нем. *Peделе* — ироничное “пудель”), которые, в свою очередь, доставляли его к ректору. В 1829 году были назначены один старший педель и два младших. В 1836 году для педелей были учреждены особые “инструкции”, согласно которым следовало осуществлять проверку поведения студентов. В соответствии с “инструкцией” каждый педель имел право беспрепятственно заходить к студентам на дом, проверять поведение студентов в любом месте в пределах города Тарту, а при необходимости призывал студентов к порядку.* Несмотря на то что правонарушения, в том числе и преступления студентов, постоянно находились в орбите внимания компетентных лиц университета, это все же не исключало возможности передачи студентов в руки местной полиции.** В 1817 году были предприняты меры по ограничению автономии Тартуского университета. В 1819 году Тартуский университетский суд был освобожден от судебных дел, связанных со своими типографщиками и книготорговцами, ибо дела последние касались гражданских исков и загружали работу университетского суда [7, с. 190]. Это объясняется еще и тем, что судебные инстанции Тартуского университета не взымали судебных пошлин, которые требовались по частным искам в других судах.

Более основательное и конкретное ознакомление с практической деятельностью и компетенцией университетского суда позволяет удостовериться в том, что наибольшее число дел было связано со студентами, ибо они касались преимущественно на-

* О педелях см.: [13].

** О лишении студентов Дерптского университета привилегий касательно неподсудности их полицейскому начальству 1816 г. [14, с. 501]; об определении значения полицейских депутатов в делах университетского суда по поступкам студентов Дерптского университета [15, с. 31].

рушения студентами дисциплины: нарушения общественного порядка (пьянство, нанесение обиды гражданам словом и делом, причинение материального ущерба горожанам, недостойное поведение во время проведения церковной службы, богослужения, пребывание вне университета без формы, выход за пределы города без соответствующего разрешения, поединки (дуэли) и т.д.).

Довольно большое значение законодательство придавало поединкам, и в 1837 году поединки между студентами Тартуского университета были запрещены [16, с. 9].

28 июня 1837 года, в частности, было постановлено, что студенты Дерптского университета, оказавшиеся виновными в одном из тех относящихся к поединкам случаев, которые были перечислены в 286 ст. Свода законов, т. XIV, по предварительному исследованию дела в Университетском суде были судимы военным судом при Рижском Ордонанс-Гаузе.

В § 116 Правил для студентов Дерптского университета 1838 года указывалось, что "поединки строжайшим образом воспрещаются". 4 октября 1838 года и 20 сентября 1846 года были уточнены правила относительно ведения дел и компетентности суда в части поединков между студентами [7, с. 389].

В Уставе Императорского Дерптского университета 1865 года (дополнение) указывалось, что "студенты, виновные в каком-либо действии, относящемся к поединкам, подвергаются, по исследовании дела установленным порядком, уголовному суду на основании общего порядка уголовной подсудности" [17, с. 87].

За участие в поединке в качестве секунданта также грозило привлечение к ответственности. Истории Тартуского университета известно множество поединков между студентами. Еще в начале XX века аспирант (научный стипендиат) университета А. Фрейтаг-Лорингховен был привлечен к ответственности за поединок [18].

Судебный процесс в Тартуском университетском суде

В Уставе Императорского Дерптского университета 1803 года были также определены основы судопроизводства. Позже они были уточнены и дополнены новыми уставами (1820 и 1865 гг.).* Судебный процесс в Тартуском университетском суде был более подробно рассмотрен в правилах для учащихся (студентов) 1838 и 1869 гг.** Если этого требовали обстоятельства, судебному процессу предшествовало предварительное следствие. Предварительное следствие производили соответствующие подчиненные университету лица. В тех случаях, когда предварительное следствие по делам лиц, находящихся на службе в университете, осуществляли городские или сельские политические власти, при допросе в ходе расследования присутствовал университетский представитель, который был в курсе хода следствия. Это считалось необходимым в интересах обеспечения законности следствия. В основном судебный процесс затрагивал студенчество (особенно в 1830-1840 годы). Поэтому законодательство имело в первую очередь в виду те процессы, которые были связаны со студентами.

а) Устав 1803 года

Согласно Университетскому уставу 1803 года (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, изд. 2, Спб., 1875, с. 139-199), суд состоял из трех инстанций. Первой судебной инстанцией для студентов, преподавателей и служащих являлся ректор. Вторую ступень составляли

* Устав Императорского Дерптского университета 1820 г. - Спб., 1820. Устав Императорского Дерптского университета 1865 г. Дерпт, 1865.

** Правила для учащихся в Дерптском университете. Печатано в Университетской типографии И. Шюммана, Дерпт, 1836. Глава IX. Судопроизводство университета в отношении к студентам, §§ 124-143. Глава VII. Об университетских наказаниях. §§ 79-123. Правила для студентов Императорского Дерптского университета. Дерпт, 1869, глава II. О подсудности, а равно и о судебном и дисциплинарном производстве в Университете относительно студентов, §§ 15-39.

ректор (председатель), декан юридического факультета, один квалифицированный чиновник (синдик) и два декана других факультетов. Высшей судебной инстанцией был совет, состоявший из профессоров, однако в роли его руководителя выступал не ректор, а один из избранных для этой цели профессоров. Дела, не входившие в компетенцию Университетского совета, передавались прямо в сенат. Наличие собственного судопроизводства освобождало преподавателей и студентов от претензий со стороны местных прибалтийско-немецких судов [2, с. 71].

Судебные заседания созывались по приглашению ректора по средам. Председательствовал на суде ректор [21, с. 12]. Право созыва чрезвычайного заседания принадлежало тому члену суда, который первым узнавал о преступлении или ином правонарушении или которому подавалась жалоба. На таком заседании суда ректор не имел права голоса и не являлся его председателем на процессе (по уставу 1820 года в этом случае на процессе председательствовал декан юридического факультета) [21, с. 12].

В делах, касавшихся студентов, процесс происходил в устной форме.

В суде студенту было запрещено иметь адвоката или прибегать к помощи поверенного; студент должен был сам лично отвечать за свои поступки и сам себя защищать.

В судебном процессе обе стороны должны были отвечать на вопросы, отсрочка не давалась (§§ 174-176). Голосование проходило устно. Решение принималось на основе большинства голосов. Если голоса "за" и "против" раздвинулись поровну, решающим считалось мнение председательствующего (§ 169).

Иногда в отношении решения можно было договориться и без судебного разбирательства. В таком случае после пересмотра соответствующих актов происходило письменное голосование, причем мнения должны были совпадать и быть одинаково сформулированы. Такое судопроизводство было, по-видимому, мыслимо в тех случаях, когда дело не представлялось особо важным. Судебное решение университетского суда было окончательным и не подлежало апелляции в следующих случаях:

1) по всем жалобам, иск по которым не превышал 50 рублей;

2) в дисциплинарных делах, по которым студенты наказывались выговором, принесением извинен-

ния перед судом или заключением под стражу сроком на 14 дней;

3) в делах, касающихся исполнения должностей, по которым слушателям определялось увещание или выговор;

4) в случае присуждения денежного штрафа, не превышающего 25 рублей;

5) в обыкновенных полицейских наказаниях, производимых в отношении лиц, проживающих у особ, работающих в университете.

В случае иных, более важных обстоятельств участники тяжбы имеют право представлять апелляцию в университетский совет. Апелляционную жалобу надлежит предъявлять в течение восьми дней начиная со дня извещения решения. В течение двух недель после подачи апелляции дело рассматривалось в университетском совете [21, с. 36].

Согласно § 185 Устава 1803 года Университетский суд не может самостоятельно сделать решительного определения в делах, имеющих следствием увольнение либо временное отстранение от должности ректора, декана, профессора, чиновника или служителя, а также изгнание студента, поэтому он препровождает все материалы по делу с оценкой со своей стороны в университетский совет.

б) Устав 1820 года

В связи с необходимостью уточнить и дополнить устав 1803 года в 1820 году вступил в силу новый устав университета. Новый устав был лишь дополненным, усовершенствованным вариантом устава 1803 года [21].

Состав университетского суда был ограничен ректором, деканом юридического факультета и синдиком, причем студенты были лишены права подачи апелляции на решение суда.

В главе одиннадцатой "Об университетской судебной расправе" Устава Императорского Дерптского университета 1820 года более подробно рассматриваются основы суда и судопроизводства в Тартуском университете.

По сравнению с предыдущим уставом в новый были введены новые принципы. Новые основы характеризовали предварительное следствие, если во время следствия виновные и не были выявлены, сие не освобождало их от наказания в случае обнаружения доказательства их вины впоследствии. На протяжении следствия никто из виновных или подозреваемых не может быть уволенным. Если уличенный в нарушении частного или общего спокойствия студент

скрывался бегством, это не останавливало исполнения приговора над его соучастниками. Последние строго наказывались в соответствии с мерой своего соучастия в преступлении. От гражданских властей требовалась выдача укрывающихся. Таким же образом взскивались долги с тех студентов, которые, не уплатив их, покидали университет.

В отдельных параграфах (§§ 181 и 193) было отмечено, что проступки студентов, направленные против общественного порядка, и полицейские дела в отношении лиц, имеющих отношение к университету, направлялись для разбирательства в университетский суд. Были уточнены основы привлечения к ответственности.

Новые процессуальные принципы затронули как суд, так и судопроизводство. Так, заседание называлось полным, когда в нем участвовали по меньшей мере пять из всех приглашенных членов, причем большинство состояло из юридических заседателей. В случае отсутствия одного из заседателей он заменялся новым из числа профессоров-юристов — членов университетского совета.

Изменения, касающиеся делового судопроизводства (по делам студентов), предусматривали их рассмотрение в кратчайшие сроки — по обстоятельствам. Строго регламентировалась возможность перенесения процесса на другой срок.

“Если по делу не требуется справок и доказательств из других мест, то по тем самым законным причинам острочка не может продолжаться далее следующего заседания” (§ 172). Значительно увеличилась роль синдика, имевшего при вынесении решения решающий голос (см. главу тринадцатую Устава 1820 года, §§ 226–228 — “О синдике”).

Если при вынесении решения суд не приходил к единому мнению, дело передавалось в апелляционную инстанцию, то есть в университетский совет; в ситуации несогласия с решением университетского суда ректор имел право выносить свое мнение.

В том случае, когда студент заслуживал большего наказания по сравнению с перечисленными в 174, по требованию университетского суда к вынесению решения привлекались все юридические лица и деканы университетского совета. Такой суд собирался по окончании следственного производства, причем апелляции по выносимому приговору не допускались (§ 175).

Решение университетского суда было окончательным в следующих случаях:

1) по всем долговым денежным делам, иск по которым не превышал 300 рублей;

2) в делах, касающихся благочинства, по которым студенты подвергались выговорам, принесению извинения перед судом, заключению в университетский карцер, исключением из списка студентов;

3) во всех гражданских делах о неисполнении университетскими служащими своих должностных обязанностей;

4) в случае присуждения к денежному штрафу, не превышающему 25 рублей;

5) в обыкновенных полицейских наказаниях, производимых над служащими университета.

“Определения, сделанные на тех, кто по надлежащему троекратному призыву не являются в суд и даже при четвертом приглашении не могут представить законных причин в оправдание своей троекратной неявки, не подлежат апелляции, и исполнение по оным не останавливается“ (§ 183).

Впервые были более конкретно затронуты подчиненные университету лица (не считая студентов) в их правах на недвижимое имущество. Дела об имуществе движимом, оставшемся после смерти членов семьи и подчиненных университету лиц, поступают в университетский суд.

Судебный процесс в отношении студентов рассматривался также в Правилах для студентов 1838 и 1868 годов. Это, по-видимому, объяснялось тем, что в 1830-1840 годы увеличилось количество правонарушений, в том числе и преступлений, среди студентов, и судебные меры должны были “примирить” студенчество. В 1865 году царь утвердил новый устав Тартуского университета, в основном повторявший устав 1820 года.

Судебная, полицейская и нотариальная власть Тартуского университета оставалась на прежнем основании вплоть до введения в Прибалтике общей судебной реформы [22, с. 10].

в) Правила 1838 года

В правилах для учащихся в Дерптском университете от 4 июня 1838 года предварительное следствие было уточнено следующим образом: “Никто из виновных или подозреваемых в вине студентов не может в продолжение следствия выехать из города“ (§ 133). Дополнением явилось и то, что по делам о поединках между студентами университетский суд должен был осуществлять не только предварительное, или общее расследование, но и частное, или формальное, причем исходить при этом следовало из общих российских, а не местных лифляндских законов.

В дополнение к основным судебным инстанциям для студентов (суд ректора, университетский суд) в качестве новой судебной инстанции называют суд синдика.

Процесс для студентов был освобожден от судебных издержек. В гражданских делах было установлено, какие из них подлежат университетскому суду, а какие - суду синдика. Дела о студенческих денежных долгах, не превышающих 100 рублей ассигнациями, производились синдиком и решались без апелляций. Дела о долгах свыше 100 рублей поступали в университетский суд и также решались без апелляций (§ 128).

Дела о недвижимом имуществе студентов подлежали ведению установленных для этого гражданских судов (§ 132). В уголовных делах был введен следующий порядок: после краткого исследования университетский суд приглашал всех деканов и всех членов юридического факультета и предлагал им акты со своим мнением. Этот университетский суд определял, подлежит ли дело уголовному суду или не подлежит. В первом случае, по исключении из списка студентов, подсудимый препровождается с актами и мнением куда следует, а в другом суд решал дело сам и подвергал виновного наказанию по университетским правилам (§ 137).

При обсуждении преступлений, за которыми должна последовать высшая мера наказания, по завершении следственного производства в университетский суд призывались деканы и все профессора юристы для вынесения приговора (§ 135). Во всех случаях, когда студентов наказывали исключением из списка, *consilium abendi* или *relegatio* (см. § 3 о наказании Тартуского университетского суда), судебное решение вступало в силу только после утверждения со стороны куратора (Правила для учащихся в Дерптском университете от 4 июня 1838 года, §§ 135-136).

Введено было засекречивание документов: ни один студент не мог запросить копию своих документов, которые содержали затрагивающие его материалы дела, а также требовать их выдачи для чтения. Студент не имел права требовать назвать имена лиц, заявивших о совершении им преступления, а также имена свидетелей.

В том случае, если студент совершал побег, его вина считалась доказанной и решение сообщалось местным властям для исполнения.

Смягчающим вину обстоятельством считалось добровольное признание вины и чистосердечное раскаяние; отрицание вины и ложь влекли за собой бо-

лее тяжкое наказание. Отягчающим вину обстоятельством было, помимо указанного, совершение деяния (проступка) в состоянии алкогольного опьянения.

г) Правила 1868 года

В правилах для студентов Императорского Дерптского университета 1868 года в главе II "О подсудности, а равно и о судебном и дисциплинарном производстве в Университете относительно студентов" указывалось на то, что долговые дела студентов разбираются и решаются синдиком. Если одна сторона такое решение находит для себя убыточным, она может принести жалобу университетскому суду, но должна заявить об этом синдикату. На решение университетского суда по таким жалобам дальнейшие жалобы не допускаются. Если же должник не покроет своего долга в назначенный синдиком срок, то дело передается синдиком в университетский суд. Университетский суд или назначал по своему усмотрению новый срок, или увольнял должника из университета. Если студент не являлся в университет своевременно к началу семестра, он должен был немедленно представиться проректору, и, если он не представлял причин своего отсутствия, его дело передавалось в университетский суд. Решение университетского суда обычно сообщалось родителям (попечителям) виновного [23, с. 9-10]. В этих правилах интерес вызывал принцип, согласно которому определялись размеры исков, предъявляемых студентам за отдельные вещи, услуги и продукты. Так, за хлеб - 10 рублей, за молоко и сливки - 3 рубля, за квартиру и дрова - 20 рублей, за прокат мебели - 5 рублей, за найм прислуги - 10 рублей, за стирку белья - 5 рублей, за портняжные работы - 15, а за сапожные - 7 рублей, за книги - 10 рублей, за купеческие товары - 10 рублей [7, с. 135].

Количество судебных заседаний и количество судебных дел Университетского суда было часто довольно большим, о чем свидетельствуют и следующие цифры:

I период (1803-1820 годы)

В 1807 году состоялось 75 заседаний, на которых было рассмотрено 98 судебных дел,

в 1808 году,	соответственно,	112 и 102,
в 1809 году	-	113 и 124,
в 1810 году	-	89 и 86,
в 1811 году	-	116 и 98,
в 1812 году	-	119 и 167,
в 1813 году	-	120 и 155,
в 1814 году	-	98 и 203,
в 1815 году	-	107 и 235,

II период (1820-1865 годы):

1821 год	-	84 и 213,
1822 год	-	70 и 387,
1823 год	-	81 и 268,
1824 год	-	73 и 334,
1825 год	-	71 и 315,
1840 год	-	82 и 238,
1841 год	-	147 и 198,
1842 год	-	152 и 240,
1843 год	-	177 и 207,
1844 год	-	167 и 259,
1845 год	-	120 и 264

[7, с. 462].

Многие судебные решения были обжалованы в университетский совет и в апелляционный суд. Следует отметить, что в практике университетского суда по сути дела не встречалось политических процессов.

Наказания, налагаемые Тартуским университетским судом

- 1) выговор ректора;
- 2) заключение в карцер сроком до трех дней;
- 3) выговор университетского суда;
- 4) заключение в карцер сроком свыше трех дней;
- 5) исключение из списка студентов;
- 6) удаление (*consilium abendi*);
- 7) изгнание (*relegatio*);
- 8) уменьшение стипендии (для стипендиатов);
- 9) помещение имени на "черную доску";

- 10) лишение полной стипендии (для стипендиатов). *

Рассмотрим наказания по их видам. Виды наказания приводятся в последовательности, упорядоченной по усугублению степени их тяжести:

а) Заключение в карцер

Заключение в карцер (Criminal Carcer) имело три степени:

1) заключение с дозволением употреблять обыкновенную пищу;

2) заключение с помещением на хлеб и воду;

3) заключение во время вакансий (каникул).

В любом случае заключенный должен был находиться в совершенном уединении (§ 81 правил 1838 года).

Заключением в карцер наказывали за вторжение в чужое жилище, за нарушение общественного порядка и спокойствия граждан, за вывешивание писем недозволенного содержания в общественных местах (§ 106), за распространение запрещенных трудов (произведений), за ношение формы на улице.

Каждый студент должен был возвращаться домой не позже II часов вечера. "Кто находился на улице после сего времени, замешан будет в каком-либо деле, имеющем последствием судебное разбирательство, тот, хотя бы и не оказался виновным по сему делу, подвергается заключению в карцер" (Правила 1838 года, § 114).

Для наказания студентов в главном здании университета (на чердаке) находилось несколько карцеров (арестных камер): два карцера были предусмотрены для лиц, совершивших особо тяжкие преступления, и 2-3 карцера - для лиц, находящихся на предварительном следствии.

Хранимые в Центральном историческом архиве Эстонской ССР (фонд 402) карцерские книги (Carcerbuch) дают ясное представление как о числе студентов, понесших наказание в карцере, так и о причинах наказания. С 1876 по 1889 год карцеры посещались от 85 до 155 раз в год: в 1884 году - 85 раз, а в 1887 - 155 раз. Частым было посещение карцера и в 1889 году - 131 раз. В остальные годы число посещений карцера составляло от 97 до 125 раз [24].

* § 79 Правил 1838 года для учащихся.

До 1892 года мы можем проследить посещение карцеров по карцерским книгам, после 1892 года — на основании протоколов заседаний Университетского управления. По мнению М. Салупере, карцер посетил каждый третий студент [25].

Карцеры посещались по следующим причинам:
хулиганство (больше всего) — по 2, 3, 7, 8 и 10 дней до двух недель

загрязнение бани

нарушение ночного спокойствия — 2 дня

обман купца (3 недели)

происшествие в доме рабочих (3 недели)

происшествие в сиротском доме (3 дня)

драка (от 5 дней до 1 — 3 недель)

дуэль, поединок (3 недели)

верховая езда в парке Тоомеяги (5 дней)

вторжение в чужую квартиру (3, 5, 8 и 10 дней, а также 2–3 недели)

взлом окна (3 дня)

избиение мальчика (14 дней)

оказание сопротивления (8 дней, 3 недели)

сокрытие своего имени и звания (2 дня)

стрельба в черте города (3 и 4 дня, 2 и 4 недели)

въезд из Тарту без разрешения (3 дня, 6 дней)

самовольный уход из карцера (3 и 9 дней)

брань (6 и 8 дней)

невозвращение книг в библиотеку (2 дня)

курение в главном здании университета (2 и 3 дня)

невозвращение долга (1 и 2 дня)

оскорбление дамы (4 дня)

использование чужого экипажа (3 дня)

применение угрозы (3 дня)

действия против извозчика (2, 3 и 8 дней, 3 недели).

Были случаи, когда ректор освобождал студентов из-под карцерского ареста досрочно, под честное слово.

Фактически наказания налагались самые слабые: чаще всего назначался карцер, затем временное удаление из университета (*consilium abendi*) и в редких случаях — релегация, то есть удаление из университета навсегда. Нахождение в карцере не представляло собой ничего страшного, ибо оно смягчалось всякого рода поблажками, о которых начальство университета не знало или на которое не обращало внимания. К находящемуся в карцере студенту легко можно было проникнуть не только това-

рицам, но и женщинам. Зачастую наказанный проводил в нем время со своими посетителями за карточной игрой, за песнями и в попойках [7, с. 252]. Этому содействовало и то, что при помещенном в карцер находился сторож, который получал за своего "подопечного" всего лишь по 25 копеек в день.

б) Исключение из списка студентов

Сущность этого наказания состояла в следующем: студент покидал университет, но, если он выражал сожаление по поводу совершившегося и исправлялся, он мог быть восстановлен в списках. Это наказание имело весьма широкое распространение. Оно предусматривалось при вторжении в дом со взломом, при употреблении алкогольных напитков, нарушении общественного порядка, при вывешивании в общественных местах записок (писем) недозволенного содержания, при распространении запрещенной литературы, при оскорблении с применением силы, при появлении на улице не в форменной одежде.

"Исключение из списка студентов назначается всегда на неопределенное время и обязывает виновного оставить город Дерпт (§ 82 Правил для учащихся в Дерптском университете, 4 июня 1838 года). Повторное поступление исключенного студента в университет зависело от разрешения Совета, согласия попечителя, но оно не могло последовать до наступления следующего после исключения полугодия, да и то лишь тогда, когда исключенный представлял достаточные свидетельства о своем поведении во время своего отсутствия (§ 83). Студент исключался из списка обучающихся в университете и в том случае, если его привлекали к уголовной ответственности в уголовном суде и если он подвергался повторному наказанию.

в) Удаление (*consilium abendi*)

Это наказание применяли в случае относительно более тяжких преступлений и правонарушений. "За удалением (*consilium abendi*) кроме обязанности немедленно оставить город необходимо вывесить его имя на так называемую "черную доску". В студенты он может быть вновь принят не иначе как по представлению совета и ходатайству попечителя, с разрешения министра народного просвещения, и притом по прошествии не менее одного года. Согласно правилам 1838 года, об этом также извещается в местной газете.

Consilium abendi был предусмотрен за недостойное поведение, выражающееся в нарушении порядка при богослужении или во время другого религиозного обряда либо в оскорблении присутствующих, за оказание сопротивления университетским и местным властям, за поломку окон, за азартные игры, за недозволенное обращение с женщиной, за насилие, за оскорбление с применением силы. Утратив право на возвращение в Тартуский университет, студент мог со временем продолжить учебу в других университетах.

г) Изгнание (*relegatio*)

Изгнанием из университета карали в случае особенно тяжких преступлений. Практически такая мера наказания применялась относительно редко. При изгнании (*relegatio*) о наказанном студенте сообщалось во все учебные заведения как в России, так и за границей, что налагало на эти учебные заведения обязанность не принимать данного студента в свои стены (§ 86 Правил для учащихся в Дерптском университете 4 июня 1838 года).

Изгнание (*relegatio*) студента из университета было предусмотрено в следующих случаях:

- за нарушение порядка в церкви и во время богослужения;
- за оскорбление местных и университетских властей;
- за поломку окон;
- за самоволие;
- за оскорбление с применением силы.

Вопрос о применении изгнания (*relegatio*) решал Университетский высший (верховный) суд.

Все содеянные преступления заносились в специальные книги. О наказании Университетского суда информировали родителей или попечителей обвиняемого.

Согласно Правилам 1838 года, изгнание (*relegatio*) назначал Университетский суд. С 20 декабря 1835 года куратор получил право участвовать в определении этого наказания. Решения Университетского суда приводились в действие с согласия куратора (ранее для этого необходимо было утверждение ректора).

Студенческий "суд чести" (*Ehrengericht*)

В связи с тем что поединки считались весьма действенным практическим средством разрешения проблем, связанных с честью личности, то против-

ники поединков (дуэлей) в интересах реализации вышеизложенного ввели в действие "суд чести".

В 1841 году в Тартуском университете был создан "суд чести" в составе особых "судей" (Ehrengerichtes - судей чести), в который входили по трое судей чести от каждой корпорации [10, с. 41]. В компетенцию такого суда входили вопросы, связанные с "ущемлением чести", и посредничество - примирение враждующих сторон.

Решение этого суда не подлежало апелляции.

В каждой корпорации также были "судьи чести" - "посредники" - три уполномоченных лица, один "судья" и один староста "фуксов". И их цель также состояла в примирении сторон, в предотвращении поединка (дуэли). Об этом идет речь и в Правилах для корпораций студентов Дерптского университета 1855 года, где в § 10 указано, что в интересах примирения ведущих тяжбу сторон создаются суды чести (Ehrengericht).

Этот суд должен был обсуждать все поданные студентами жалобы и жалобы, поданные на студентов.

Корпорации не ограничивались воздействием на студентов в период их учебы в Тартуском университете, их влияние продолжалось после окончания университета. В качестве наказания применялось предупреждение, а также так называемое порицание (Vergruf), то есть прекращение всяческого общения с виновным. Последнее было особенно актуальным для выпускников университета. "Суд чести" мог предложить руководству исключить студента из университета.

Тайные "суды чести"

В правилах для учащихся в Императорском Дерптском университете 1838 года, а также в Уставе Дерптского университета 1803 года (отделение II, § 17) указано, что в обязанность студентов и всех членов и чинов университета входит запрещение ... "заводить так называемые орденские общества и братства. Сие простирается и на все прочие скрытия или только по наружности публичные собрания ...". Несмотря на это, в Тартуском университете были распространены так называемые Burschenschaft'ы, то есть определенные тайные организации, в которых участвовала известная доля студентов.

Наравне с официальными - открытыми - университетскими судами возникают и так называемые Burschengericht'ы - суды студенческих корпораций.

Последние пытались игнорировать официальные, открытые суды и решали возникшие в корпорациях споры — дела чести — в рамках этих неофициальных судов. “Решения” *Burgschengericht*’а имели большой вес в корпорации (как среди студенчества, так и в среде выпускников университета) [26, 27, 28, 29].

Согласно Правилам 1838 года, куратор имел право не только утверждать или не утверждать решение университетского суда, но также и смягчать или ужесточать само наказание.

Результаты деятельности Тартуского университетского суда

Тартуский университетский суд был, по всей вероятности, создан с тем, чтобы углубить автономию университета и создать его членам наиболее благоприятные условия для защиты своих специфических интересов в обстановке господства сословного феодального права (“кулачное право”). В интересах правительства было повседневное “попечительство” — надзор за деятельностью профессорско-преподавательского состава и студенчества.

Новый университетский устав 1884 года ликвидировал автономию университетов, полностью подчинив их власти министра народного просвещения и попечителей учебных округов.*

В 80-е годы в Прибалтийских губерниях была осуществлена школьная, судебная, полицейская и административная реформы, ограничившие в некоторой степени прибалтийский сепаратизм и остзейский “особый порядок”.

Е 1889-1895 гг. была проведена реформа Тартуского университета, состоявшая, в частности, в распространении на него действия устава 1884 года. Реформы преследовали цель приспособления государственно-правового механизма к нуждам развивающегося капитализма. Несмотря на это, реформа сохранила в Прибалтике в неприкосновенности еще целый ряд феодально-сословных отношений — так называемых остзейских привилегий [31, с. 120 и сл.].

В работе лифляндского губернатора от 1889

* Хотя устав был предусмотрен для Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Киевского, Новороссийского университетов, он оказал большое влияние и на деятельность других университетов [30, с. 2404].

года отмечается, что "окончательный удар сепаратизму прибалтийских губерний, полное ассимилирование этих губерний к прочим частям империи принадлежит лишь учебному ведомству ..." [32, с. 11]. "... для ослабления же корпоративного духа студентов, особый, состоявший из профессоров, университетский суд упразднен и студенты за проступки общего характера подлежат обыкновенному суду, а за проступки студенческие - взысканиям, назначенным ректором, проректором и правлением университета."*

Ликвидация Университетского суда была зафиксирована в ряде официальных изданий [33, с. 389]. Этим был реализован ряд требований Лифляндского губернатора о ликвидации университетской автономии и его сепаратизма [32, с. 17].

Литература

- 1 Раудялюнас В. Суд древнего Вильнюсского университета. // "Социалистине Тейсе" ("Социалистическое право"): Бюллетень Министерства юстиции Литовской ССР. - 1978. - § 4 (44) (На лит. яз.).
- 2 См.: История Тартуского университета 1632-1982. / Под. ред. К. Сийлиласка. - Таллин, 1982. - С. 20 и др.
- 3 См.: Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников: Выпуск первый. Университеты до эпохи шестидесятых годов. - Спб., 1914.
- 4 О судеустройстве в Прибалтике см. Егоров Ю.А. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции IV. - Тарту, 1978.
- 5 См.: Духанов М. Остзейцы. - Рига, 1970.

* Копия выписки из журналов Комитета министров 10 и 23 декабря 1891 года по вопросу об отчете Лифляндского губернатора за 1889 год о неблагоприятных последствиях особенностей Дерптского университета [32, с. 16-17].

- 6 Устав Императорского Дерптского университета. - Спб., 1803.
- 7 См.: Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802-1902). - Юрьев, 1902. - Т. I.
- 8 О полицейской власти в Прибалтике см.: Егоров Ю. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. - Тарту, 1972. - Вып. 3.
- 9 Журнал Министерства народного просвещения. - 1861. - Отд. офиц. - № I.
- 10 Tartu üliõpilaskonna ajalugu. / Toimetanud J. Vasar. - Tartu, 1932.
- 11 См.: Из Дерпта. Синдикатский суд в Университете // Современные известия. - 1881. - № 103.
- 12 Егоров Ю. Гражданское право Эстонии в XIX в. - Тартуский государственный университет // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1972. - Вып. 298: Труды по правоведению XIV. С. 149-164. Егоров Ю. Уголовное право в Эстонии (XIX в. - октябрь 1917 г.). Тартуский государственный университет // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1972. - Вып. 300: Труды по правоведению XV. - С. 144-151.
- 13 Правила для учащихся Дерптского университета 1838 г., § 113.
- 14 Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем - ПСЗ) Спб. 1830. Т. XXXIII. - № 26144.
- 15 ПСЗ. Второе изд. - Спб., 1843. - Дополнение к XVIII тому. - № 16921 а.
- 16 См.: Журнал Министерства народного просвещения. - Спб., 1837. - Ч. XV.
- 17 Устав Императорского Дерптского университета. - Дерпт, 1865.
- 18 См.: Lesment L. Carcer universitatis // Tartu Riiklik Ülikool, 1976. - № 23, 4. VI.
- 19 Устав Императорского Дерптского университета 1865 г. - Дерпт, 1865.
- 20 Правила для учащихся в Дерптском университете. - Дерпт, 1836.
- 21 Statuen der Keiserlichen Universität zu Dor-

- pat. - Dorpat, 1803. - § 51.
- 22 См.: Устав Императорского Дерптского университета 1865 года. - Дерпт, 1865.
- 23 Правила для студентов Императорского Дерптского университета. - Дерпт, 1869. - § 21.
- 24 ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 8, ед. хр. 31, 32.
- 25 Näitus ülikooli ajaloost // Edasi, - 1982. - 8. VII.
- 26 Grünewaldt O. Erinnerungen. - Reval, MCM XVII. - S. 15-19.
- 27 Gernet A. Das Ringen des landsmannschaftlichen und burchenschaftlichen Principis in Dorpat. Eine historische Skizze - Юрьев, 1893.
- 28 Mühlen A. Eine Landtagsgerede über das Duell. - Reval 1893.
- 29 Gernet A. Geschichte der Estonia. - St. Petersburg, 1893.
- 30 ПСЗ. - СПб., 1887. - Т. 9.
- 31 Егоров Ю. История государства и права Эстонской ССР. Дооктябрьский период (XVIII век - окт. 1917). - Таллин: Валгус, 1981.
- 32 ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, ед. хр. 76.
- 33 ПСЗ. - Спб., 1889. - Т. 9. - 6163.

Оглавление

А. О. Теринг. О юридическом образовании членов городских магистратов Эстляндии и Лифляндии в XVII-начале XVIII в. (1630-1710).....	4
А. О. Теринг. О юридическом образовании членов Тартуского гофгерихта 1630-1710.	28
И. Н. Грязин, Х. Л. Танклер. Особенности и теоретические проблемы юридического регулирования деятельности университетов России и особенно Тартуского в первой половине XIX в.	57
И. А. Емельянова. К вопросу о "юридическом историзме" в русской историко-правовой литературе середины XIX в.	78
П. М. Ярвелейд. Комплектация преподавательского состава юридического факультета Тартуского университета в первые десятилетия XIX в.	96
П. М. Ярвелейд. Комплектация преподавательского состава юридического факультета Тартуского университета 1820-1865 гг.	119
В. Э. Тамул, К. М. Нурк. Профессор международного права Петербургского университета И. И. Ивановский и Тартуский университет (1828-1833).	140
К. Мацумура (Япония). Рецепция работ Ф. Ф. Мартенса в Японии.	156
Я. Я. Соотак. Профессор уголовного права Тартуского университета В. Роланд.	161
Ю. А. Егоров. Университетский суд Тартуского университета в XIX столетии.	170

Авторы

- И. Н. Грязин – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Тартуского университета
- Ю. А. Егоров – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тартуского университета
- И. А. Емельянова – кандидат юридических наук, доцент
- К. Мацумура – сотрудник Токийского университета
- К. Нурк – учительница истории Лихулаской ср. школы
- Я. Соотак – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тартуского университета
- В. Тамул – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Тартуского университета
- Х. Танклер – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории науки и высшей школы Тартуского университета
- А. Теринг – кандидат исторических наук, главный библиотекарь Научной библиотеки Тартуского университета, член-корреспондент Финского общества генеалогии
- П. Ярвелейд – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Тартуского университета